Переводы

ИЗ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Михаль ХУДА
С чешского

НАДПИСИ НА ДОМАХ

(Цикл сонетов)

> Так вот они, смотри, стоят уж наготове:
> в них ненависть вошла, как в сердце ятаган,
> их грудь сдавила злость, их мучит жажда крови, —
> как псы, хотят загнать нас в гибельный капкан.
>
> *Павол Горов, «Надписи на могилах»*

Итак, поэт, смотри: всё та же длится драма,
над сценой мира снова занавес дрожит,
толкают Землю к черной пропасти упрямо,
и собственная смерть безумцев не страшит.

Не меч, не ятаган, а страх мне душу ранит,
что жизнь под гром ракет низвергнется во тьму.
Не опускайте рук, когда стоим на грани
войны, где не найти спасенья никому.

Моя строка дрожит, как будто лист осины.
Но в сердце и в стихах надежды негасимы —
нас мрак не поглотит.

А ненависть и злость — от сатанинских козней.
Но полнится мой стих мечтой, еще не поздней,
что разум победит.

* * *

Издайте гордый звон, колокола молчанья!
Быть может, горький жребий нашу Землю ждет.
Ее морей и гор мы слышим причитанья,
нам даже Млечный Путь свою тревогу шлет.

Пусть все колокола сольются в грозном крике,
чтоб содрогнулись те, в чьих душах нет любви.
Из глубины времен пускай восстанет Нике —
и красота не даст мир потопить в крови.

Куда ведет нас путь, достойный укоризны?
Мы ищем для себя лишь выгоды от жизни.
Но что мы дали ей?

Придумал человек, что он — венец творенья.
Природу подчинил. Но грянет час прозренья.
Поймет он, кто сильней.

* * *

Да будет вечен мир! Но я всё чаще слышу,
что жизнь в огне войны возможно сохранить.
И нас хотят загнать под землю, как под крышу,
чтоб с солнцем разорвать связующую нить.

И странная тоска мне в душу западает:
когда погибнут все, останусь я — живой,
увижу я, как дым в развалинах блуждает
и кратеров пустых услышу смертный вой.

Прочь, гробовая тень! Прочь, жуткое виденье!
За радость бытия, за таинство рожденья
я голос поднял свой.

Пусть люди избегут губительной отравы,
и пусть во все века цветы, колосья, травы
пьют солнечный настой.

* * *

Жизнь беспредельна, брат, и красота бессмертна.
Да, тайны бытия порой внушают страх.
Но торжеству любви я радуюсь безмерно,
когда встречаю мать с ребенком на руках.

Когда я вижу, как моей любимой косы
сбегают по ее плечам, легко скользя,
когда ее глаза от нежности раскосы
и наших знойных тел разъединить нельзя, —

гуляет рядом смерть, всесильная, шальная,
которой все бегут, того не сознавая,
как близок смертный час.

Но всё ж возможна жизнь и в этом скорбном лоне:
последний солнца луч преломится в ладони,
к отцам приблизив нас.

* * *

За мыслью мысль спешит в круженье листопада,
и сердце бьется в лад дыханью октября,
шуршат венки во мгле кладбищенского сада,
и свечи на ветру трепещут, чуть горя.

Здесь временем земным покой предвечный правит,
здесь навевает сон любой цветок и куст.
Земля живым сердцам свою любовь оставит,
здесь мудрые слова с ее слетают уст.

Всегда она нежна, ранима, молчалива
и наших предков прах она хранит ревниво,
их души не отрыть.

Но всё равно могилы те во мне теснятся,
и в сердце по ночам их кости шевелятся.
Забвенью их не скрыть!

* * *

Благословенна жизнь! И выше нет награды.
Трудом ума и рук всегда земля цвела.
Лишь времени закон нам не сулит пощады,
оглянешься назад, а жизнь уже прошла.

И песней ничего на свете не исправить.
Но будущего свет нас может изменить:
жестокости лишить и от вражды избавить,
народы всей Земли в одну семью сплотить.

И пролитую кровь людскую помнить надо.
Пусть ненависть умрет, умолкнет канонада
в безумный этот век.

В ту пролитую кровь должны мы вечно верить,
ведь горе матерей ничем нельзя измерить,
заблудший человек!

* * *

Когда в рассветный час мои проснутся дети
и от улыбок их забрезжит день в окне,
то кажется, что вся любовь на белом свете
в прекрасный этот миг обращена ко мне.

Искристый детский смех я радостно приемлю.
Да не померкнет блеск в глазах счастливых их!
И вот теперь должны спасти мы эту Землю
уже не для себя, а для детей своих.

Пусть я умру, но в них и жизнь моя, и вечность,
и дети их детей вольются в бесконечность,
людской продолжив род.

Я буду через них всегда тянуться к свету,
любить людей, хранить прекрасную планету —
вот жизни вечный код.

* * *

«Войны не будет, нет?» — однажды дочь спросила.
И я почуял страх в услышанных словах.
И в этот горький миг я видел, как сквозила
недетская печаль в ее больших глазах.

В нас вера в жизнь сильна. Надежда, словно птица,
нас к облакам зовёт, и каждый — окрылён.
Так что же человек при жизни в ад стремится,
готовит наяву себе кошмарный сон?

И вот от царства тьмы ключи в руках он вертит.
И, правды не найдя, ее он ищет в смерти.
Но истина — одна.

Течет река, ее живой родник питает.
И над детьми еще жена не причитает.
Любовью ночь полна.

* * *

Спокойно смотрят горы в небо голубое,
и вечный океан качает корабли.
Но мой призывный стих не ведает покоя,
ведь люди до сих пор к единству не пришли.

Еще мы не сожгли своей живой планеты,
но в ядерном кольце наш хрупкий мир зажат,
на каждого из нас нацелены ракеты,
и ястребы уже над головой кружат.

За утренней звездой, мой брат, иди послушно,
и пусть горят в душе твоей неравнодушной
семь радужных огней.

От сердца к сердцу путь прокладывай обширный
и возведи мосты над пропастью всемирной,
сближая всех людей.

* * *

Повсюду жизнь. Она неповторимой новью
распахнута для всех, как чистая тетрадь.
Свой путь в нее впиши ты собственною кровью,
чтоб мог ее потом без страха пролистать.

Взгляни: в природе всё вокруг благоухает,
и каждый из камней хранит покой и мир.
Пусть ненависть в сердцах, как лёд в реке, растает,
ведь Книга Бытия зачитана до дыр.

О люди, шар земной ладонями укройте,
для будущих веков спасите и воспойте
единство и любовь.

Наперекор всему, что угрожает миру,
стреми, высокий стих, немеркнущую лиру
жизнь славить вновь и вновь!

(Октябрь — ноябрь 1983)
1984, «Наш современник»
1992, ж. «Славяне»

Никола ФУРНАДЖИЕВ
С болгарского

ОНИ ПОГИБЛИ

В этот солнечный день, синевою небес напоенный,
ярко флаги полощутся с пятиконечной звездой
над могилою братской, чугунным литьем огражденной,
и укрытой цветами и ветками с нежной листвой.

На могиле — портреты. Вот смотрит на нас, как живая,
деревенская девушка, взгляд ее нежность таит.
И скуластый парнишка, сын вольного горного края,
в гимназистской фуражке с портрета задорно глядит.

Мы сегодня должны перед ними, отчизна, склониться
и детей привести, чтоб запомнили те навсегда,
как по тропам, сиренью заросшим, людей вереницы,
развевая знамена, текли бесконечно сюда.

И куда ни взгляни — всюду женщины в черных накидках,
а в глазах матерей, как хрустальные, слезы дрожат.
Здесь же молча стоит, уцелевший в бесчисленных битвах,
из отряда погибших — седой и суровый солдат.

Да, погибли они. Но пребудет отчизна свободной.
Не сотрутся вовек в нашей памяти их имена.
За свободу заплачено пóлитой кровью народной.
И свобода для нас — достоянье на все времена.

Неизбывна она, в нашей почве крепки ее корни,
и над нами раскинула ветви, как дуб молодой,
и густою листвой в поднебесье стремится упорно,
где над гордой вершиной сияет простор голубой.

(1950)

РАССВЕТ

В ночную даль мой поезд мчится.
Исчезла станция давно.
Сквозь тучи серый свет сочится.
Холодный дождь стучит в окно.

Вот мы летим в полях открытых,
нарушив сон окрестных сел,
над ними огоньков размытых
чуть золотится ореол.

И на минутных остановках,
прохладой утра возбужден,
рабочий люд в плащах, в спецовках
переполняет наш вагон.

Крестьяне, маляры, шахтеры
в тепле, промокшие, сидят.
Одни заводят разговоры,
другие молча в ночь глядят.

Иные — вынимают свертки,
на завтрак брынзу достают
и на бумажные обертки
лепешки сытные кладут.

Уже проглядывает местность,
и станция в дожде видна.
Уходят люди в неизвестность,
смотрю я вслед им из окна.

Я всё отчетливее вижу
в лучах рассветных небеса,
сторожки шиферную крышу
и строек свежие леса.

Какая тишь! Всё недвижимо.
Всё спит в объятьях тишины.
Но и в молчанье различимо
величие твоей страны.

(1958)

В ПУТИ

В зное июльском идти тяжело.
Окаменела в воловьих копытах
глина, горит на подошвах разбитых,
жжет нам ступни, хоть и солнце зашло.
Ветер гуляет в долинах открытых,
и на высоких бесшумных ракитах
зарево розовый отблеск зажгло.

Долго еще нам идти предстоит.
Два сигаретных дымка голубеют.
«Люди друг друга понять не умеют,
время такое... — старик говорит. —
Не замечают они, как стареют...
Вот ведь и мы со старухой моею —
ляжем, молчим, так и ночь пролетит».

Он вынимает измятый портрет,
чиркает спичкой, ругая кого-то.
Парень задумчивый в полоборота
смотрит со снимка. Печалится дед:
«Только о сыне вся наша забота,
к нам же ему приезжать неохота,
он, как и ты, понимаешь, — поэт».

Что-то ворчит еле слышно старик.
Сколько в словах его грусти глубокой,
сколько укора и горечи строгой!
Мысли свои говорит напрямик.
Медленно тянемся горной дорогой.
В небе темнеющем месяц двурогий
из облаков выплывает на миг.

(1958)

К РОДИНЕ

Всякий раз мы с тобою встречались по-новому,
от тебя ничего я в душе не таил.
Ты свободна теперь... И по счету суровому
за ошибки свои я с лихвой заплатил.

Я работал — страницы стихами исписаны.
И тревогу, и радость, и гнев я знавал.

Я стремился во всем докопаться до истины
и проверить, где прав и не прав я бывал.

В гору вьется тропа, не угонишься в старости
за другими — они перешли перевал...
Всё иное во мне, даже чувство усталости:
все идут впереди, я один лишь отстал.

Не забудется он, горький час испытания,
понимал я тогда, скорбь свою затая,
как гнетет, как страшит эта боль расстояния
между мной и тобою, отчизна моя.

Мы с тобой, не прельщаясь посулами зряшными,
вместе духом крепчали и вместе росли.
Будем жить и трудиться и будем бесстрашными
ясным днем, если ночь грозовую прошли.

Пусть висит над болотами песня угрюмая,
воют волки в лесу и кричит воронье, —
слышу я, о тебе нескончаемо думая,
как в груди у меня бьется сердце твое.

(1958)

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Деревня скрылась за холмами,
и солнце вдруг ушло за лес.
Кроваво-красными мазками
окрасил запад синь небес.

Поля угрюмо затихают,
снега морозны и тверды.
И птичьи на снегах мелькают,
как иероглифы, следы.

Они исчезнут до рассвета.
По всей дороге снег примят.
Столбы при темном взмахе ветра,
как бы железные, звенят.

И вот уж сумерки сгустились,
и ночь была бы тяжела,

когда б огни не золотились
в домах недальнего села;

когда б не этот свет далекий,
дрожащий сквозь густую хмарь, —
пристанционный, одинокий,
похожий на звезду, фонарь;

когда б не рокоты моторов,
и после смены трудовой
вот этот зимний путь шахтеров
в грузовиках на юг, домой.

(1958)

ИЛИЕ БЕШКОВУ

Просматривая старый твой альбом, —
как будто юности своей страницы
листал я грустно, думая о том,
что смог в твоих рисунках отразиться
мир наших чувств, мечтаний и тревог
и образ нашей веры неизменный,
пути борьбы и горечь тех дорог,
что ты прошел, художник вдохновенный.

Да, всё такой же ты со мною вновь —
жестоко-милосерд и грустно-весел.
О, как в тебе тогда кипела кровь!
При неудачах ты — удачей грезил.
И ты не ведал жалости к себе,
бесстрашно шел сквозь мрак непониманья,
как сын народа, как творец, в борьбе
за правду — ты снискал теперь признанье.

И вот у гроба твоего стою.
Открыл ты губы, как во сне ребенок.
Ужель я руку не пожму твою,
не встречу смех, который был так звонок?
Прости, прости! Несутся облака.
Как черный карандаш, в аллее сонной
высокий тополь задрожал слегка,
потом качнулся и упал, сраженный.

(1958)

В РОДНОМ КРАЮ

Неужто я сюда вернулся словно странник?
Ведь каждый час разлуки я душой был тут —
на улице моей, согретой солнцем ранним,
в подножьи синих гор — когда сады цветут.

Дорог исколесил на свете я немало,
и всё в родном краю меня теперь дивит.
С товарищем моим идем мы для начала
на стройку, что весь день грохочет и гудит.

Бульдозер грунт гребет, рыча со страшной силой,
от копоти его висит над стройкой хмарь.
А рядом притулясь, стоит наш домик милый,
и груша во дворе еще шумит, как встарь.

И мы без лишних слов глядим в глаза друг другу.
О память, неужели ты теперь — лишь дым?
«Другие времена», — мне друг сжимает руку.
И мы, вздохнув, опять задумчиво молчим.

А груша все шумит, цветет неугасимо...
Бульдозер целый день гремит на весь квартал.
Над городом висят густые клубы дыма,
и шалый ветер их уносит за вокзал.

Прекрасна жизнь, мой друг, уйми воспоминанья.
Как быстро мир вокруг меняет прежний вид!
Стихает лишь на миг стальное грохотанье,
а груша все шумит, а груша все шумит...

(1961)

У МОРЯ

Под солнцем палящим июльского дня
огромное море прогрелось до дна.

Шумит и вскипает оно предо мной,
под скалами плещется, розово-сине,
чуть дальше, где камни чернеют в пучине, —
играет, сверкая, зеленой волной.

Но не пробивается солнечный свет
сквозь тучи тяжелые около Галы,
там море угрюмым и сумрачным стало,
окрасилось в темно-коричневый цвет.

И скоро, как будто из глуби самой,
морская стихия громадной волной,
взметнувшись, на берег крутой устремилась
и с грохотом грозным о скалы разбилась.
И девушка на золотистый песок
небрежно бросает прозрачное платье
и в синей воде, одиноко и плавно
качаясь, блестит, словно яркий листок.

О, краски веселые дня моего!
Но ветер поднялся, уж близится вечер,
усталый рыбак поднял весла на плечи,
ракушки пестрели у лодки его.
И вдруг поседели морские валы,
и дождь застучал по навесам на пляже,
но был он и теплым, и ласковым даже,
и струи, как лучики, были светлы.
А в море уж новые блики сверкнули —
надолго не прячется солнце в июле.

(1961)

НА ПЛЯЖЕ

Как можешь ты задерживать меня,
когда стоит жара и море рядом?
Я слышу, как шумит оно за садом,
и вот страдаю взаперти полдня.
Но больше я терпеть не мог уже —
так волновал меня прибой набатный!
И лишь простор увидел необъятный —
мне сразу стало легче на душе.

Вода стремилась камни расколоть,
дышало море, как живая плоть, —
то поднималась, точно грудь, волна,
то опускалась тяжело до дна.

Уже внизу, на берегу я был.
Нетерпелив, разделся я мгновенно,
меж водорослей, в брызгах белопенных
я погрузился в воду и поплыл.

И были только волны впереди,
казалось, море переплыть я в силах,
кровь, словно ток, в моих гудела жилах
и хохот дерзкий рвался из груди.
Как бы летя в грохочущую бездну,
в воде бурлящей греб я все сильней,
то ль навсегда хотел я в ней исчезнуть,
то ль заново желал родиться в ней.

(1961)

НА СТРОЙКЕ

Холмов вереницу густой пеленой
наскучивший дождь закрывает,
над стройкой висит он завесой сплошной
и пашни вдали размывает.

Остались лишь двое на мокрых лесах,
работы своей не бросая.
Кирпичная кладка росла на глазах,
а ветер гудел не смолкая.

Трудились они над стеной дотемна
с упорством самоотреченья.
И что им погода? Казалось, она
для них не имела значенья.

Когда ж всё вокруг погрузилось во мрак
и в озере волны взыграли,
спустились они в свой дощатый барак,
где все уж давно отдыхали.

И ели неспешно, склонясь над столом,
толкуя с улыбкой ленивой
о жизни прошедшей, о доме своем,
о долгой погоде дождливой.

А после на доски ложились они
и сладко в тепле засыпали.
Про эти ненастные хмурые дни
они лишь во сне забывали.

И рано вставали с рассветом седым,
давнишней привычке послушны.
Будить ото сна их ни мне, ни другим,
конечно же, не было ну́жды.

(1961)

САМОЕ ТРУДНОЕ

Победы, бури и терзания,
паденья, тяжесть перевала,
и вновь дороги, расстояния,
а передышек — не бывало!

Борьба, усилия упорные...
Она вдали — судьбы вершина.
Всё — крутизна, уступы горные,
хоть человек ты, не машина!

Ты с теми, кто порой рассветною
встает в наш век неутомимый.
И бьешься над строкой заветною:
он труден, этот труд любимый!

Отринув суету рутинную,
себя жалеть уже не вправе,
как живописец над картиною,
корпи, не думая о славе.

Душа не продана, не сломлена
и светом истины согрета.
Держи ответ, коль слово молвлено.
Храни достоинство поэта.

Ищи поэзию в обыденном,
не изменяй своей природе,
пиши о подлинно увиденном,
не угождай капризной моде.

И если так стезею жизненной
пройдешь ты, не роняя чести,
то будет узнанной и признанной
строка, рожденная в безвестье.

(1964)

ДОБРАЯ СУДЬБА

Судьба ко мне была добра, конечно:
жил на земле я в наш двадцатый век.
На этот мир я не смотрел беспечно,
я был на острие великих вех.

Я видел сам без ложных озарений
всё, что потом воспел в своих стихах.
И на пути победных восхождений
я превозмог и крутизну, и страх.

Теперь настало время равновесья,
но прежних лет я слышу страстный зов.
И в осени моей, как прежде, весь я —
среди людей, дорог и городов.

Пусть увядают на деревьях листья,
пусть нависают тучи впереди,
с нелегким грузом выстраданных истин
я вновь в пути.

(1964)

КОЛЬ Я ОСТАНУСЬ В ОТДАЛЕНИИ

Коль я останусь в отдалении
от всех товарищей моих
и вдруг утрачу представление
о будничных делах людских,
и если я лишусь общения
с людьми среди лесов и гор,
что, вызывая восхищение,
к себе притягивают взор,
то плена этого приятного

я вновь оковы разобью,
о люди, к вам вернусь обратно я
и с новой силой воспою
движенье мысли, дел стремление
в потоке быстротечных дней —
лишь в этом будет исцеление
печальной совести моей,
лишь только здесь, друзья, свободно я
в своих поэмах воскрешу
мечты и чаянья народные —
те, что в душе всю жизнь ношу.

(1964)

ОСЕННИЙ СЕЗОН

Осенний тягостный сезон,
как ни печально, повторился,
наш дом притихший затемнен,
он будто на ночь затворился.

И я, усталый, вновь сижу
над недописанной страницей,
сквозь пелену дождя гляжу,
как на асфальт листва ложится.

Примолкли, словно в полусне,
моих унылых комнат стены,
и всё ж предчувствуются мне
событья, сдвиги, перемены.

Надежду или страх тая,
не знаю, что́ меня тревожит.
Чем объяснить, что мысль моя
вновь успокоиться не может?

Раскроет ли она крыла,
когда и сил уже немного,
и за окном клубится мгла,
и зимний холод у порога?

(1964)

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Движенье мира, сущности причина —
за ними зорко я следил всегда.
Но что писал и не писал — едино
сквозь пальцы протекает, как вода.

Так здравствуй, день суровых размышлений!
Глубинный смысл открылся сердцу вдруг.
Чтоб жизнь цвела в строках твоих творений,
всмотрись в себя и оглядись вокруг.

Будь верен только собственным открытьям:
ведь только ими дорог миру ты.
Всё остальное — слабое прикрытье
бесплодных дум в прибое суеты.

(1964)

БАЛАНС

Я отдал всё, что мог, без сожаленья
и ничего не требовал взамен.
Но отчего неясные сомненья
всю ночь моих не покидают стен?

Мне чей-то странный голос тихо шепчет,
что я не меньше получил, отдав.
И в темноте ночной увидеть легче,
в чем заблуждаюсь я и в чем я прав.

И вот смотрю на жизнь свою сквозь толщу
прошедших лет — непросто их понять.
И вижу я, что взял намного больше
от этой жизни, чем сумел отдать.

(1964)

ВНОВЬ

Что вы готовите мне, годы?
Вот перед вами я стою,
не ищущий пустой свободы
и не кляня судьбу свою.

Между кошмарным сном неволи,
еще темнеющем в душе,
и обещаньем лучшей доли
нельзя сломить меня уже.

Смотрю на мир с улыбкой ясной,
встречая солнечный восход.
Себе пророчу день прекрасный
и в лучший верую исход.

Моя неделя трудовая
начнется с этим новым днем.
Светлеет туча грозовая
на горизонте голубом.

Работа есть освобожденье
от груза прожитых годов.
Тех горьких лет приобретенье
я сбросить с плеч своих готов.

Не покорит меня усталость,
я ей не сдамся ни на миг,
хотя б кому-то показалось,
что смертный час меня настиг.

(1964)

ГДЕ ТЫ?

Где ты́ ? Скитаешься, быть может?
Иль, может, я увижу скоро
тебя, попавшую в наш город?

На годы дни мои похожи,
любой из них — головоломка,
и, что ни день, я сам меняюсь,
но жду тебя, ищу в потемках —
и лишь во сне с тобой встречаюсь.
Я виноват перед тобою.
Лишь день я дал тебе в подарок,
а ночью — день был слишком ярок —
всё, что желал, я взял с лихвою.
О да, меня ты испугалась,

несдержанного — так уж вышло, —
преодолев свою усталость,
ты от меня ушла неслышно.

Где ты́? Вот я смотрю на небо —
в нем скрыта влага дождевая.
Но туча мимо поля хлеба
проходит, дальше уплывая.
Ужель чужие мы друг другу?
И не протянешь ты мне руку?
Горьки моей любви уроки.
Спасти меня — в твоей лишь воле,
иль так и будут эти строки
о той, что не вернулась боле.

(1964)

ОПАСНОСТЬ

Опасностей с тобою — тысячи,
но ты всегда была такою,
и если б выглядела и́наче,
не восхищался б я тобою.

Я б мог, в самом аду блаженствуя,
проклясть, что между нами было,
когда б твоя стихия женская
меня как вихрь не закружила.

Глаза — ночных огней смешение,
ты ворвалась, как вешний ветер,
вся — доброта и волплощение
любви на этом горьком свете.

Но я был опытным и бдительным,
во всем в тебе ища подвоха,
к твоей печали — подозрительным.
Играл я эту роль неплохо.

В моей душе в часы свидания
рождали смутную опасность
не тяжкие твои страдания,
но глаз приветливость и ясность.

(1964)

НАВСЕГДА

Знакомая округа,
шумит, качаясь, рожь.
Ты вновь меня, подруга,
на прежнем месте ждешь.

Ты с грустью ясноокой —
застенчивость сама —
стоишь в траве высокой,
там, где журчит чешма.

Противишься объятьям,
в глаза испуг запал,
ведь из полей опять я
на встречу опоздал.

Кто нас с тобой осудит?
Пусть пролетят года,
но знай: коль страшно будет —
с тобою я всегда.

И ты со мной, нас двое,
так сладостны мечты,
хоть нет тебя со мною,
теперь на юге ты;

хоть над твоей чешмою,
журчащею вдали,
две шумных ели хвою
крылато вознесли;

хоть гаснет день, бледнея,
туманится восток,
и вновь сижу в траве я,
до боли одинок.

(1964)

ОДНОЙ ТЕБЕ

Дома размыты и темны,
на тучи низкие похожи.
Мерцает лампа, чуть слышны
на мостовой шаги прохожих.

Дождь неутешно слезы льет
по стеклам потемневших окон.
Воды стремителен полет
на тротуар из водостока.

И холод этой пустоты,
придя, ты взглядом согреваешь.
«Зачем грустить», — мне шепчешь ты,
одеждой теплой укрываешь.

И ты не хочешь понимать,
что ложь, которую скрываем,
еще горчей переживать,
когда о ней мы оба знаем.

«Ступай!..» И молча в темноту
идешь, не ведая о страхе,
и знаешь: через час приду
я сам в твой дом и в полумраке
одной тебе скажу о том,
что в тайных помыслах скрываю,
покуда затяжным дождем
насквозь прошита тьма живая.

(1964)
1985, М., «Худ. лит.», «Стихи»

Раде НИКОЛИЧ
С сербского

БАЛЛАДА О ТАНЕ

Шла война.
Зима заметала окопы.
Хмурые, голодные рассветы сменяли друг друга.
Бог смерти закатывал страшный кровавый пир
В огромном городе, где жила
Маленькая девочка Таня.

В нетопленной комнате,
Полная страха и слёз,
Вместо веселого школьного звонка
Девочка слушала залпы орудий

Тех, кого она ненавидела,
И тех, кого любила.

В тусклом небе не было птиц.
Лишь самолеты летели,
Как черные тучи.
А под окнами и ночью и днем
На детских салазках
Бесшумно проезжали мертвецы.

Слыша, как где-то стонут люди
И дико воют звери,
Натягивались ее нервы,
И, как у арфы,
Вздрагивали струны
Детского сердца.

Разогнанное с нечеловеческой силой,
Между небом и землей
Катилось огненное колесо войны.
Словно выполняя домашнее задание,
Вела Таня дневник
Жизни и смерти.

Снаряды и ветры
Пели реквием.
А когда весь дом погрузился во тьму,
Она записала последнюю строчку:
«Все умерли...
Я осталась одна».

Звёзды ослепли,
Выплакав очи.
С тихой улыбкой, словно видя золотой сон,
Таким же холодным утром
Угасла
И девочка Таня.

Пискаревское кладбище.
Солнце в небе сияет, как орден.
Давно прорвана блокада и война — позади.
Покуда Родина-мать держит в руках венок славы,
Маленькая Таня будет жить
В памяти Ленинграда.

ПОБЕДИТЕЛИ

Узнав, что среди пленных находятся футболисты киевского «Динамо», немцы пожелали сыграть с ними матч. В перерыве встречи игроков советской команды предупредили, что в случае победы все они будут расстреляны.

Играли не люди, а тени.
Судьей была война.

В гробовой тишине
Каждый крик казался предсмертным.
От ужаса замерли стрелки часов на стадионе.

Из амбразуры в облаках
Сыпал очередями раскаленные лучи
Пулемет солнца.

Изможденные, за колючей проволокой,
Пленные победили сытых солдат.
На зеленом квадрате родной земли
Представлялось им,
Что глядит на них вся Украина.

После матча
Вместо букетов цветов
Каждый получил свинец.

1985, «Наш современник»

Момчило ДЖЕРКОВИЧ
С сербского

КОЛОКОЛА ХАТЫНИ

1.

О, что испытал ты, Иосиф Каминский,
в объятьях огня, в этой черной пустыне,
неся на руках, до костей обгоревших,
уже бездыханного сына... И слезы
ты пролил над всеми, кто сгинул в Хатыни...

Над Хатынью бьют колокола:
малые колокола — сердца детей,
медные колокола — сердца отцов,
золотые — матерей сердца,
гневен этот бой колоколов.

По белорусским землям в сорок третьем
двадцать второго марта шла война,
но вопреки войне
весна дарила землю многоцветьем...

2.

На гранитном обелиске имя есть:
Яськевич Толик.
Он уже не станет взрослым,
нам поведать он не сможет:
«Люди, это было утром,
озверевшие фашисты
хаты и людей сжигали...»
Завывал огонь свирепо,
и семинедельный Толик,
как и все, стал горсткой пепла.

Колокольный звон Хатыни
над землею не смолкает,
чтобы мы не позабыли,
как бы ни были счастли́вы,
ни одной ольхи над Волгой,
ни одной над Савой ивы.

Над Хатынью тишь ночная,
шелестят листвой березки,
им, как часовым, не спится,
«жизнь» — пароль их неизменный,
чтобы зло не искажало
человеческие лица.

3.

Помните расстрелянных
школьников в Крагуеваце,
помните замученных и убитых где-то,
заклинаю, помните спаленные Хатыни,
чтобы никогда не повторилось это.

Чтоб мосты не рушились
на пути свободы,
чтоб текли меж берегов
прозрачные воды.

Пусть отныне будут люди
не героями войны,
а героями любви,
доброты и красоты.

Помните о Хиросиме,
Аушвице и варшавском гетто,
чтоб весной не угасала жизнь,
чтоб никогда не стала
мертвою планета...

4.

В Крагуеваце и в Хатыни,
как в сорок первом,
так и в сорок третьем
была война,
но вопреки войне
весна играла красок многоцветьем.

Иосиф Каминский, я знаю, как было:
из дыма пожарища мертвого сына
ты выносил на руках обгоревших...
Как слёзы ронял ты от горя и муки,
узнав преступленье людей озверевших.

1985, «Наш современник»

Магда СЕКЕЙ
С венгерского

ПРИГОВОР

Мне быть добрей нельзя — я вместо них живу,
тех, у кого уже не попросить прощенья.
Не измениться им. И, как в земле валун,
недвижно тяжелы в их душах обвиненья.

Приходит к нам весна. Я выше становлюсь.
Живая плоть всегда привержена живому.
Стремлюсь я в этот мир, как тянется вьюнок
всё выше по плетню к простору голубому.

Но должен я к себе еще суровей быть,
как мертвые — душой холодной не смягчаясь,
и пусть я буду тверд, незыблем, как валун,
в их горькой правоте ничуть не сомневаясь.

Разрытая земля затянется травой.
Ушедшим в мир иной придет замена скоро.
Из жизни их следы исчезнут навсегда.
И лишь на мне лежит печать их приговора.

ЧТОБ ОТ ОГНЯ СПАСТИ

Памяти Б.И.

Над прахом предков позабытых
себя казню, себя виню.
Их черепа ко мне воззвали,
и я в веках их сохраню.

Был щедр господь к Иезекилю
и дар прозрения послал:
ему явилась гекатомба —
народ погубленный восстал.

Искал я помощи у Бога,
но он как будто нем и глух.
Не наделен я древней силой,
чтоб воскрешать и плоть и дух.

А тот, кто все права имеет,
не начинает дел благих:
кому прощать грехи, коль скоро
никто не признается в них?

И без корней росток надежды
взойдет, хотя бы и с трудом.
И я найду людей безгрешных,
чтоб от огня спасти Содом.

ТРЕТИЙ

Коль третий королевич уйдет в далекий путь
окаменевший лес избавить от заклятья,
то в каждом из камней он видит старших братьев,
и хочется ему обратно повернуть.

И в том лесу ни шагу нельзя ему ступить,
пока любой ценой не сыщет слов заветных,
которые страшны для придорожной ведьмы
и каменную грудь способны оживить.

Теперь уж непонятен обычный лес ему,
здесь трели певчих птиц припомнить всё труднее.
И кажется ему, что сам он каменеет, —
так жутко средь камней остаться одному.

Между колоссов-братьев стоит он, недвижим,
на свете без него никто им не поможет.
Без тех заветных слов не знать спасенья им,
и только младший брат произнести их может.

ИКОНА

Светлы, чисты их лица.
Прижав друг к другу плечи,
они в пространстве узком
стоят, прямы как свечи.

Нет места здесь для неба
и дерева — живого,
едва вместилось тело,
в котором скрыто слово.

В окладах золоченых
едва видны их лица,
где безграничность веры
сумела отразиться.

В холодных стенах время
изменит каждый камень.
Они же — неизменны.
Глядят на нас веками.

ЛИЦО

Обычно после тридцати
всё в наших лицах обнажается.
То, что держали взаперти,
в чертах лица высвобождается.

Умеешь притворяться ты —
пустым окажется умение.
Твои душевные черты
прожгут лицо без сожаления.

Привычки, ненависть и страсть
неумолимо в нем проявятся.
Твоей взрывной натуры власть
с лицом безжалостно расправится.

В тяжелых складках путь пробьет
она — уж так мы все устроены, —
сквозь дамбы грима протечет,
оставит грязные промоины.

И прорастут быльем глухим
твоей весны цветы последние.
Не властны над лицом своим
мы за чертой тридцатилетия.

ДОЖДЬ

Дождь над городом лил без конца,
потемнели дома и газоны,
лишь сияли в потоках дождя
просветленные лица влюбленных.

От подъезда к подъезду брели,
на скамейках облезших сидели,
шли, промокшие, в зимних пальто
день за днем в дождевые недели.

Вместе с ними деревья, мосты,
нелюдимые улицы мокли,
а за стенами теплых квартир
разноцветные зонтики сохли.

В этом городе были для них
лишь конечные станции, скверы,
бесприютная тяжесть небес,
дождь и стынь без конца и без меры.

Станут наши дома холодны,
и огонь в наших душах остынет,
но, как ночью не гаснет луна,
просветленье их лиц не покинет.

1985, М., «Молодая гвардия»,
«В защиту продолжения»

Янош БАНОШ
С венгерского

ФРАГМЕНТ

Понятен мне деревьев стон осенний
последний вздох травы — в груди моей
Природы боль во мне всё неизменней
рождает ветра крик и всё ясней
ведут следы мои в поля где иней
к зиме под арку плачущих ворот
И от ее бесстыдно-точных линий
бросает в дрожь и оторопь берет

ТВОЕ ЛИЦО ТУМАН

Туман твое лицо туман и грудь и плечи
пойду тебя искать когда настанет вечер

И пряди светлые твоих волос пушистых
взлетают к небесам плывут меж звёзд лучистых

Сплетаются и гасят звездный свет:
они как будто Господа букет

Зажгу их — хлопья сажи полетят
меня осыплет черный снегопад

Накину петлю я ветрам на шею
пусть задохнутся — я не оробею

Лишь захоти — пойду искать под вечер
Туман твое лицо туман и грудь и плечи

ВЕЧЕР

Как легкий парашютик-одуванчик
летит с твоей ладони на ладонь
Дверной проем темнеет:
здесь тьма гнездится
словно голубь на карнизе

Час ужина прохлады дуновенье
молочные бидоны чередой
спешат с молитвой «Отче наш» домой —
как завтрашнему дню благословенье

Ах я забыл про фильм
а фильм — с кинозвездой
Так небо почернело
что звездные рекламы
зажег поспешно Бог

Бессонные березы
несут свою листву
В моем померкшем слове
нет прежнего огня
Стемнело: входит сумрак
в него в тебя в меня

Но если б на запястье у меня
разорвалась бы вена —
я только бы и делал что смотрел
как сердце тихо ковыляет к дому
и на него ладонь заката
ложится постепенно

ТЕБЕ МОЙ СЫН

До моего лица какое дело мне
блуждающего взглядом по каменной стене
рассеянно-туманного как в дождевом окне —
лишь только бы с отрадою Тебя я видеть мог
Сын мой

И тех тревог воздушных
и городов в огне
и словно в ночь запаянной
той жуткой беспросветности не дай-то Бог
Тебе

КТО СКАЖЕТ?

Падают яблони обессиленные
Саженцам воет протяжно сирена
Пусть же сияет для них неизменно
синее небо и солнце обильное

Пусть разукрасит фонарь зеленеющий
черную мглу что тягуче сочится
холодом Пусть ничего не случится:
сброшу монеты рукою мертвеющей

с глаз потускневших: душа моя полнится
горестным криком о саде погибшем
Кто за меня на земле или свыше
скажет хоть слово иль просто помолится?

Падают яблони обессиленные
Саженцам воет протяжно сирена
Пусть же сияет для них неизменно
ясное небо и солнце обильное

ПРОБУЖДЕНИЕ МЕРТВЫХ

Моя страна — мой плодоносный сад
и дым и воздух сей равно приемлю
Чтобы оставить память о себе
я превращу себя в родную землю

Ботвой зеленой стоны прорастут —
земля — большая овощная грядка —
и на моем иссохнувшем лице
воскреснут мертвые как лес среди распадка

И прорастет былое сквозь меня
прольются в горло мне слова родные
всё что земля несла в себе тая:
и боль и кровь и слезы вековые
через мои ресницы протекут
чтоб ничего не различал отныне
в размытой черноте в раскисшей глине
которые меня обволокут

Уже без слез на мир прозревшим оком
взгляну и песню желтых трав сожгу
Крапиву слов сплету я в крепкий жгут
чтоб по губам хлестнуть себя жестоко
коль от наследства предков откажусь
и странником без родины прикинусь
И пусть на голову падет осколок неба —
я в мусорную пыль не обращусь

1985, М., «Молод. гв.», «В защиту продолжения»

ИЗ СЕВЕРОАФРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Переводы с арабского

АЛЖИР

Муфди ЗАКАРИЯ

БУДЬТЕ СВИДЕТЕЛЯМИ...
(Касаман)

Гимн Алжирской Революции

«Касаман» — я раскатами грома клянусь,
И невинною пролитой кровью,
И простреленным знаменем нашим в горах,
И к отчизне сыновней любовью.

Мы восстали за горькую землю свою,
Пусть умрем, но Алжир воскресим мы в бою!
Будьте свидетелями...

Мы — солдаты, за правду мы вышли на бой,
Поднялись за свободу на битву,
Наших слов и сердец растревоженный ритм
Стал оружья грохочущим ритмом.
Вновь веселую песню заводит свою
Пулемет, что придет к нам победа в бою!
Будьте свидетелями...

Мы умрем и на подвиг других вдохновим,
Как ни рвался бы враг иступленно.
В наших душах — бессмертье. В надежных руках
Развеваются наши знамена.
Мы приносим отчизне присягу свою,
Что ее отстоим мы в жестоком бою!
Будьте свидетелями...

С поля брани доносится родины зов,
Все, кто слышит, — за нами идите.
Этот клич начертайте на вечных камнях
И потомкам далеким прочтите.
К славе, к нам протяни, брат мой, руку свою,
Пусть умрем, но Алжир воскресим мы в бою!
Будьте свидетелями...

Абулькасем САДАЛЛА

ОПЛОДОТВОРЕНИЕ КРОВЬЮ

Когда незаметно струится ручей
и поет соловей,
когда душу охватывает любовь
и звездный свет озаряет
ночь зарождения жизни...
Когда радуешься земному бытию,
когда праздник врывается в город
и луна заглядывает во все окна,
когда тепло очага согревает ребенка,
а сердце матери обретает покой,
я хочу спросить

у земли, что впитывает все тяготы города:
«Чем становится кровь,
уходящая в глубь, в темноту,
оплодотворяющая чрево земное,
чтоб победу народа зачать,
чтоб огонь в очаге заискрился,
чтоб страданье из глаз утекло
на празднике братских объятий?!»

ВЕСНА АЛЖИРА

Из пламени солнца,
из блеска пылающих углей,
из пролитой крови
родится весна,
и нежные розы бутоны раскроют
у каждой дороги,
а в сердце у каждого
поднимется памятник славы,
увитый любовью
к павшим!

Из песен свинца
и тяжких ударов уставшего сердца,
из радостных глаз
родится весна,
и птицы споют
волшебные песни свои
тому, кто был стойким...

Мелодии эти
проникнут в сердца,
объятые гордой любовью
к заре восходящей Алжира
и к славе грядущей Алжира!

Весна его — кровь и мечта,
любовь и ночная мелодия,
яркое пламя,
гудящее в горне
на всех перекрестках и пустырях!

О, сколько плачей
разрывало горло

и сколько слёз
расплавилось в глазах!
О, сколько шей
познало сталь цепей!
И вот теперь рождается весна,
весна, какой еще не знали,
и над землею нашей
восходит утро — славное дитя,
и розы раскрывают пышные бутоны,
и льются трели птиц,
и голоса детей
звенят неугомонно.

ВЕЧНЫЙ АЛЖИР

Откуда солнце свет свой излучает
и где от крови все холмы красны —
мой край героев радостно встречает
измученных, чьи руки сведены
на горле оккупанта... Край мой светлый,
ни с чем ты не сравним в своей красе бессмертной.
Алжир, нашел ты путь к освобожденью,
прорвал плотину бесконечной ночи,
сквозь униженья все и огражденья
вдруг хлынул свет любви и воскрешенья
на наши горы, на поля и рощи,
и будущее — наше возрожденье!

СВОБОДНЫЙ ПОЭТ

Огонь — это символ его любви,
а свет для него — свобода.
Клокочет безмерная страсть в крови,
а песня — душа народа.
Он людям несет всё свое естество,
всё им отдает безвозвратно.
И даже колючка в песнях его —
как роза, порой ароматна...

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА

Пойму ли я и тайный смысл открою ль
доставшейся в наследство горькой крови
Адама-пастуха, взывавшего с тоскою
к далеким звездам?.. Тайну бытия
познаю ли когда?.. Но слышу песню я:
«Рабы земные, люди, Бог един,
о, люди с обнаженным черным телом,
изгнанница из рая — ваша мать,
она черноволоса, и узнать
нетрудно соблазнительницу Еву,
ее глаза как звезды, а лицом она
прекрасна, словно полная луна,
в мечтаниях — распутству предана.
В нее влюблен безумно ваш отец,
в душе его — огонь, добрее нет сердец».
Так вечность говорит. С тех пор, как понемногу
учились шелк от терний отличать,
мы поклонялись глине и земному Богу.

Мы сеем в мире древнюю любовь,
по-прежнему поем мы песни Евы,
отца Адама песнь поем мы вновь,
что отдал сердце нам свое и кровь...
Мы воспеваем равенство и веру
в свободу, в жизнь без страха и нужды,
хотим, чтоб поровну всего на свете было:
и белого, и черного без горя и вражды
и чтоб ничто сердец людских не остудило.
К земле мы прижимаемся губами
и просим солнце утра: защити
и белое, и черное, они должны цвести
в просторах наших!
О, рассвет, встающий над полями,
мы — только плоть и пот, ничем другим не станем.
Но отчего ж так беспощадно раним
друг друга плоть,
в одном огне сгорая,
к друг другу ни любви, ни жалости не зная?!

СУДАН

Хасан АББАС СУБХИ

ГИМН СВОБОДЕ

Моему другу Тахе Абд ар-Рахману

Давно...
Я знал ее давно.
Ее узнать мне было суждено
В полях моей деревни и в полете птиц,
Которые земных не ведают границ.
Она сердца людские светом наполняет,
Она живет в движеньях пальмы,
Что склоняет
С кокетством стан прекрасный,
Чьих ресниц
Люблю я блеск зеленый...
И в атласной
Поверхности разлившегося Нила
Давно ее познать дано мне было.
Он с отважностью эмира-исполина
Свершал набег на зимние долины,
Вскочив на иноходца цвета глины,
Поводья бросив, острый меч подняв,
И под себя врага незримого подмяв,
Он рвался в бой.
Как ветер, будет он лететь вперед,
Покуда вечность свой свершает ход.
Я узнавал свободу в безграничном
Полете, в звонком пенье птичьем,
И в танце пальмы, и в разливе Нила...
Ее всю жизнь моя душа хранила,
И сердце кровью собственной поило.
За каждый миг ее готов я на страданье,
Всем жертвуя в своем существованье,
Жизнь без нее — не жизнь, а наказанье.

МУЗА

Буря,
Прекрасная, страшная буря!
Катится, грохоча, в огненной колеснице,
Тысячей стрел в темноте искрится,
Лихорадочно ищет, в кого бы вонзиться —
В души, в сердца, в испуганные лица,
Страсть разжигает, волнует мысли,
Накатывает волной за волною...
Преображается небо под бурей ночною.
Накат за накатом, волна за волною.
Бушует, грохочет с громовым раскатом —
Волна за волною, накат за накатом.
Пылает, гудит, сыплет молнии грозно,
Луны достигая, влюбленная в звезды.
С треском кромешную тьму раздирая,
Хохочет, все звуки в себя вбирая,
Сердца подминая, глаза ослепляя,
Во всё живое ужас вселяя.
Звуки померкли и струны умолкли,
Притихли сердца и глаза потускнели,
В них горечь застыла.
О муза!
В такой ледяной тишине неизбежно
Мрак смерти вселяется в душу, и дрожь
Царапает тело, как нож.
И ты покидаешь любимцев своих,
И струны твои умолкают для них,
О муза! Сестра моей души!
В объятьях печали не видя друг друга,
Из чаши страданья мы пьем без испуга,
И ночь наблюдает за нашей тоскою,
С какою мы в небыль уходим с тобою.
За звездочкой слабой гляжу я с мольбою,
Что тихо сияет во мгле надо мною
И манит своей чистотою...
Возможно, гнездо я совью себе где-то
Из чувства ответного, лилий и света...
И, может быть, завтра в карете хрустальной
Тебя увезет под фатою венчальной
Твой рыцарь за дальние горы и реки,
Войдет в твое сердце и муку печали
Развеет навеки.
О муза! Сестра моей души!

ПЕСНЯ УТРА

Если утро приходит иль вечер
Зажигает небесные свечи,
То в пустынных песках и в долинах
Ясно слышатся плачи невинных,
Тех несчастных, что ищут приюта,
Что бездомны, раздеты, разуты.

Если утро иль вечер приходят —
К каждой двери надежду приводят,
Только беженцам в рваных палатках
Ожиданье спасенья не сладко.
И таят они ярость и злобу
К роду,
Топчащему их свободу.
Косит смерть их печальные души,
Голод сдавливает всё туже.

Если вечер настанет иль утро —
То приходит надежда к кому-то.
Но в пустынных песках и долинах
Долго слышатся стоны невинных,
Тех, которых лишили приюта,
Тех, чьи дети раздеты, разуты.
Плачут, плачут они, не смолкая,
И взывают ко всем, причитая:

«Нет, не вечно стонать нам, бездомным,
В черном трауре, в горе огромном!
Нет, не вечно страдать нам невинно,
О зеленая наша долина!
Мы вернемся к тебе, Палестина!
Нет, не вечно мы будем гонимы,
О любимая Палестина!
Скоро, скоро народ наш восстанет,
Скоро час искупления грянет.
Все, кто нынче не знает приюта,
С нами вместе споют песню утра».

СВЕТ

Эти строки написаны в состоянии тревоги и смятения перед тем, как к автору вернулось зрение в результате хирургической операции, сделанной в Москве.

О солнца блеск, о звезд огни,
Проникните в глаза мои,
Отдайте им свое тепло,
Чтоб стало вдруг светло
Вокруг!
Но свет мои глаза отверг,
Надолго мир для них померк.
Меня объял кромешный мрак,
И наводили адский страх
Виденья странные, когда
Мир погружался в сон ночной —
И я был сдавлен тишиной,
Когда летели предо мной
Мои прошедшие года.
О свет, надолго ль он померк?
За что меня во тьму он вверг?
Когда ж, когда же он простит
Мои глаза и наградит
Улыбкой солнца?

Гили АБД АР-РАХМАН

УЛИЦА ДРОЖИТ, О ЛОРКА!

День угрюм и бесцветен.
Горизонт затянули облака, заката не видно.
«Кого родит черная кошка? Черную кошку!»
Сизиф, продолжай нести свой камень.
Сакия* печали уже сделала полный оборот.
Погруженный в тень минарет
Вглядывается в озеро ночи.
Ты говоришь — пусто на мосту через прошлое?
Зря. Трубы трубят... лошади ржут!
О голос земли деревенской,
Как ты долетел, докричался досюда?

---

* Са́кия — оросительное колесо.

Улица дрожит, будто натянутая струна.
О Лорка, как ты сказал о черных днях:
«Очнись... ты чуть было не потерял свою нежность,
Натруженный день. Нет, я не о том...»
Лорка, прости!
Улица клокочет, как твоя кровь в Гранаде.
Вены натягиваются, точно струны.
Ты пел о свободе и смерти.
Свобода — источник счастья.
«Смерть — это сон без мрака и света».
Какое глубокое чувство!

Похоронная процессия безмолвно текла к могиле.
На тротуарах потрясенные люди плакали без слёз.
Да упокоит Господь его душу!
Потом всё утекло, как вода.
Где ты теперь, Лорка?
Разве умолкла твоя свирель?
Закружилась осенняя роща
И, без единого шороха осыпая листву,
Сказала ломким, детским, болезненным голосом:
«Увы! Он только что женился,
Свадебные свечи уже догорели,
А ложе еще хранит аромат...»
Да упокоит Господь его душу.
Голос, затерявшийся средь суеты и чванства.

«Тук-тук... тук-тук...»
Радио, кони, трубы.
Лорка, вдохнови меня
Историей этой кровавой свадьбы —
Пусть она развеет мои сомнения
И укажет мне мое место.
Что я вижу? Минарет, захлебнувшийся в озере ночи,
Минарет мечети — взлетающий над деревней.
Оттуда дед созывал на утреннюю молитву,
Будя петухов и певчих птиц.
Да упокоит аллах его душу.
Дед — это череп, лежащий на дне могилы.
Рассвет потускнел, когда я увидел его там
С глазницами, изъеденными червями.
Я разглядел его до волосков бороды, до кистей рук.
Смерть — это сон без мрака и света.
О Лорка, победивший смерть,

Мой дед был феллахом из Хальфы,
Он всегда радовался гостям,
Любил свою землю и обрабатывал ее даже во сне.
Он довольствовался куском хлеба и не знал табака.
Когда он умер, плакала вся деревня,
Сотни людей...
И молодые пальмы плакали, а берег, Лорка,
Вслушивался в этот всеобщий плач.

Моя душа стала как хинное дерево —
Неподвижна и бескровна.
Что проку от стихов аль-Хансаа?*
Что проку, Лорка?
По-прежнему глухая, улица дрожит.
Слепец поводырем у слепца.
Старуха смехотворно молодится,
Но румяна не воскресят юности.
Друзья мои, я погружаюсь
В бездонную пучину одиночества.
Дайте мне руку, спросите: «Как дела?»

Старик сгибается над своей палкой.
В его морщинах, в его бороде,
В его движениях... о Боже, я узнаю своего деда...
Дедушка! «Что с тобой, дитя мое?»
Посочувствуй моим несчастьям, успокой мою душу.
Но не похлопывай по плечу,
Это не помогает. Увы!
Лорка, победивший смерть,
Мне не хватает слов.
Когда они повели тебя к роще,
Молчание было лучшим свидетельством о тебе.
О Лорка, вдохнови мою флейту,
Пусть она споет
О том, что я живу...

---

* Аль-Хансаа́ — доисламская поэтесса (ум. в 664 г.).

ВОРОТА ЖЁЛТЫХ ГОРОДОВ

Трава памяти,
На ней от зноя высохла роса.
Друзья мои,
Придите другим туманным вечером,
Другой черноснежной ночью,
И я согрею вас... своими... стихами...

Сегодня моя душа скользит
По раскаленному небу пустыни.
Я отдал ей все мои слёзы,
И — о чудо! — разлилось море
До самых ворот желтых городов.
На своих плечах я несу зной Сахары... Но куда?
Ночь, как хамелеон, походит то на бледное лицо,
То на глаза, пораженные оспой.
Ничего не осталось вдали, кроме летящей чайки.
Минарет скрылся под водой,
И осталась на поверхности лишь его тень.

Миновал я болезни,
Стену скорби феллахов
И опустился на колени, о моя чайка.
Мне родина стала чужбиной.
Корни зеленых трав —
И те пересыхают в изгнании.

Всё поглотили пучины: землю, звезды, жилища.
Невероятно!
Здесь летом шуршала трава,
Бушевали щедрые краски...
Ничего не осталось, кроме тебя, летящая чайка.
Как печально!

В моем сердце — ночная жажда пустыни,
Покрытой острыми колючками.
Наслаждаюсь молчанием, как полетом.
Минарет утонул.
Посреди молчания говорю одно слово: «смерть».
Кто видел... свою смерть?

Всё утонуло, как живые пальмы.
Друзья мои, приходите другим вечером,

Я прочту вам... стихи.
В ваших руках — трава памяти.
Я сжигаю балдахин.
Я убиваю эту ночь, похожую на хамелеона!

Мухаммед АЛЬ-МЕККИ ИБРАХИМИ

В ПОЛДЕНЬ НА БЕРЕГУ

Всепобеждающей зелени кущами,
Травами и ветвями цветущими
За горизонт простирается равнина
И сливается с устьем Нила.
Проливая ароматную сладость,
Орошают ветра всем на радость
Изнывающую от солнца траву
И спасают ее в это палящее утро.
Вейте, ветры!
Колыхайте и травы, и ветви!
Летя над равниной безбрежной,
Приласкайте нежно
Пальцами своими, как лучами,
Волосы лугов
И цветов разнесите аромат венчальный...

Нил серебрится ковром из ртути,
Блещет под солнцем палящим,
Он не струится, дрожит, неся свои воды.
Челн и рыбак, словно призраки,
Возникают из ртутного мрака
На раскаленной поверхности.
Едва одолевая силу, тянущую их на дно,
Они продираются сквозь ртутную плотность
И расплавленный воздух,
Придавленные зноем и тем, что остались
Одни в час полуденного сна.
Колодезные журавли опускают головы,
Оросительные колеса сдерживают рыдания,
Красный полдень отдыхает от вязкой горечи,
В час сиесты утихают любые желания.
Опускается час полуденного отдыха
На равнины, леса, на людей и животных,
Опускается тишина с тяжелой зевотой,

Оцепененье и вялость охватывают небосвод,
И прилипают к нему орлы темнокрылые,
Сворачиваются листья на кронах дерев;
Не шевелясь, склоняются травы унылые,
И траурные тени, будто камни,
Лежат, замерев.

Цепенеет всё сущее, кроме тебя, рыбак.
Нильская рыба и та
В полдень скрывается в ртутных глубинах
Подальше от солнца и зноя, рыбак.
Склоны гор
С разбросанными селеньями,
Садами и резвящимися детьми
Он принимает за безжизненную пустыню,
Что проходит сквозь лесные глубины
К глубинам Сахары.

Когда чистокровный скакун
Скачет по прибрежным камням,
Когда он в брачный сезон
Вздымается на дыбы
И бьет копытами в грудь земную,
Тогда рождаются на берегу
В объятиях солнца и ветра
Новые ручьи, цветы и плакучие ивы.

Женщины переходят реку вброд,
Ступают по камням среди острых колючек,
Собирают хворост в лесу.
Бедные женщины
Подбирают сухие ветви и кору для очага,
И когда появляется лесник,
Уже издали поднимающий крик,
Они бросают на землю всё, что собрали,
И быстрее ветра
Бегут со всех ног из чащи,
Чтобы скорее умолк этот старик кричащий.

О, куст акации над Нилом,
Унизанный солнечными бликами,
С искривленными колючими ветками,
С проплешинами белыми,
Как седина пожилого мужчины,

Ты с одной стороны — желтый,
С другой — зеленый.
Или влюблен ты, или полдень
Раздул угли в твоих глазах
И над водой высоко тебя поднял?

Ложусь на траву
И устремляюсь в синее небо,
Мне слышен земной пульс,
И мягкая теплая зелень
Окутывает меня, застилая небо,
Его бездонную, прозрачную синеву,
Что льется на землю,
Покуда вновь сквозь густую зелень
Не увижу день,
Залитый синевой, похожей на море.

Груженые пароходы стоят у причала,
Как одутловатые рыбины,
А матросы, скинув робы,
Распластались в тени и о чем-то мечтают...

О, раскаленный докрасна полдень,
О, беспощадное небо,
О, неподвижные реки,
Соединитесь воедино,
Выйдя из трещин земли и деревьев,
И уйдите прочь
От измученных лугов, от изнывающих пастбищ,
Оставьте эту долину
Для золотого праздника,
Для сияния золота в вечерних сумерках.

О ЗАНЗИБАРЕ

Поведай мне свою сокровенную тайну,
Удивительный остров,
Всю ночь я буду тебе рассказывать сказки,
Пока не накатит прилив,
Пока не настигнет нас утро и растает забвенье.

О, прекрасное утро, идеал чистоты!
О, шуршанье ночного дождя!
О, мой добрый спутник,

Как тебя назову я?
Ты устремляешься ввысь
За купол небесный.
Чем тебя удивлю я?
Вечер
Крылья грез над тобой простирает
И шепчет молитву
На камнях и ступенях твоих.
И ничего нет изящней
Твоего спящего тела,
Остров мольбы и любви!

От вечерней зари до рассвета
Роз лепестки осыпаются, как маленькие парашюты,
Падают яблоки,
Заполняя ароматом сады и жилища,
Висит на окошках дождь
(Ночной, серебрящийся, мой любимый дождь),
Впадающий в смущенье и краску
От утреннего солнца.

О, солнечный день,
Что дарует нам жизнь,
Освети Занзибар,
Где перец ямайский затеняет
Ложе влюбленных, где опьяняют
Пена морская, могучая сила деревьев
И запахи тлеющих углей...
Приведи к этой пене морской, к сердоликам,
К заливу, где волны желанную песню поют,
Где пробуждаешься ото сна
Под пеной облаков,
Наполненных сладким нектаром
Первозданной Африки...

О, смуглая нежность!
Вершины, открытые знойному ветру!
Поля голубые, что дарят созвучия слов!
И страсть, наводящая страх,
Что исходит из ваших грудей,
О, женщины Африки черной,
О, матери, о, возлюбленные мои!
В зимний холод согревают нас ваши груди.
Я говорил с капитаном,
И он сказал: «Не спеши,

Через двое суток
Обогнем острый мыс
И у белой скалы,
Где нет ни маяка, ни пристани,
Мы причалим к Занзибару,
Это будет в полночь...»

В час отплытия
Мы тебя потеряли,
И сколько ни встречали в пути маяков,
Где бы ни кружил наш корабль,
Мы тебя так и не нашли.
Стоя, мы оплакали нашу потерянную мечту,
Но мы не плакали над тобой.

Холодной дождливой зимой
Не рухнула крыша и выстояли стены,
Однако сердца наши были разбиты,
И здесь, в аэропорту,
Всё еще влажнеют глаза,
И роса слёз дрожит и светится, как на цветке,
И я всё еще кружусь опрокинутым кораблем
Среди волн, что вздымаются в моем воображении.

ОН ЛЮБИЛ МЕНЯ

Мой друг был звучаньем струны и сигналом трубы,
Я знал его нежное сердце.
Затем он вдруг отдалился
И стал для меня просто приятелем...
Да упокоит аллах его душу!
Мы сожалели о нем, мы были виноваты...
Когда мне принесли весть о его смерти,
Я сидел в кафе
С дымящейся сигаретой
И чашкой кофе, поднесенной к губам.
Как только на меня накинули саван
И положили монеты на глаза,
Воспоминания охватили мой разум, и я увидел,
Что мой друг жил во мне самом,
Что я потерял с ним себя и потому умер...

Он любил меня, и — клянусь аллахом! —
Я любил его не меньше!

СТАРОСТЬ

Угрожай,
Не давай мне покоя,
Жестокая судьба,
Открывай мне
Мою безобразность,
Напоминай, что я буду
Похожим на свою тень,
Что никогда не справлюсь с усталостью,

Что плечи людей меня затолкают
В грязь бытия...

Но всё же,
Мы верили в торжество жизни,
И дети — наше спасение.

Мы состарились,
И самый несчастный из нас
Тот, кто остался в одиночестве.

Абдуррахим АБУ ЗИКРА

ЗВЕЗДЫ КОЛЫШУТСЯ НА ВОДЕ

Картина первая

На груди реки — россыпи дрожащих звёзд,
Берега и деревья склоняются над ними,
Обнимают их, словно невест,
И звёзды краснеют от этих объятий.

О, древняя река,
Сбегающая с голубых небес
По высоким горам,
Ты тонким ручейком вытекаешь из солнца,
Не разлучайся со мной,
Омывай мои веки брызгами бурь!
Тебе — все мои силы и вся любовь,
Ты мое царственное дитя,
И дворец мой, и сверкающий меч,
И охрана в моем караване,

От врагов ты, как войско, способна меня уберечь,
Ты — возлюбленная, что в ночь беспросветную манит.

Ты мой сад, спасающий в палящий зной...
Звёзды горят на моем халате атласном,
И шлейф из фиалок стелется по полям за мной...
Ты мое богатство и свита, и трон,
И народ, мне подвластный,
Свершающий путь по пустынным долинам...
Будь же рядом со мной,
Впереди, позади,
Вырви меня из земли, уведи
К ощетинившимся крепостям,
Брось навстречу жестоким ветрам
И пространствам неодолимым...

Картина вторая

Река бурлит и пенится, бушует.
В оврагах, поросших жгучею крапивой,
Покоятся ночные сумерки и тихие мечты...
Мечты, шипы и жала... Пульс бесшумен...
Уснувшие мосты...

Ты помутнел, речной поток,
Но был ты, словно юноша когда-то,
В расцвете сил...
О, сколько раз ты с вечностью боролся,
И тело молодое возносил
Над временем, покоем, над землею
И устремлялся к звёздам,
Ввысь и вдаль...

Но вдруг остановился на минуту,
Прилег на время...
Воды отступили.
Когда ж решил ты все начать сначала,
То ноги сбил о скалы, слёзы пролил,
И к небесам ты руки протянул,
Но, непокорные, летели мимо небеса,
И молодость твою и радость унося.

Однажды мы брели в полночной тишине
Под вспышками лучей метеоритов,

Мы шли, и время, как дитя,
Нас обогнав, бежало впереди
Вприпрыжку по земле Туманов,
Оно смеялось, ликовало
И в душах наших двери открывало
Туда, где солнце разрушает мрак...

Скажи, поток, зачем твои деревья,
Зазеленев, так быстро пожелтели?
Как мало мы средь облаков летели!
Ну почему, не оправдав надежд,
Ты стал шутом, юродивым и нищим?
О мальчик мой,
Единственный, любимый.
О мой народ,
Ответь мне: почему?

ПТИЦА УЧИТСЯ ЛЕТАТЬ

Тело сгорает в пламени зорь.
Душа живет среди вспышек молний.

Здесь рождается солнце
И зажигаются звёзды.
«Будут ли они сиять мне впереди
И осветят ли мой путь?»
О, птица моей мечты,
Птица, не пропадающая из глаз,
Что кружит и кружит вдали...
Как знать, может быть, свет
Никогда не гаснет за горизонтом?

...Ты всё знаешь и видишь, птица.
Каждый день я бреду за тобой,
Увязая в песке,
Бреду и зимой, и осенью,
О, безжалостная птица.
Ты всё знаешь и видишь...
И летишь дальше,
Оставляя одиноким мое скованное сердце...

Пришло время — и я сам пытаюсь взлететь,
Подобно повзрослевшему птенцу.

Но крылья слабы, а сердце рвется к небесам.
Ветер подхватывает меня,
И сквозь туман уже виден мой путь.
Дорога — это река...
Я, как птица, что хочет свободно летать,
Ввысь пытаюсь подняться опять и опять.
А ты мне, как мать:
Радостно поешь, зазываешь,
Подставляешь крыло...
И всё же нет еще силы во мне.
А душа — это мост, что ведет в синеву.
Помоги мне, птица, подтолкни —
Пусть хоть два шага я буду в полете
И хоть дважды взмахну крылом,
Поддержи своей силой хоть на одну ночь...
Может быть, я одолею этот путь под небесами
И побуду средь звёзд и луны...
Вокруг меня кружится горизонт,
Взволнованный моей мечтой о полете.
Мир бесконечен, небосвод соблазняет, манит.
Разрывается время.
Отлетают детство и старость.
Прошлое — мираж, а будущее неясно.
Сегодня я расправляю крылья для взлета,
Чтобы чего-то достичь:
Или счастья,
Или гибели,
Или мук ада...

ТУНИС

Мустафа АЛЬ-ФЕРСИ

ДЕТИ РОЖДАЮТСЯ ПОЭТАМИ

Человек, затем ли ты пришел на эту землю,
Чтобы умножить смерть?
Когда-то был ты слит с мирозданьем,
Был сгустком крови...
Потом ты обрел разум.
Всей грудью ты вдыхал жизнь
И сам был продолжением и утверждением жизни.
Ты знал счастье,

Верил в свои силы, в своих детей,
Мог спокойно творить и трудиться...
О, человек, еще вчера ты не сомневался,
Что дети рождаются поэтами
И что жизнь — это высший дар.
Так что же ты делаешь с этим даром,
Человек?
Как теперь быть твоим детям?
Детям с тяжелыми, испуганными глазами,
Что глядят на тебя с укором.
Их взгляд блуждает по сторонам,
Устремляется ввысь...
Они ищут себя среди погасших звёзд
И несут в своем сердце
Печать всех несчастий твоего мира,
Утопающего в крови.
Не избежать тебе
Их неумолимого вопроса:
Что же ты делаешь, отец, со своими детьми,
С жизнью, что дарована тебе свыше?
Нынешние дети
Сторонятся проторенных путей,
Уходят вдаль,
Блуждая по горам и долам.
У края света
Они ищут крупицы грёз,
Девственных, как леса в старых сказках.
Они свободны, не ведают покорности,
Не терпят гнета,
Потому что многое знают.
Они уходят во тьму,
Но сердца их полны жизнетворных стремлений,
Солнце освещает им путь,
А луна стоит перед глазами.
Их мучит вопрос:
Что же ты делаешь, человек,
Со своим даром?
Что могут эти дети,
Рассеянные по земле безжалостным ветром?
Собирать цветы,
Чтобы с благоговением и скорбью
Прийти к свежим могилам
Тех, что умерли молодыми,
И тех, кто умирает ежечасно

С единственной песней на устах,
С песней, порожденной мольбой и надеждой...
Они поют... чтобы свободные люди
Смотрели на мир, как дети,
Чтобы не угасали мечты
И запахи вечной весны,
Потому что дети рождаются поэтами.
Но этот мир заставляет их
Задавать взрослым один и тот же вопрос:
Отец, что же ты делаешь
Со своей жизнью, дарованной свыше?
Человек, под твоим бременем изнывает земля...
Как ты тяжел!
Не довольно ли приносить в жертву своих детей?
Успокоишься ли ты,
Присядешь ли на скамью,
Наблюдая радостно за работой пчел в улье,
Восхищаясь цветком,
Слушая тишину или шум водопада,
Удивляясь простому и бесконечно прекрасному?
Не настало ли время, человек,
Остаться с собой один на один,
Спросить себя о прошлом, о настоящем,
Подумать о жизни... о любви... о смерти.

Не в том ли величие человека,
Что он встречается однажды
Лицом к лицу со своей судьбой!
Спроси себя, поговори с самим собой,
Вечно спешащий, чем-то озабоченный,
Беспокойный человек! Не теряй времени зря.
Поднимись до ребенка,
Ведь дети рождаются поэтами,
Каждый миг они созидают новые миры,
В то время как ты убиваешь их, убивая себя...
Ты всё превращаешь в прах.

Играй, человек... и оставайся ребенком,
Потому что дети рождаются поэтами,
Они живут в настоящем,
Жизнь для них — это высший дар.

1986, М., «Молодая гвардия»,
«Поэты Северной Африки»

Кадам САИДМУРАДОВ
С узбекского

* * *

Мне шел тогда всего четвертый год,
а мать мою отправили в больницу.
Она сказала мне, что возвратится...
Всё детство простоял я у ворот.

«Тебе я мать сегодня привезу», —
сказал отец, куда-то уезжая,
но в дом явилась женщина чужая...
Я промолчал, стерев с лица слезу.

Так, не скрывая правды для других,
от горя сердце юное щадили,
сильнее всех они меня любили,
и всё ж неправду я познал от них.

Прошли года, вновь больно стало мне,
от женщины я требую пощады:
когда глядим в глаза наедине,
не надо лгать, любимая, не надо...

1983, М., поэтич. сб-к «Молодая гвардия — 82»

Ахмад ТАШХОДЖАЕВ
С узбекского

* * *

Много долгов я успел накопить.
Сколько же им без возврата копиться?
Солнце, постой,
не спеши уходить!
Дай мне с людьми за добро расплатиться!

Жизнь ускользает,
как солнечный свет.
Конь мой спешит к золотому пределу.
Для промедления времени нет.
Хватит ли жизни для доброго дела?

ДОМ

Мой дом имеет дворик небольшой,
в нем комнаты ютятся, точно гнёзда,
здесь дни текут спокойной чередой,
висят над ним одни и те же звёзды.

Хранит меня единственный мой кров,
где б ни был я, он полон ожиданья.
Что без него величие дворцов?
Что без него бескрайность мирозданья?!

ПАМЯТИ ОТЦА

Когда навеки ты заснул,
меня к земле пригнуло небо,
затрепетал наш садик немо
и ветер северный подул.
Когда навеки ты заснул,
в дороге камни заострились,
мне голоса небес открылись,
в горах стоял протяжный гул.

Когда навеки ты ушел
и все мы разом постарели,
тогда глаза мои прозрели,
тогда я жизни смысл нашел...

1982, «Лит. учеба»

Расул ГАМЗАТОВ
С аварского

СТИХИ О КАСПИИ

1

Весною те же птицы здесь гнездятся,
спешат отары на родной простор.
И лишь ручьи назад не возвратятся,
стремительно сбегающие с гор.

Нередко их журчаний отголоски
я слышал в сердце на пути своем,

они, казалось, были как подростки,
что ищут красоту в краю чужом.

Прошли года, и я увидел Каспий, —
мне чудный мир открылся, как во сне.
Какая широта, какие краски
слились в его небесной глубине!

И понял я, в потоки рек влюбленный,
что их стремленье вниз не усмирить.
В лазури этой, солнцем озаренной,
я сам хотел бы душу растворить.

2

Когда-то над моею колыбелью,
чтоб от напастий с детства оградить,
висело из ракушек ожерелье...
Доныне берегу я эту нить.

Ракушки пели мне про крики чаек,
прибоя шум таинственно храня...
И я еще не знал, что́ означает
та сладостная песня для меня.

Но до сих пор я слышу звуки эти
и только с ними нахожу покой.
Я забываю обо всем на свете,
когда стою, мой Каспий, пред тобой.

На берегу твоем я камнем стану
иль в даль морскую уплыву, как чёлн...
Я счастлив оттого, что к Дагестану
стремишь ты широту бурлящих волн.

Тот никогда для счастья не потерян,
кому ты стал с рождения как брат.
И Рафаэля краски — я уверен —
всей красоты твоей не отразят.

Теперь понятно мне, что́ означает
кипучий твой простор в моей судьбе...
Мать колыбель по-прежнему качает,
поют ракушки песню о тебе...

1983

ПЕСНЯ СУДЬИ-ВЗЯТОЧНИКА

Дело, что пришло ко мне,
я читать не стану.
Вес его — в его цене,
если без обману.

Ты не жмись, давай, давай!
Сколько это будет?
Десять тысяч доставай,
а не то — засудят.

Если кто пошел ко дну,
я уж носом чую —
в дело глазом не взгляну —
сколько получу я.

Не жалей, давай, давай!
Знаем вас, ученых!..
Мне коньяк не предлагай,
дай купюр зеленых.

Словно жвачку я жую,
кодекса законы,
сходу нужную статью
выдам без препоны.

Не скупись, давай, давай!
Всё испортит скупость.
Не потрафишь — уповай
на свою же глупость.

Полезай скорей в сундук,
а протянешь каплю —
дело вспухнет, как бурдюк.
Поспешишь — ослаблю.

Не жалей, давай, давай!
Не тяни резину.
Коль украл ты каравай, —
режь мне половину.

Ну а если денег нет —
доброты не высечь.
Выбирай же: десять лет
или десять тысяч?

1983

Альфонсас МАЛДОНИС
С литовского

ГОРЫ

В бурях земных не рассыпались, выжили.
Чуда на свете вам равного нет.
Вы о судьбе своей многое слышали,
Горы,
За долгие тысячи лет.

Горы, какие желанья рождаются
В каменных глыбах, в гранитной душе?
На спину сосны легко взгромождаются.
Стали и вы несвободны уже...

Вот уж и вам, терпеливым, доверено
Ветку зеленую взмыть к небесам.
Гордая сила в веках не потеряна
Горечь и долг испытать пополам.

Море, сияньем небес озаренное,
Не изменило былого лица.
Только — разбитые и покоренные —
Долг свой исполните вы до конца...

1984

Наталья ДАВЫДОВСКАЯ
С украинского

ГЕОРГИНЫ

Как только хмель медвяный собирут,
плоды падут с отяжелевших веток, —
и георгины ярко зацветут
в тот миг печальный на исходе лета.

Очарованья полный и тоски
с небес прольется крик разноголосый.
И разноцветным снегом лепестки
с вершины лета будут падать в осень.

И женщина, прекрасна и легка,
напомнит образ матери и жницы,
и в георгинах скрытые века
ей прокурлычут издали, как птицы.

В ее ладонях ласковых цветок
прошелестит прощально и душисто.
Земля свершит еще один виток,
а женщина прошепчет лишь: «Как быстро...»

* * *

Названья мест — как наши имена —
навеки слиты с естеством и духом.
А если естество сожгла война,
там лишь трава о чем-то шепчет сухо...

И что тогда? Нам легче — мы умрем,
но с именами нашими родятся
другие люди с тем же естеством...
Названья городов — не повторятся.

Они покрыты щебнем и быльем,
еще вздымает ветер пепел серый...
Записано в анналах: был Содом
в какие-то века до нашей эры.

А здесь — увы — не Троя и не Рим.
И далеко не всякий это знает:
где был когда-то город Чигирин, —
лишь дух казачий над горой витает.

Жестоким вихрем пронеслась война.
Трава шуршит между кустам глода...
Сожженных мест живые имена —
как памятники вечного народа.

* * *

А мне чужой не надобно планеты.
Для дел земных сыны у нас растут.
В саду поспели яблоки-ранеты
и до земли тугие ветви гнут.

Мы с дедом тут вдвоем траву косили,
и белым соком брызгал молочай,

и звёзды здесь, как бархатные сливы,
с небес в кусты катились по ночам.

И вообще... Пусть это архаично,
и пусть я от прогресса отстаю,
но черт инопланетного обличья
у земляков еще не узнаю.

Сердца людские стрессы разрывают,
и сам себя боится этот век.
И на земле бесследно исчезают
следы зверей... А как же человек?!

От всех утрат как уберечь нам души?
Куда свернуть от будущих потерь?..
В саду когда-то вызревали груши,
но, может быть, созреют и теперь.

Свои дары земля раздаст не скоро.
Но увяданья грустный близок час.
Пришла пора, земляне. Время сбора.
Ведь подрастают дети и у вас...

1984, «Лит. учеба»

Ахсар КОДЗАТИ
С осетинского

КОСТА

1. Искушение

Зачем печалью душу надрывать?
Забудь, Коста, о горе и тревогах*.
Ведь люди все века со злом боролись
и всё же мир исправить не смогли.

И ты с жестоким временем своим,
как богатырь,
вступил в единоборство.
Но недостойны благодатной доли
все те, кому желаешь ты добра.

---

* У Коста Хетагурова есть стихи под названиями «Горе» и «Тревога».

О гибели Осетии твой клич
не то что мертвым — он живым не слышен.
И если ты помог кому-то нынче,
тот завтра назовет тебя глупцом.

Страдания Осетии родной
твои глаза тоскою наполняют.
И ты решил, что бусинку желаний —
фардыг цикуру* — вырвал у змеи...

Не обольщайся. Не тревожь богов:
твои слова для них — пустые звуки.
Все наши мудрецы шутам подобны.
И часто глупость подчиняет нас.

Красавиц яснооких не страшись,
смотри: как снег, белы у них колени;
они, взглянув, навеки околдуют...
Смирись, Коста, и сердцу подчинись.

Зачем ты губишь молодость свою?
Вино и женщины — вершина счастья...
Пойдем, Коста, гулять и веселиться!
Жизнь коротка. В гроб не возьмешь ее.

2. Ответ

Была душа моя светлым-светла,
чиста, как голубой ледник Казбека.
Для радости и счастья рождена,
теперь она от горя почернела.

Под нашим небом стонам нет конца.
Прислужники врагов нас погубили.
Они народ загнали под ярмо,
в жестокости врагу не уступая.

Спокон веков злодеи всех мастей
о нашу славу ноги вытирали.
И хищный мир играл с душой народа,
как сытый зверь с добычею своей.

---

* Среди осетин существует поверье: у того, кто достанет фардыг цикуру (бусинку желаний), исполнится любое желанье.

Я из сучка березы смастерил
себе фандыр* и вместо струн приладил
седые вдовьи волосы, по ним
провел я тетивой тугого лука.

Родился гневный и тревожный звук —
и песня горя, что сжимала горло,
вдруг прорвалась, как яростный поток,
и хлынула в долины и ущелья.

Я скорбно пел (и слезы лил фандыр)
о наших угасающих надеждах,
про то, как мы уродуем язык...
О, Господи, уж лучше нам погибнуть!

Мы не способны край свой защитить
и, как волы, влачим позорно рабство.
За теплое местечко, за гроши
угодничать спешим и унижаться.

Кто режет хвост у дохлого коня,
кто, словно мышь, в свою нору забился,
те не однажды звали и меня
в людской крови жиреть
и пресмыкаться.

Но если только предпочту и я
вино, веселье, женские колени,
меня мой враг на острие копья
подцепит, будто тряпку, на постели...

Пусть назовут безумцем и шутом, —
но никогда я не был подхалимом.
Предать народ?
Обычаи забыть?
Уж лучше сердце бросить псам дворовым!

Я пел, вознагражденья не ища.
О славе не мечтая, петь я буду,
покуда есть на свете человек,
что говорит еще на осетинском,
пусть даже тем единственным на свете
я буду сам!

---

* Фандыр — скрипка.

ДУХ ОСЕТИИ

Осетия, меня не нужно нищим звать,
когда спрошу огня и попрошу напиться, —
ты дай мне пядь земли, коль негде будет спать,
и солнечных лучей ты дай мне, чтоб укрыться.

О, небо, поделись со мною синевой,
дай хоть одну звезду из тысяч звезд вселенной.
О, буйный водопад, меня ты удостой
летящею водой, сияюще-мгновенной.

И если ты в полет позвал меня, орел,
то одолжи мне крылья, зоркость и отвагу.
Пусть туча надо мной раскинет свой подол —
без молнии в горах нельзя ступить и шагу.

Хочу, чтоб горный кварц мне твердости придал,
и пусть ледник меня научит хладнокровью.
Хочу до дна испить любви хмельной бокал:
о, девушка, приди со всей своей любовью!

Эй, нартовский фандыр, хотя б одну струну,
чтоб я не заскучал, мне одолжи в дорогу!
С таким-то багажом я музе подмигну:
теперь нам не пропасть, уйми свою тревогу.

Я покорю Уаз, и на горе Святой
к богам я обращусь в их неземные дали.
И пусть подлунный мир услышит голос мой,
все радости мои узнает и печали.

Да, целый мир волшебный в сердце у меня,
ведь духом никогда я не был нищим.
Дай мне, Уастырджи*, трехногого коня, —
и навсегда прощай, мое жилище!

---

* Уастырджи́ — в осетинской мифологии покровитель мужчин, путников. По преданию, его конь был трехногим.

ГОРЕЦ

Я — брат нарта Сосла́на* — из камня рожден.
Я — сын Сата́ны, меня не родившей.
Когда я в мир пришел, — как повитухи,
вокруг теснились камни.
Был камень для меня столом и спичкой:
из кремня я высекал огонь.
Защитой и убийцей был мне камень.

Он книгой был: я долотом писал на скалах.

Моя горькая песня была не слышна из Осетии,
билась, как в подземелье.
Меня учили: вытягивай ноги
по длине своего ложа.
О нет!
Разве можно сердце заковывать в цепи?
Разве можно обрезать своей песне крылья?
Ведь станешь похожим на нарта Сослана,
Сына Белого Камня, что все-таки был поражен...

Где-то катится по земле Балса́гово колесо...

СОСЛАНБЕК ЕДЗИОН**

Пусть слава того называет слугой,
кто ею прельстился с охотой...
На Ху́рхор-горе под чинарой густой
был занят ваятель работой.

Предутренней ранью в туманной тиши
спешил он в свою мастерскую,

---

* Нарт Сослан родился из камня, оплодотворенного небожителем Уастырджи при виде полуобнаженной Сата́ны. Взрастившего его Сатану он называл своей «не родившей его матерью». Тотчас по рождении Сослан был подвергнут закалке в волчьем молоке и стал неуязвим. Но корыто, в которое его погрузили при закалке, было слишком коротким, и он лежал с согнутыми в коленях ногами. В результате колени его оказались уязвимыми, чем и воспользовалось впоследствии убившее его «Бальсагово колесо».

** Сосланбек Е́дзион — выдающийся осетинский художник и скульптор.

чтоб в жертву великому Уастырджи
отдать свою душу благую.

И камень пред ним начинал пламенеть,
светились гранитные плиты.
Резец был похож на волшебную плеть*...
Кровь капала с пальцев разбитых.

Храни же нас, каменный Уастырджи!
Об этом мечтал твой создатель:
недаром бессмертную силу души
вдохнул в тебя старый ваятель!

ПОЭТ В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ

Он с мертвецами долго толковал —
поэт — в подземном царстве, как с живыми,
всю жизнь свою он выложил пред ними.
Нет, ничего от них он не скрывал:

душевных мук и радости земной,
своей любви, томительной и зыбкой...
Но те со снисходительной убыкой,
всё ведая, кивали головой.

«Ну что ж, — сказали, — искренен рассказ,
твои печали состраданья стоят.
И все ж мы знаем цену этих фраз, —

Бара́стыр** прав: они грехов не смоют,
они от ада не избавят нас
и райских врат пред нами не откроют».

---

* В осетинских сказках от прикосновения волшебной плети люди превращаются в животных, в неодушевленные предметы, а последние — в людей.

** Барастыр — в осетинской мифологии владыка царства мертвых.

КАМЕННАЯ БАЛЛАДА

Был он магмой, был вулканом,
но потом остыл навеки:
страсть борьбы застыла в камне,
солнце в нем смежило веки.

Врос он в скалы, жилкой каждой
пребывал в глухом забвенье.
Но у скульптора однажды
пробудил он вдохновенье.

Высекая искры сталью,
долго тот над камнем бился.
А в селе уже шептали:
«Едзион ума лишился...»

И когда душа живая
в камне вдруг заговорила,
два огня в один свивая,
бросил Едзион зубило.

Взвилось пламя над горою —
это ожил камень снова...
Так принес старик с собою
славу для села родного.

АРТТИГ*

Стальной наконечник, стрелы остриё —
три ярких огня твои грани.
Три нартские** клятвы жгут сердце моё,
как три незажившие раны.

Горишь ты на солнце, как пламя костра,
но древняя сталь холодна и остра.

Смертельной закалкой наводишь ты страх.
Пропитан ты кровью и ядом.

---

* Арттиг — в нартском эпосе — трехгранный стальной наконечник стрелы; ассоциируется также с понятием: огнегранный (арт — огонь, арта — три).

** Нарты — герои эпоса — делились на три могущественных рода.

Твой лук превратился давно уже в прах,
но ты не затронут распадом.

В сегодняшний день ты летишь без преград,
теперь для меня предназначен твой яд.

Стальной наконечник, оружье отцов,
тобою сражен я незримо.
В бесценной шкатулке грядущих годов
ты будешь сверкать негасимо.

Сверкай же, арттиг! — три небесных огня...
Не тронет тебя укоризна.
Три нартских завета в груди у меня:
Свобода,
Любовь
и Отчизна.

* * *

О любви своей на этом свете
как смогу поведать людям я?
Не молчи, в колосьях шалый ветер,
ты ответь им, черная земля.

О любви своей не скажешь проще.
Кто ее словами объяснит?
Пусть весной о ней расскажет роща
и береза в поле прошумит.

Я хотел бы думать без кручины
о любви к родимой стороне.
Но безмолвны горные вершины,
и молчанье это страшно мне.

ЖЕЛУДЬ

Андресу Яаксоо

В камне безродном
он корень пустил,
в мраке холодном
мечту зародил.

Солнце вставало
из темноты.
Счастье взывало
к нему с высоты:

«Медлить не время,
к небу тянись!..»
Камень и семя
в схватке сошлись.

Вырвался к свету
юный побег.
Видели это
буря и снег.

Ветры на круче
свистят во всю мощь.
Мрачные тучи.
Холод и дождь.

Бился, как воин,
рос он, как мог,
счастья достоин
и одинок.

Нечем напиться —
не засыхал.
Голоса птицы
дуб не слыхал.

Всеми забытый, —
что за судьба?!
Вьюгам открытый.
Жизнь — как борьба.

Листья слетели —
до одного.
Окаменели
корни его.

В небе тяжелом
сумрак навис.
Каменный желудь
катится вниз...

ЛИПЫ

Липы о чем-то таинственном
шепчутся голосом лиственным.
В чудное время цветения
сколько в их кронах волнения!
И, облюбованы пчелами,
стали цветы их тяжелыми.
Полон жарою тягучей
воздух пахучий.

Шепчутся голосом лиственным
липы о чем-то таинственном.
Солнце лучами обильными,
словно горячими ливнями,
в липах струится весь день.
В листьях дрожит светотень.
В воздухе тайны разлиты.
Светлые липы!..

ПРЕДКИ

Не светит солнце над прошедшим днем.
Но разве можно позабыть о нем?
Меня тот день корнями обволок,
на сердце он тяжелым камнем лег.

Иссякло солнце прожитого дня.
И всё ж в золе мерцает тень огня...
Коль затухал очаг наш без углей, —
мы грелись от тепла прошедших дней.

ЖАВОРОНОК

Выдалась дымная осень,
бродят по склонам туманы.
Утром равнины — белесы,
к вечеру ближе — багряны.

Ветром продуты вершины.
Прячется в стог на зимовье
солнечный луч у овина —
зимняя радость коровья.

Лету пропели разлуку
бабочки, пчелы и травы,
из облетевшей дубравы
не долетает ни звука.

Только, когда рассветает,
в небе висит жаворóнок, —
некогда весел и звонок,
песни осенней не знает.

* * *

Топор не жалея срубает березу,
чтоб новое вышло ему топорище. —
Я верую в это.
Сосновая спичка легко поджигает
сосновую хвою родимого бора. —
Я верую в это.
Но могут ли стать топорище и спичка
густыми деревьями, лесом зеленым?

Дождь облаком в небо поднимется снова. —
Я верую в это.
Но камень, когда-то сорвавшийся с кручи,
не в силах уже возвратиться обратно:
мы знаем, что сколько б его на вершину
Сизиф ни толкал, свой удел проклиная, —
усилья напрасны!

БЫЛЬ

Пришла весна. Луч солнца удлинился.
Скворцы вернулись из далеких стран.
Они гнездо устроили в гитаре,
висящей на стене в пустом сарае,
и очень скоро вывели птенцов.

Как странно — и гитара оживилась,
наполнилась мелодией живой,
она три года молча рассыхалась,
теперь же вдруг воскресла, вспоминая
тот дуб, которым некогда была.
В его дупле жила семейка птичья,

и с ними жизнь казалась веселей.
От крика их и легкого порханья
гордился дуб и становился выше...
И тут гитару захватила грусть.

Скворцы, бродяги, что ж вы натворили...

НОЧЬЮ НА БЕРЕГУ ИРАФА

Горы окутала густая тьма.
Ночь — словно пахарь, идущий за плугом,
бросает в небо седые зерна.
Замерло облако с простреленной грудью:
оно страдало весь день,
роняя на землю черные слезы,
а теперь, как притихший младенец,
спит в объятьях Святой горы.
В реке льдинки лунного света
мерцают стайкою рыб.

О, нескончаемая печаль!
Ты навалилась мне на грудь,
как эта ночь.
Сердце качается на твоих волнах:
не утонут ли в них мои думы?..

Течет Ираф...
Осколки волн...
Осколки волн...
Мысль затерялась средь них...
Солнце мое,
что же ты снова ушло за горы
по узкой тропинке моих мечтаний?
И зачем я опять тебя вижу
в льдинках лунного света?
Ты давно для меня закатилось,
ушло, как минувший день, из жизни,
из моего мира.

О, мое солнце, ушедшее за горы,
ты для кого-то родишься с рассветом.
Что поделаешь?..
Я спокойно буду терпеть эту боль.

Пусть слезы останутся в горле
и прольются на сердце горячим дождем —
их никто не увидит.
Знаю: завтра вновь моя птица
полетит в этот солнечный край, где жила ты.

...Ираф, о Ираф...
Мой нежный сон...
Нескончаемое ранящее воспоминание...

ВЕЧЕР В КАХТИСА́РЕ

Ручейками
из горных пещер
на дно ущелья вылился мрак.
Ручейки эти, слившись,
превратились в бескрайнюю тьму,
такую огромную тьму,
что она
переполнила землю и небо.

1985, М., «Сов. писатель», «Кремень»

Дебора ВААРАНДИ
С эстонского

РОМАШКИ

Коса отшуршала — и травы
бесшумно лежат под луною.
Но взгляд твой — иль я не по нраву? —
обходит меня стороною.

По звездам высоким скользит он,
на углях костра застывает,
как будто о чем-то забытом
спросить у ромашки желает.

Безумье мое или счастье —
не рви лепестки так поспешно,
ты к боли моей не причастен,
как белый цветок этот нежный.

Костры посулит и свиданья
ромашка июньского сада,
а вот о поре увяданья
не скажет. О днях листопада...

ВСТРЕЧА С ЭМИГРАНТОМ

В своей судьбе
ты сам всему виною.
Но над бедой твоей нельзя глумиться.
Стоит бездомность за твоей спиною,
и одиночество
из глаз твоих струится.

Что между нами общего? —
скажи мне.
О чем поведать мы друг другу можем?
Среди веселых шведов
мы — чужие,
хоть внешне друг на друга мы похожи.

Чужая речь, и смех чужой...
И горе
по-разному с тобою понимаем,
и всё ж —
хоть нас и разделяет море —
одну мы землю сердцем обнимаем.

Воспоминаний общих
наважденье,
огней и красных окон вереницы,
и в них еще находят
отраженье
знакомые, исчезнувшие лица.

Мне в снах твоих
нетрудно разобраться,
оголены в них корни — ищут воду...
Сквозь мрак лесной
не в силах ты пробраться
к земле родимой, к своему народу.

Нет, не кичусь я,
что близка отчизне,

что ключ подобрала к душе народной,
но труд мой скромный —
голос мой — причислен
к величью и добру
страны свободной.

Впитала я
земли моей дыханье,
ее полей мне были внятны звуки,
и вместе с ней
в годину испытанья
пила я чашу горечи и муки.

Горят огни
вечернего Стокгольма,
шумят над нами темные деревья,
мои слова
мне сдавливают горло,
и ускользает время все быстрее.

Здесь горькой
странной тенью стал давно ты.
Поверь, не шум и блеск моя стихия.
Мне разрывает душу
ностальгия
и жажда вдохновенья и работы.

БЛАГОГОВЕНИЕ

Согреть, весь жар души
отдать бы вам,
стоявшим на краю могилы
и не согнувшимся,
повернутым спиной
к благоговейной жизни.

Цвела рябина, щебетала птица...
А вы готовы были
в землю превратиться.

Одним ударом, словно тесаком,
вам отсекли мгновенно вашу юность.
И годы ваши лучшие прошли

в удушливых тюремных одиночках.
Поля купались в солнечном тепле...
Но в холоде, без хлеба и любви
тела изнемогали молодые,
держась, питаясь собственною силой.

Кричало горе громче птицы на рябине,
вздымалось выше, чем над пашней пар,
в необозримом, солнцеликом мире —
живое человеческое горе.
Но вы к нему прислушивались молча,
не жалуясь, не плача над судьбою.
Вы верили у пропасти могилы,
что на земле родится новый мир.

НАША РОДНАЯ ПОГОДКА

Снова осень. Густая мгла.
Резкий ветер и дождь, и слякоть.
Темной улицей я брела,
было страшно, хотелось плакать.
Мне казалось: грохот копыт
осыпается с кровли острой,
кто-то рядом кричит, свистит, —
а на деле всё было просто:
разгулялась погодка наша!
Свет померк, небеса — как сажа.
Словно в брюхе акулы — тошно.
Как бы вырваться мне из плена
затхлых чувств! Если было б можно
из промозглой туманной пены
унестись по волнам морей
в королевство мечты моей,
в Суриу-Муриу! — В той стране
светит солнце, травы — целебны.
Может, тайну плодов волшебных
Древо жизни откроет мне.

Вот опять над моей головой
пасть раскрыла труба водостока
и с рычанием злобным жестоко
обливает меня водой.
Чей-то хохот слышен во тьме

иль коней заплутавших ржанье,
или это ветров завыванье
нам вещает о скорой зиме...
Колобродит погодка родная,
но в хандре виновата сама я.

1986, М., «Худож. лит.», «Избранное»

Светлана ЙОВЕНКО
С украинского

* * *

Я родилась, когда война
в руинах стыла тихим тленьем...
Послевоенным поколеньем
нас назовет потом страна.

Отгрохотав, ушла война.
Я родилась под мирным небом.
Забуду ль, чьим кормилась хлебом,
что не была в беде одна?

Не побоюсь высоких слов:
над нами звёзд высоких россыпь,
Отчизны победившей поступь
тверда, а путь высок и нов.

И хоть пожар войны потух,
нас в бой звало сердец горенье...
Мужало наше поколенье,
впитав отцов геройский дух.

И всё ж нам не были слышны
разрывы бомб на этом свете,
мы были мирных будней дети,
не испытавшие войны.

ПРЕДЧУВСТВИЕ РАДОСТИ

Бывают дни, бывают в днях мгновенья,
когда сильней сердца стучат у нас,
улыбка счастья, крылья вдохновенья
касаются и уст, и наших глаз.

Бывают дни, когда душа яснеет,
как будто детской чистоты полна,
когда тебя предчувствие овеет,
подобно ветру летом из окна.

Иль молодость
вещует миг отрадный? —
губами луч щекочущий ловлю...
Путь этой жизни, пройденный стократно,
стократно безнадежный,
я люблю!

Иль золотое утро ярким светом
наполнит мысли, оживит мечты,
походка легкой станет —
и при этом
свою улыбку вряд ли скроешь ты.

Идешь веселый, ласковый, пригожий,
неузнаваем твой привычный путь,
улыбкою тебя дарит прохожий
и говорит вослед: — Счастливым будь!

Так в чем же дело?.. Не могу сказать я.
Сияет солнце каждому свое...
Не нужно много радости для счастья —
достаточно предчувствия ее...

ОДНА НОЧЬ

Кто проходил до утренних лучей
по Киеву, бродя во мгле туманной,
и кто оставить мог листок багряный
Ватутину на каменном плече?..

Под утро кто-то взором золотым
смотрел за Днепр в бог весть какие дали.
На склонах грустно яблони шептали,
что им нельзя пойти вослед за ним.

И сразу расплескали небеса
над горизонтом кубок серебристый.

Лучи зари тускнели в дымке мглистой,
родной простор полей ласкал глаза.

Но кто-то даль как прежде золотил,
над миром зажигал рассвет чудесный.
Где этот маг, волшебник неизвестный,
что дивным светом город озарил?

Кто тут гулял среди ночных аллей?
И чьи следы скрывают листья клёна?
Малиновое солнце удивлённо
весь день глядит сквозь желтизну ветвей,

как золотая вьюга замела
вчерашнюю густую зелень сада.
Метелью золотого листопада
осыпан мир...
Когда б я так могла!

* * *

В победный год
в осенней тишине
мне подарили солнечное имя.
Но были раны Киева
моими:
лишь вспомню я о них — и больно мне.

Мой первый шаг —
вдоль Золотых ворот,
мой первый сон —
под стенами Софии,
и первые слова мои в полет
благословил послевоенный Киев.

Еще Днепра угрюмая вода
по тем, кто в ней погиб, печаль хранила,
и мама в гимнастерке — молода,
и звездочка с погон ее светила!..

И Прорезная в прорезях руин
сбегала на разрушенный Крещатик.
Останется надолго отпечаток
в моей душе от горестных картин.

И на рассвете — гул очередей
за сахаром, за маслом, за мукою...
И за косичкой худенькой моей
я помню, как толпа текла рекою.

Заботы взрослых горожан текли
перед глазами юной киевлянки,
и солнце нас ласкало спозаранку,
залечивая боль моей земли...

* * *

В небе студеном, огромном, распахнутом небе
меж молчаливо сияющих звездных лучей
чудится — плачет последний, подстреленный лебедь,
стонет олень над смертельною раной своей.

Там чернокрылые сосны гудят неустанно,
слышатся явственно горечь и тяжесть их дум.
Трубы стволов над землей завывают органно,
эхо столетий вместилось в их сумрачный шум.

Крон их касается белая в небе дорога —
Млечным Путем проплывают они в небесах.
Кажется: что-то мелькнуло впотьмах у порога —
тень ли стиха или месяц, скользящий в ветвях...

К небу седому, студеному хоть на минуту
сердцем прильнуть бы, себя обретая в себе...
Древо живое средь леса увидеть кому-то,
слово расслышать, подобное светлой судьбе.

СЕДЬМОГО НОЯБРЯ

1

Седьмого ноября
просыпаюсь до рассвета,
потому что вдруг щемяще запахли
белые, печальные хризантемы...
Отчизна, где-то в это же время
Рихард Зорге под небом Японии,

полон несгибаемой веры
и мужества,
встал под виселицу,
усмехнулся
и первым поздравил тебя
с праздником...

2

Ночью мимо дома проходили танки.
Стонала, гудела земля,
и дрожали стекла —
танк за танком...
снова и снова...
(Инвалидам еще снится война.)
Танк за танком.
Притихшая, босая, простоволосая,
прислоняюсь к оконой раме
в темной спальне...
Осень.
По стеклу катятся капли дождя...
И шумит над деревьями ветер...
(Танк за танком...)
...Утром солнце зовет нас на праздник,
за окном — золотая пора.
В косы бант удивительно красный
дочке я заплетаю с утра.

3

Седьмого ноября,
когда бурлит город
и на ветрах,
как пламенеющее зарево,
полощутся алые знамена,
когда Крещатик принимает парад —
и войска маршируют в чеканном ритме,
когда множество языков
сливается в единый и звонкий гул
(иностранные туристы — с удивлением —
зябнут на трибунах),
Седьмого ноября,
когда волны песен и смеха
прокатываются по праздничным колоннам,

когда сияют глаза детей
в половодье радости и счастья, —
в этот день
в какое-то мгновенье
подступает комок к горлу —
и я горжусь тобой, Отчизна!
Седьмое ноября —
это строгая и скорбная память о тех,
чьи сердца пылают
в негасимом костре Октября.
Среди красных гвоздик
в терпкой горечи хризантем
говорит Вечный огонь:
никогда не забудем павших!

* * *

Люблю ли я поэзию? —
Друзья,
не знаю, что́ ответить мне мешает.
Не мы судьбу —
она нас выбирает.
Любить судьбу?
Что ей любовь моя?

Люблю ли я профессию свою?..
Поэзию?.. —
Она и есть работа,
порою ненавистная забота...
Леплю ее.
Ее ли я люблю?

Она подчас молчит до глухоты,
и я — батрачка, падчерица слова.
Угаснет вдруг
и отзовется снова,
то озарит сияньем красоты,
то вдруг низвергнет
в пропасть
с высоты.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Раулю Чилачаве

Май сиял в голубеющей выси,
Киев цветом садов полыхал...
В сердце мальчика из Тбилиси
соловьиный язык зазвучал.

В канделябрах цветущих каштанов
плыл огонь бело-розовых свеч.
А парнишка-грузин неустанно
постигал украинскую речь.

Двадцать лет с той поры пролетело,
ученик стал известный поэт.
Мне о прошлом напомнить сумела
пленка — запись студенческих лет,

где мой голос далекий колдует
парню нежным славянским стихом,
и как будто бы кто-то целует
слово каждое в чтенье моем...

Словно улей, гудела столица
Украины, расцветшей, как сад...

Тем годам никогда не забыться,
если все еще светится, снится
тот, с Мтацминды*, внимательный взгляд...

* * *

Мой ужин одинок в конце недели.
Зелено-черный
чуть дымится чай.
Устала я.
Усталость — не печаль.
В душе — не плач. В ней звук виолончели.

Снег за окном. И люди за окном
проходят вдоль витрин, где елок блестки.

---

* Мтацминда — гора в Тбилиси, где находится пантеон выдающихся людей Грузии.

Откуда ж эти струны, отголоски
в час между явью и волшебным сном?..

Предновогодней ночи суета
всегда полна живого интереса.
На улице метельная завеса.
Меня там нет. И я уже не та.

Ребенком быть, летать через костры,
мой Арлекин, устала Коломбина.
Настала жизни трезвая вершина,
где будни, словно праздники, пестры.

А снег и смех я так люблю сама,
весь этот вихрь метельного ненастья.
Когда-то мне казалось это счастьем —
чтоб не мешал никто игре ума...

Но одиночество мое в конце недели
с суровым смыслом пресного стола —
я, не моргнув бы глазом, взорвала,
когда б не этот... звук виолончели.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ПОЭЗИИ

Разве не одинаковы людские заботы,
если речь идет о человеческой душе,
что рождается под общими звездами,
уходит в общее небо,
ощущает Прекрасное
(природу, любовь, искусство)
одними и теми же органами чувств
на всех континентах,
наперекор границам?..

Написать бы мне стихотворенье,
чтоб на разных языках планеты
не могло утратить первородства,
чтоб японец, немец, англичанин,
все: и враг, и друг, и брат по духу,
прочитав, признали: твердость эта
в голосе —
достойна уважанья,

чтобы в нем история и время
отразились и для всех понятен
гордый адрес был:
Страна Советов.

Творчество — правдивый знак гражданства,
документ единственный поэта.

Многого ль хочу я? Да, конечно.
Чтоб на русском языке нетленном
моего народа дух извечный
был воспет, чтоб синею волною
Днепр шумел в моих строках былинно
над Орлом, Уфой, над Сахалином,
над эпохой нашей быстротечной,
и в его полете тополином —
прославлялось имя: У к р а и н а!..

Многого ль хочу я? Да, конечно.
Но не больше, чем сама так нежно
я дарила в слове вдохновенном...
Подарите хоть волну — от моря!
Чтобы прежде чем мой взор померкнет,
кто-то вдруг почувствовал: я — смертна,
и почуял терпкий привкус горя...

* * *

Теперь в моем краю заснеженном
нас не разбудят соловьи.
Откуда же улыбка нежная
на губы снизошла твои?!

Скупыми чувствами отмечены,
черствы в безмолвии зимы,
мы стали заново беспечными,
детьми как будто стали мы.

Без слёз — еще друг друга радуем.
Не отворится наш Сезам.
Мы как снежинки с неба падаем,
но не упасть на землю нам.

Не оттого ль и я так ласкова,
что губы у тебя мягки?..
Беда к беде так часто ластится,
и слёзы на глазах — легки.

БЕЗ СЛОВ

Перед лицом братских могил
на Пискаревском кладбище и всюду.

На этом кладбище, ветрам открытом,
стоим, двадцатилетние, бесшумно.
Гуляет ветер по бетонным плитам,
в его тревожном шуме слышен Шуман.

На Пискаревском разыгрался ветер.
Пред именами павших ленинградцев
стоим, а ветер оголяет ветви,
молчим, не плачем, а победе — двадцать.

На Пискаревском говорят деревья,
их ветви шепчут нашими словами:
жить,
а не выжить мы хотим,
поверьте,
но будет надо — мы пойдем за вами...

На Пискаревское упали тени.
А только что стояло солнце в небе...
Клянемся:
никогда не кануть в небыль
погибшим,
но не вставшим на колени!

РАБОТА МОРЯ

Я не смотрю назад, я знаю —
там горы, там уже темно.
Страницы осени листаю,
мной сочиненные давно.

Толпа курортников свершает
неспешно поздний моцион.

Цепь гор и море отражают
седую вечность с двух сторон.

И контрастирует природа
с толпою, пестрой от обнов,
в ней дышит вечность, а не мода —
и что ей стих с половой слов!

«Ужель довольна ты собою?» —
бил по щекам меня прибой.
Работа моря, стань судьбою
моей, жестокою судьбой!

Всё преходящее, как пена,
истает, откатившись прочь.
И только мысль в веках нетленна
в своей работе день и ночь.

Еще нет осени в помине,
и солнца диск в волнах блестит,
но стало мне казаться ныне,
что снег из туч судьбы летит...

Стою, от ветра заслоняю
огонь, пылающий в крови...
Меня спасет работа, знаю,
и в ненависти, и в любви.

ЭЛЕГИЯ ЛЕТЯЩЕЙ ЗВЕЗДЫ

Хочешь, буду нежною, как вишня,
словно майский белоснежный сад?..
С губ моих слетает еще слышно
теплых слов весенний листопад.

Облетают лепестки и тают
за спиной, как прожитые дни.
Мне на память сказки оставляют
с добротой и щедростью они.

Хочешь, словно вишня буду нежной?
А на слёзы можно не смотреть.
Вон летит звезда во мгле кромешной,
но и ей положено сгореть...

* * *

Избавь вас Бог влюбляться в поэтесс:
волнует их лишь самовыраженье.
Туман стихов, шаманство, вороженье
отриньте. Пусть утешится Дантес!

Избави Бог от слёз их и обид,
от их наивной, детской веры в сказки,
от нисхожденья их с вершин парнасских
в чад кухонь и кастрюль, в проклятый быт.

Не позволяйте в облаках витать.
За косы стаскивайте вниз, на землю.
На том и стойте: я, мол, не приемлю
такую блажь. На Божий дар — плевать.

Оставьте им печаль, тревогу, страх,
иллюзию свободы одинокой,
огнь своеволья в сердце и в глазах...
И не идите зыбкой их дорогой.

Избавь вас Боже уступить хоть раз:
заслужите усмешку Моны Лизы,
измучат вас их прихоти, капризы,
как ангел, глянет грешница на вас.

Пусть эти нежно-лживые уста
промолвят правду — верить им не надо,
смеяться и морочить — их отрада,
другого принца дарит им мечта.

Смущенье их не выдаст ни на миг.
«Мой стих невинен», — скажут вам спокойно.
Но знайте:
ведьма в ней!
Костра достойна
она.
Огонь развяжет ей язык!

ЧУЖАЯ ОБЫЧНАЯ ЖИЗНЬ

Первая моя учительница
Елена Давыдовна Корнилова,
на мой взгляд —
на взгляд первоклашки —
была стройная и высокая,
в речах и поступках —
значительная.

До сих пор слышу ее твердый голос.
На мой слух,
слух первоклашки,
в нем прорезались металлические нотки,
на нынешний слух мой —
едва скрытая усталость,
переполнившая чашу жизни
и надломившая здоровье...

Первая учительница
черной шалью покрывала плечи.
Мои больные глаза
в те годы серебристо слезились,
их слепил дневной свет —
и я опускала голову вниз...

Шел урок, один из множества,
и среди равнодушных к ученикам
и словно штампованных слов
она царским жестом
неожиданно
сняла с плеч черную шаль!

Как сейчас, чувствую
широкое крыло над головой
и — при солнце! —
мгновенное облегчение глазам.
«Приляг...» — шепчет она.
И меня обнимает ласковая темнота...
Это был первый урок сострадания.

Что могла сказать та черная шаль
о нашей учительнице?
На взгляд первоклашек —

что-то неясное, странное, далекое.
Может быть, в учительнице наболела
ЧУЖАЯ ОБЫЧНАЯ ЖИЗНЬ?
Дети вырастают быстро,
однако душа растет не у всех.

Первая наша учительница,
причесанная просто и гладко,
была седой и строгой, как старая мать.
Всюду, где присутствует память войны, —
в бронзе, в камне, на обелисках
я встречаю прямой, как правда,
ее взгляд...

Не ведаю, где и когда ее похоронили,
кто из учеников был при этом,
чтобы бросить в могилу горсть земли,
как последнее и самое искреннее «прости»...
Я ничего не знаю о ней:
откуда родом, есть ли родные?
Может, она была одинокой?
Может, оставалась одна в ночной пустоте
с мучительным вопросом:
ВЫРАСТУТ ЛИ У ЕЕ УЧЕНИКОВ... СЕРДЦА?

Мои одноклассники —
шаловливые обезьянки города —
теперь, по преимуществу,
люди важные, солидные.
Им, наверное, некогда заниматься
проблемами поздней рефлексии...
Думают ли они так же, как я? Вряд ли.

Наша черная неблагодарность
сотрет из памяти
то, что первая учительница
была в меру ласкова, в меру сурова.
После нее учителей нам выпало немало,
их человеческая неповторимость
прошла мимо нас стороной...

Моя первая учительница —
Елена Давыдовна Корнилова.
Ее уже нет, — отвечаю своей дочке. — Не знаю.

Не ходила. Некогда. Не уверена.
Кто из класса? Никто!

Что же я так поздно опомнилась?!
Поздно! И для меня, и для нее...
Вот оно, единственное слово,
за которым исчезает
ЧУЖАЯ ОБЫЧНАЯ ЖИЗНЬ.
Не опаздывай, сердце,
будь отзывчивей
к ч у ж о й жизни!
А пока что давай поприветствуем
твоих учителей.

ТЫ — КТО РЯДОМ

В любви и дружбе равных не найти.
Но целый век мы пониманья жаждем!
Любовь к себе лишь можем обрести,
а доброта отыщется не в каждом.

О ты, кто рядом и кто так далек,
где ты, стократ желанный, непокорный?
Я исходила б тысячи дорог,
чтобы сплелись навеки наши корни.

С глазами близорукими кроты
давно привыкнуть к темноте успели...
Каких мне гор преодолеть хребты,
чтоб и глаза и души их прозрели?!

Она и он — из разных двух миров,
как с двух планет, враждою упоенных.
Где мне найти такую ясность слов,
чтоб как-то примирить их, разобщенных?

Отчуждены в молчанье: я и ты.
В холодные глаза смотреть несносно.
В них ни надежды нет, ни теплоты.
Спохватимся еще. Да будет поздно.

* * *

Сны залетают в окна темных залов,
цветы, застыв, на цыпочках стоят.
Политиков, солдат и генералов
прошу я быть потише — дети спят.

Калачиком свернувшись или руки
раскинув, словно мир хотят обнять...
Им снятся песни материнской звуки,
черемуха свою им дарит прядь.

Кому не приходилось улыбнуться,
увидев, как сопит курносый нос,
иль не хотелось нежно прикоснуться
усталою рукой к пушку волос?

Как мотыльки, витают сновиденья,
как блики солнца — светят им в глаза.
И певчих птиц веселое паренье
пророчит им, что минет нас гроза.

Благословенно сонное дыханье
в ночной тиши всех на земле детей,
в нем красоты живой благоуханье,
что чище снега и небес нежней...

Пусть этот мир детей оберегает,
чтоб им не знать о горе и войне,
пусть воробьиный щебет не смолкает
и зацветают вишни по весне.

Мы будем помнить праведно и строго
о вечных обелисков именах
окаменевших... и о тех дорогах
сирот в послевоенных горьких снах.

Сны залетают в окна темных залов,
цветы, застыв, на цыпочках стоят...
Политиков, солдат и генералов
прошу:
не забывайте! —
дети спят.

* * *

Весь век читала я в его глазах
притворную любезность, равнодушье,
его тепла весь век ждала натужно,
неверье скрыв, отчаянье и страх.

Столетье длилась тихая война.
Напряжены мы были, как в осаде.
С его упорством не могла я сладить.
И в этом не его была вина...

Но как-то раз глаза я подняла,
лучился взгляд его
теплом неясным,
каким-то светом странным, но прекрасным,
и я на миг от счастья обмерла...

К нему тогда я молча подошла,
коснулась нежно светлого чела...
В его глазах не встретила себя я —
из них смотрела женщина другая.

* * *

Я знаю слов полет.
Я знаю слов тщету.
Мне по глазам легко понять любое слово.
И мог меня твой взгляд
низвергнуть в пустоту,
и к жизни возвратить меня умел он снова.

Да, твой один лишь взгляд
до неба возносил
и сбрасывал на дно кипящий преисподни.
А что́ слова? — Когда
мне так понятен был
твой каждый взгляд.
Вчера. Но не сегодня.

* * *

Бегут дороги по равнинной глади,
и ночь полынным запахом пьяна,
трель соловьев взлетает над Тольятти,
и Волги глубь таинственно темна...

Но за широкой Волгой, за горами,
где над землей рассвет взметнул крыло,
выходит мать на белое крыльцо
с летящими по ветру волосами.

За спящим лесом, за ночной рекой
моя земля
хранит покой столетий,
кузнечики заливисты,
как дети,
и блещет луг серебряной росой...

ГОРОД

Седьмой час утра в декабре.

В метро в седьмом часу утра,
качаясь, дремлют киевляне —
почти безмолвны в этой рани,
как воды тихие Днепра,
что еле слышно, приглушенно
текут в оцепененье сонном.

Чуть плещет стылою волной
река в рассветной мгле туманной.
Снов обещанья и обманы
еще витают над толпой
в седьмом часу утра. И лица
размыты — светятся едва.
В ритм не вошла еще столица,
ночь не сдала свои права...

Но с пробужденьем детворы
река людская расцветает,
улыбки на устах порхают,
и вот уж с ледяной горы
мяч катится из утра в день,
в котором — радость и заботы,
и непочатый край работы,
рожденье слов, поток идей,
кипенье жизни бесконечной —
и молодеет город вечный,
и смысл грядущего — ясней.

УКРАИНЕ

Есть Родина у нас, для всех едина,
я у нее — как в поле колосок.
И есть земля, чей нежный свет высок
в моей душе, — ей имя: Украина.

В моей крови горчащий сок калины
бунтует, жжет и как огонь горит,
но это память сердца говорит —
я кровью слышу голос Украины.

Горда я тем, что на ветрах Октябрьских
мой дед за власть Советов шел на бой,
он не желал себе регалий царских
и не колеблясь выбор сделал свой.

Горда я тем еще, что коммунистом
стал мой отец в годину черных гроз,
что он шагал по жизни в полный рост
и в мыслях и делах своих был чистым.

Над всей страной, как птица, я пари́ла.
но Украина мне одна лишь — мать,
спасибо ей за то, что уважать
других людей она меня учила.

Наш южный ветер с песней тополиной
летит к Москве и о любви поет,
и воспевает вечный мой народ
святой союз России с Украиной.

* * *

Как эта ночь бездонна и прекрасна!
Меж ярких звёзд сияет Млечный Путь.
И самолет не страшен мне ничуть,
стоять под мирным небом не опасно.

Заботы наши попросту смешны
мерцающим который век светилам...
Мы все уйдем... Но даже и могилам —
как всей земле — не надобно войны.

Пусть снятся детям крылья за спиной,
не будет прерван сон полночным криком.
Пусть на земле в цветенье многоликом
жизнь колосится с каждою весной.

Пусть сеют зёрна мудрости сыны,
чтоб горечь душ людских не отравляла,
чтобы Десну с Днепром не разделяла
пустыня черной смерти и войны.

ПЕРВЫЕ СВИДАНИЯ

День угасает быстро на селе;
клубком свернувшись, тучка задремала,
склонилось небо темное к земле,
и звездочка над крышей заблистала.

А на дороге пыль еще тепла...
Вздыхает перед сном в хлевах скотина.
И вот уже над хатами села
нависла тишь, и ночь вплывает чинно.

С ботвой корзину в сени занесу;
тайком от бабки,
чтоб никто не слышал,
метнусь я в поле, расплетя косу, —
туда любимый на свиданье вышел.

Душистой ночью жадно дышит грудь.
Признаюсь ли ему?.. Смогу ли?..
Где там!..
Наперерез подсолнухам и репам
бегу, спешу, боясь передохнуть.

Ветла над речкой тихо шелестит,
над лепестками лилий
сон витает...
А в лодке, вижу, милый мой стоит,
нетерпеливо Мавку* поджидает.

---

* Мавка — сказочный, волшебный персонаж из украинского фольклора (нимфа, лесная русалка).

Я на него смущенно погляжу,
скажу робея: шла вот стороною...
Мне с Мавкой не тягаться красотою... —
Его усмешку смехом погашу.
Спрошу его:
— Куда течет Десна? —
ответа от него не дожидаясь,
как будто ворожа ему, признаюсь, —
впадает в сердце, а не в Днепр она...

Глаза — в глаза...
— Ну что ты смотришь так?.. —
О чем еще сказать бы я хотела?..

...В Десне дорожка лунная блестела,
и серебрился над рекою мрак...

* * *

Село, морозом скованное, дремлет.
Спит подо льдом широкая Десна.
И сколько видит глаз — родную землю
до неба скрыла снега целина.

Шум молодых колосьев снится нивам,
и это лучший сон среди зимы.
А над селом дремотно и лениво
меж белых облаков плывут дымы.

Лес, как в чудесной сказке, серебрится...
Но лишь погаснет в небе свет дневной —
и звёзды отражаются в криницах,
а с ними месяц бледно-золотой.

Бывают дни — до окон заметает
Надиновку, и много дней подряд
разбойный ветер в трубах завывает
и зазывает за порог ребят —

насытиться зимою, окунуться
в пуховый снег, катясь с крутой горы.
До той поры, пока не отзовутся
кукушки по лесам...
До той поры...

* * *

Будут волосы мои шуметь дубравой,
будет в них цвести душистая весна!
Хлынет Днепр,
когда взлетит рукав мой правый,
а из левого — блеснет волной Десна.

Сердце звездочкой ночною не угаснет,
затрепещет в тополиных снах оно:
как бы ни было привольно в небе ясном,
от земли не оторвется все равно.

На земле моей и тополь — я, и поле,
я и Днепр, и синеокая Десна...
Ведь земля — она и жизнь моя,
и доля.
Смерть,
покуда светит солнце,
не страшна.

* * *

О д н а Десна двоим нам говорила,
о д н и х небес взмывали ввысь крыла,
о д н а заря для нас двоих светила —
то счастьем не было.
Но то Любовь была!

Меня обняв курганами, степями,
ты сердце зацеловывал до дна...
О д н а печаль всю жизнь владела нами.
И то была Любовь.
Была, как смерть,
о д н а.

Когда над головой дожди шумели
и душу боль пронзительная жгла,
когда под взмахи лиственной метели
тоска от нас осенних птиц гнала, —

то всё была
Любовь!
И, мой любимый, где бы

ты ни был — не менялось ничего:
лишь наши имена писало небо,
и даже не хватало нам его!

Когда ж огонь грозы сверкнет нам в лица
в тот неизбежный, в тот последний час,
то всякий, кто посмотрит, убедится,
что даже смерть с о е д и н я е т нас!

Она о д н о й обнимет тишиною,
о д н и м крылом укроет нас с тобой,
мы на о д н о й земле взойдем травою,
и будет счастьем всё. И будет всё судьбой.

ЛЮБОВЬ

1. Данте

Красавицы, кому и тень его
была сладка,
каким недобрым взглядом
встречали ту, что проходила рядом,
что стала для него как божество.
Соперницы, которых обнимать
он мог всю ночь —
и забывал наутро,
как тщетно,
как старательно и нудно
себе пытались славу добывать
возлюбленных его!..
И как они
презрением и злобой к ней кипели,
травили и раздеть ее хотели,
чтоб насмеяться!..
Сгиньте, соловьи!
— Безумец Дант! Кого поешь ты, Дант?
— Она, как бочка толстая, округла!
— Мертва и бессердечна эта кукла! —
кричали ведьмы. — Он — комедиант! —
Шла Беатриче, взглядами блудниц
унижена, исхлестана, раздета...
Дант опускал глаза пред нею ниц,
сжигая грудь молитвою сонета.

Тяжел и черен слов тех фолиант.
Божественно-светло ее обличье...
Как солнце, всходят очи Беатриче.
И плачет Дант, и, как дитя, смеется Дант.

2. Беатриче

Который век, послушная, молчу.
Мои уста немы по Вашей воле.
Но Беатриче — выдумка, не боле,
она — мечта, подобная лучу...

Я не люблю Вас. Я люблю любовь.
Иначе, Дант, Вы стали бы счастливей.
И Вашего восторга буйный ливень
утих бы скоро, остудивши кровь.

Любовь!.. О этот пламень голубой!
Надежд напрасных вихрь неугасимый!..
И Вы меня любите, нелюбимый,
пусть я людской ославлена молвой.

Меня возьмите в золотой полон,
улыбку скуйте строфами сонета,
пусть птица не увидит больше света,
пусть ей приснится лодочник Харон...

Я, пленница, Вас не люблю. Но я
навеки Ваша, Дант. У Беатриче
слова — алмаз. И в смерти есть величье.
Сгоревшему сожженный — не судья...

О, женщины, святая простота,
любя его, вы стали мне родными,
забудьте, что единственное имя
и днем и ночью жжет его уста.

Невольники
и Дант, и Беатриче.

К ОМАРУ ХАЙЯМУ

Царь поэтов, любимец философов,
хорасанский имам досточтимый!
Побывать не преминул бы в космосе
звездопевец, Хайям несравнимый.

Средь поэтов пленительных Персии
был бы даже Хайям в Исфахане
покорен сладкозвучными песнями,
с гор плывущими в Узбекистане.

Пью с тобою, Хайям, — не с повесами,
в Самарканде бокал подымая.
За полет и дыхание вечности
пью, твои рубаи обнимая.

Не беда, что и я стану глиною,
ведь она превратится в кувшины!
Я за песни твои соловьиные
пью из уст твоих, а не из глины*.

Я рукою своей горделивою
всем подряд наливать не умела.
Я, Хайям, пью с тобою! Счастливая
оттого, что любила и пела!

Чем нести чепуху никудышную,
помолчу-ка я нынче с Хайямом.
Мудрость пью, за которой не слышится
наших дней трескотня окаянная.

Да, Хайям, так уж свыше наказано:
время всё на скрижалях начертит.
Жизнь истлеет. Но молодость разума
не подвластна безжалостной смерти.

---

* Ассоциация со стихами Омара Хайяма, в которых он говорит, что сам обратится в глину — и из нее потомки будут пить вино.

К ЛЕСЕ УКРАИНКЕ

Лариса Петровна, я в детстве на «ты»
была, по наивности, с Вашей строкою.
Теперь далека я от той прямоты —
мудрее, наверное, стала душою.

Как из неволи, из темноты
жизни, придавленной рабства недугом,
слабая птица — могучая духом! —
спели Вы песню народной мечты.

Знаю, она не умрет никогда,
слово — подобно гранитной породе.
Быстро, как свечка, угасли года —
пламенный дух Ваш остался в народе.

Головы мы восхищенно склоним
перед великими этого мира.
С ними и Ваша высокая лира
светится именем вечно-родным.

Всяк ли народ дочерей воспитал,
чтобы стояли, как ровни, с сынами,
чтобы держали в руках, словно знамя,
серп и оружье, перо и штурвал?!

Если привычно в анкетах пишу
я принадлежность свою: «украинка» —
чувствую, как вырастает глубинно
гордое пламя, что в сердце ношу.

ПОРОГ

(В Доме-музее Леси Украинки в Киеве)

Что в мыслях ты сюда принес,
скажи?
С чем ты пришел
и что хотел узнать бы?
Сумеет ли молчание усадьбы
разбередить покой твоей души?

История — ты думаешь — музей...
Постой в дверях недвижно, осторожно —
шаги хозяйки вновь услышать можно...
Мы светом здесь обязаны лишь ей.

Тут эхом боли клавиши полны.
Ее глаза —
как отблески зарницы
(печальные глаза сраженной птицы),
в которых боль и гнев затаены.

Тут неизбывно, вечно будет жить
дух красоты, любви и состраданья.
Ты мог бы —
до конца существованья —
весь жар души
собратьям посвятить?!

Ты мог бы так
призвание нести,
чтоб знал народ,
что ты — его частица?
Так,
чтобы свет померк для нечестивца,
чтоб жизнь могла бы длиться и цвести?!
Спросил ли ты у сердца своего,
свои деянья
смог ли взвесить строго,
подумал ты у этого порога:
достоин ли переступить его?!

ВРУБЕЛЬ В КИЕВЕ
(1884—1984)

Художнику Рафаэлю Багаутдинову —
автору картины «Посвящение Врубелю»

Цветет сирень над склонами Днепра
всё лиловей, всё гуще, всё красивее.
Я оглянусь, замедля бег пера:
Врубель в Киеве!

В нём дышат грёзы юношеских лет...
Еще не выпита бездонность Демона.

А женщина — не богоматерь, нет! —
но все-таки с похожим взором — где она?

На мозаичном фоне золотом
застыл, холодным сумраком пронизанный,
прекрасный лик на камне вековом,
неведомо с какой натуры писанный.

Где ангел? Пусть свечу зажжет на миг!
Вы вдохновили гения, о женщина.
Юнец, мальчишка — в душу вам проник,
отныне с вами жизнь его повенчана.

Постигший тайны мастерства, творец,
он ближе к славе с каждою минутою.
Горит свеча. Горит алтарь сердец.
Художник чашу счастья пьет с цикутою.

В ЗАЩИТУ ПОЗДНЕЙ ЛЮБВИ ГЁТЕ

Уходит жизнь, но сердца свет не гаснет.
Пусть мудрость лжи обратному верна.
Лишь одного не ведает она:
Всесильна нежность, а любовь — всечасна.

И что́ — уроки опыта, года́,
коль страсть любви в груди неутолима,
когда она в душе непобедима.
Никем. И неизбывна. Навсегда.

Она придет внезапно и, поверьте,
сединам вопреки, захватит вас.
Я приглашу вас на последний вальс.
Он в нас живет. Его мотив бессмертен.

Я знаю, знаю, там снега лежат,
где груды лет, где небо тяжелеет...
Но даже там потребность не скудеет
в тепле руки и дорог нежный взгляд.

Нет, не сравним ни с кем избранник мой.
С дороги прочь, красавцы молодые!
Нет, в мире не найдет слова такие
для сердца моего никто другой.

О жизнь моя! До капли отдаю —
за взгляд один, за чудных слов сиянье —
тому, кто слышит вечности дыханье,
покорность
и всю молодость свою.

НАБРОСКИ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОРТРЕТОВ УКРАИНСКИХ ЖЕНЩИН В ИСКУССТВЕ

Если привычно в анкетах пишу
я принадлежность свою: «украинка» —
чувствую, как вырастает глубинно
гордое пламя, что в сердце ношу.

К Лесе Украинке

Я не про тех слащавых поэтесс,
маравших посвященьями альбомы,
чей шепот-шелест — словно вздох истомы,
чьи «ах!» и «ох!» взлетали до небес;
что ни альков — то жаркий взгляд знакомый...
Я не про тех слащавых поэтесс.

Я не про тех сентиментальных дев,
что жили в ароматах парфюмерных,
в пустых слезах, в мечтаньях эфемерных...
Весь этот дамский хор в душе презрев,
средь них совой завыла б я, наверно!
Я не про тех сентиментальных дев.

Но я о тех прекрасных дочерях
народа, не смирявшего в трактирах
бунт крови. Ни орел и ни секира —
ничто народ мой не вводило в страх.
Вольнолюбивый клич — была их лира.
Да, я о непокорных дочерях.

Святись, колодезная чистота имен:
Мария, Анна, Ольга, Соломия!..
Заговорили их уста немые.
Горят, сияют в пламени знамен
все их деянья и слова живые.
Святись, колодезная чистота имен!

ПРИРОДА ЛЮБВИ

Когда мужчина и женщина
идут рядом,
мы думаем: влюбленные,
а вероятней —
один из них разрешает себя любить
и уделяет другому отрезок своей дороги,
чтобы показать: ради любви
он готов на жертвы.

Когда мужчина и женщина
идут рядом,
нам кажется — они чужие,
а вероятней —
один из них наказан гордыней
и свое замеревшее сердце —
эту дрожащую слезинку любви, —
утопая в волнах отчаянья,
пытается спасти соломинками шуток...

А иначе зачем им идти вот так —
порознь и вместе —
по земле, где у каждого —
свои мелкие и большие заботы,
где мало влюбленных,
а озабоченных — множество...

Те, кто любит и впрямь,
летят в небесах
и дарят друг другу
белые цветы облаков.
Любовь простирает над ними
соцветия радуг.
И ничего не видят они,
кроме глаз друг друга.
Солнечные зайчики на земле —
это отблеск
их счастливых сияющих взоров.

И СОН-ТРАВЫ ПУШИСТОЕ ДЫХАНЬЕ...

Весна! Хмельны березы. Сок блестит.
А вот и прутья вербы зацветают,
и хлеборобы сеять начинают —
над черной пашней тонкий пар стоит.

Уже с ольхи просыпалась пыльца —
приятен первым пчелам первый взяток,
набухли почки яблонь, воздух сладок,
подлесок воду пьет из озерца.

А небо! Небо синее спешит
навстречу птицам распахнуть объятья,
к родному небу птицы льнут, как братья,
в глазах от их круженья мельтешит.

Березовая роща — зелена —
торопит распуститься почки сада.
Пришла пора, сажать картошку надо,
уже земля теплом напоена.

Уже спешат в посадки лесники,
орешник зацветает у криницы,
черемухе цветенье только снится,
и саженцы прозрачны и тонки.

Вся в хлопотах над гнездами весна,
ласкает нежно каждую былинку,
как мать свое дитя, —
свою кровинку
и днем и ночью пестует она.

Когда же одуванчики сомкнут
оранжевые зонтики пугливо,
пусть гром ударит радостно, счастливо,
и тучи влагу щедрую прольют!

Весна! Озорничать ее ветрам!
Петь, колобродить жизненосным сокам!
Она подарит мощь речным потокам,
полет — стремленьям нашим и делам.

И в эту пору встрепенется тот,
в чьих волосах засеребрилась осень:

едва окинет взглядом неба просинь —
былой огонь в его глазах блеснет.

Когда всё пробуждается вокруг
и полнится животворящим светом,
как можно грусть в душе таить при этом
и бытию не радоваться, друг?

Смотри, — твержу, — вбирай весну до слёз!
Ты на нее не сможешь наглядеться.
В тот день, когда твое угаснет сердце,
взлетишь дымком над белизной берёз.

Но о тебе напомнят в тишине
и сон-травы пушистое дыханье,
пчелиный гуд и бабочек порханье,
и белоснежность сада по весне...

МУЗЫКА

Не знаю, что случилось,
почему
перехватило грудь такой тоскою,
необъяснимой сердцу и уму?
Исполнен дух волненьем, высотою,
грудная клетка для него — тюрьма,
иль музыка звучит,
иль я сама...

Поэзия! — круженье чудных снов,
восторг, полет,
широких волн раздолье,
и музыки неслышной своеволье,
и сладкая полынь печальных слов...

Но вдруг утихнет вольная волна,
повиснут крылья белые недужно, —
и вот уж в мире я —
как перст одна
и ко всему на свете равнодушна...

КРАСКИ САМАРКАНДА

Сначала я опешила слегка:
мне подарили краски Самарканда.
Вознес он к небу бирюзы бельканто!
Здесь камень с небом спорил все века.

Так Вахш пустыню заклинать бы мог
молитвою — своим теченьем бурным.
И весть плыла над куполом лазурным:
он солнце победил, не пересох.

Майолика казалась голубым
растением, что в поднебесье вьется.
Но с детских лет поныне остается
цвет голубой — излюбленным моим.

И всё ж, смущаясь дерзостью своей,
я не страшусь, что взор мой ослепляешь,
Восток, что горделиво утомляешь
несметной роскошью твоих камней.

Я принесла поклон творцам твоим,
но к именам эмиров — равнодушна.
Люблю твой гений вольный и воздушный,
прельщаясь только мудрым и простым.

И пусть простит мне пышный Регистан
и медресе,
когда из тьмы портала
от золотого льва я удирала,
как молодая лань,
в небесный стан...

ЛЕТНИЙ САД
(Из ленинградских стихов)

1

Там небо потонуло в кронах. Там
меж статуй я брела провинциалкой.
Который год усталый ветер там
сбивает дней листву сухою палкой.

Там, белая, ступала тихо ночь,
и я по светлым улицам ступала
вся в белом... Белая струилась ночь,
и в сердце мне звезда с небес упала.

2

Седая тень рассветного крыла
над набережной медленно летела,
и, вымытая дождиком, блестела
дорога, по которой я брела.
Седая тень рассветного крыла...

Вдоль тридцати шести колонн прошла,
как мимо чуткой молчаливой стражи,
что не ограду представляла даже,
но словно светлой музыкой была.
Вдоль тридцати шести колонн прошла...

Стремилась в небо шпиля вертикаль,
в Неве рассветной золотом сияя.
Мечтала течь Фонтанка голубая
средь парка, что прекрасней, чем Версаль.
Стремилась в небо шпиля вертикаль...

И был уже не летним Летний сад,
он словно бы таил в себе отмщенье
за то, что, ненавидя огражденья,
я возвращалась к лучшей из оград.
И был уже не летним Летний сад...

Вдаль уводила прямизна аллей.
Когда ступала я по влажным плитам,
казалось — больно спать кариатидам;
не знать, что снится им, — еще больней.
Вдаль уводила прямизна аллей...

Что ж, нас часы прощанья не щадят.
Послушные, мои вбирали очи
и этот свет, и эту бледность ночи,
и грустный, еле слышный листопад.
Нет, нас часы прощанья не щадят...

* * *

Устами смерзшимися, белыми от боли
не раз слова горячие скажу,
раскрашу в яркий цвет нелегкость доли
и начисто ее перепишу.

Руками слабыми, наперекор недугу,
гореть заставлю камень на ветру;
в любой беде приду на помощь другу,
с висков своих седую прядь сотру.

И жизнь в ее задумчивости строгой
с улыбкой светлой весело пройду.
Лучиться будет над моей дорогой
моя зима
в сиреневом цвету.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Еще нет слов желанных, но уже
душа полна неясной, светлой грусти,
в ней отразилось небо Беларуси,
и белизна берез плывет в душе.
И песня белорусская плывет
по-над костром меж сумеречных сосен,
и соловейко хор щедроголосый
в лесную чащу, как сябров, зовет.
Молчат мои слова. Я отойду
от круга у костра. Вы мне простите.
Повременю я... Строго не судите:
себя пока никак я не найду.
Повременю... На радость иль печаль?
Но гладкопись так слух мой исказила —
живого леса песенная сила
меня манит в темнеющую даль.
Туда, где синий, словно сон, туман
струится над лесною колыбелью.
Наедине с березой или елью
я встречусь там... Зеленый океан
Полесья сердцем я обнять хочу.
Летит звезда (тут называют: зни́чка),
и я прошу: коснись меня, сестричка,
и говори, покуда я молчу.

* * *

Не думай, что любовь — лишь только взлёт,
что над землею нас несет — крылата.
Сколь ни дари ей серебра и злата —
ждет впереди похмелье и расплата.
О, как тогда бывает горек мёд!..

Тогда полынь целует в сердце нас...
Любовь жестока — говорят в народе.
Прекрасно чувств свободных половодье,
но сколько судеб гибнет в нем подчас!

Заговори сомнения мои!
Не надо пылких слов, я их пугаюсь.
Пред ними я, растерянная, маюсь,
они пьянят, как ночью соловьи.

Как я мудра, когда ты говоришь!
Но замолчишь — и мне уже обидно.
Как я тогда, любимый, беззащитна!
Ты словно мне
молчанием
грозишь...

СОН ВИНОВАТОГО

Она однажды ночью
осторожно
вошла и на краю постели села,
лишь улыбнулась грустно, безнадежно,
но ничего сказать не захотела.

Я на нее, застыв, смотрел несмело,
любые жесты были бы здесь ложны.
Я понимал, что все слова ничтожны,
и, чуть дыша, сидел оцепенело.

Не ты ль — тот самый ручеек певучий,
что поутру мне сладко песни пела?..
Напившись из ручья,
я спрыгнул с кручи.
Я всё забыл...
А ты чего ж хотела?

Зачем пришла? Что между нами было?
Ужель один я, в ком ты обманулась?..

Она привстала, горько усмехнулась...
И больше никогда не приходила.

НЕСЛЫШНАЯ МУЗЫКА

Однажды суматохи посреди
захочет человек остановиться,
на облако взглянуть, не торопиться
и медленно сквозь рощу побрести,
с деревьями там слиться воедино,
забыть свои заботы и кручины,
отдаться незнакомому пути...

Лист пожелтелый медленно кружит,
и нам его бывает жаль, как брата.
Так наши дни уходят без возврата,
и день последний где-то здесь дрожит.

В той спешке, где одни дела, дела,
так не хватает нам живого слова,
прикосновенья искренне-простого,
как только б мать дотронуться могла...

Предстанет мир в огромности своей,
лишь только взглянешь в свод небес
бездонный.
Вечерний луч на миг подсветит кроны —
увидишь ты свечение ветвей.

В сад забредет печальный человек —
вы незаметно стороной пройдите,
усталости его не бередите,
пускай спадет она с тяжелых век.

Легко его задумчивость в тиши
спугнуть при встрече возгласом напрасным.
О, как зыбка и как она прекрасна —
неслышимая музыка души!..

ЭЛЕГИЯ ОСЕННЕЙ ТРОПЫ

Казалось бы, не может проще быть:
ты понимаешь вдруг, что стал не нужен,
кому, как солнцу, был всегда послушен,
единственному, кем хотел бы жить.

Входя в увядший, облетевший сад,
с усталой грустью ты глядишь на осень,
там листья жгут и ветер их разносит,
и этот дым тебе туманит взгляд.

А на тропе опавших листьев медь
тебя всё дальше и всё дальше манит,
их шелест мертвый душу не изранит,
и ты о них не в силах сожалеть.

А в сердце желтый паводок разлит
среди молчанья сада золотого;
одно желанье сердце бередит:
лишь только бы
е г о
увидеть снова...

* * *

Собратья, современные поэты!
Ваш стих потомкам донесет сполна
родной эпохи точные приметы.
Но где любимых ваших имена?

Известны всем Лаура, Беатриче,
пусть не блистали красотой они,
их лиц простых неяркое отличье,
воспетое, проникло в наши дни.

Сумел художник в щедрости сердечной
неяркость их восполнить без труда,
запечатлев мгновенье страсти вечной
и свет улыбки нежной — навсегда.

Тебе дано, творец, на этом свете
посредством слова, звука иль мазка
единственную в мире обессмертить,
придуманную пусть, но — на века.

* * *

Что такое личное счастье?
Твое отражение
в любимых глазах?
Постоянная близость любимого голоса?
Власть слов, которых ждешь,
именно этих,
а не иных?

Тот, кто это имеет,
возможно, задумывается:
что же дальше?
В конце концов,
разве можно питаться
одним лишь медом?!

...И то правда.

ТРАМВАЙ ПОЭТОВ

В Европе теперь пишут верлибром,
а ты поспешно рифмуешь,
словно вскочил в последний трамвай, —
успел-таки уцепиться! —
рифмуешь: «руки» — «ноги».

Дышать тяжело — столько набилось поэтов.
Путь их далек, и нет свободных мест.
Висишь на подножке —
и раскачивают твою популярность
пятистопные ямбы колес...
(Не забыть срифмовать: «гений»
и «трамвайная линия»).

Еле держишься на подножке:
левая нога — на правом ботинке,
в таком положении лучше выходят сонеты
классические, а проще — белые...
(Куда же ты, бабушка, с венком лука?
Чуть не испортила транспорт!)
В последнее время как раз мода на венки сонетов...

Стоишь на подножке.
И что это никто не выходит?
К черту нашего брата!
Гул такой, что не расслышать голосов...
Если так, то можно стоя сочинить хокку, —
в Сумах эта форма приобрела местный характер.

Дышать тяжело.
Оно, конечно, можно и пешком,
но когда ж доберешься,
да и куда идти — неизвестно...

Висишь на подножке.
Многие лица — знакомы.
Удобно. Не дует.
И неприятности тебя не достают...

Что там объявляет кондуктор?
— Граждане поэты!
Конечная!.. —
А маршрут кольцевой.

Висишь на подножке.
Почему никто не выходит?

Ну что ж, поехали дальше...

НОЧЬ. ГРОЗА НАД МОРЕМ

Тревожно в воздухе.
Прибоя шум
все ширится и давит в грудь толчками.
Живая тьма со всех сторон волнами
вторгается в теченье тихих дум.

Я думала — на море шторм...
Окно
казалось мне душой незащищенной.
Как сердце гулко бьется: вот оно!
Шторм? Иль бессонный стих Галактиона?

Поэзии бурлящие валы
иль моря неизбывное движенье?

Иль свет слепящий выхватил из мглы
тревожный миг ночного мельтешенья?

Когда б не ждал меня родной порог,
Кавказ мне домом сделался бы вскоре!
Да, гор кавказских каменный поток
проходит сквозь меня, впадая в море...

Вот вдалеке огромный кипарис
возник из тьмы, недвижим точно камень.
Но вновь блеснул зловещий синий пламень —
и пальма в страхе ветви клонит вниз.

Где кисть,
что чертит полосы огня
на набесах, дразня воображенье?
О Грузия! Яви преображенье
в очах пугливых птиц,
в сиянье дня!

Как барс, что притаился до поры,
пусть усмирится гневная стихия!

...Тряхнуло горы! —
В трещины глухие
рванулось море!
Гром...
Тартарары!

* * *

Бессмертие лозы и тополей
бесспорнее, когда кругом руины.
Сквозь пепелища черные видней
и корни Грузии, и корни Украины.

Батыя орды, словно черный смерч,
и всех времен минувших Тамерланы
несли грузинам разоренье, смерть,
Руси — незаживающие раны.

Но закалялись копья и мечи
славян, крепчал булат картвелов,

под плачи вдов в томительной ночи
мужал в нас гордый дух и сила зрела.

С Октябрьским ветром ты, Кавказ, воскрес,
но в ледниках твоих могил немало.
С твоих вершин был сброшен «Эдельвейс»,
вновь наше братство славу здесь снискало.

О чаша виноградного вина!
О солнце Картли*!
Снежных гор вершины!
Одна судьба у нас.
Земля — одна!
В ней корни Грузии и корни Украины.

СУДЬБА

Ни времени полет, ни города,
любовь моя, наш не изменят выбор,
тревожный сон, что нам с тобою выпал,
теперь уж не прервется никогда.

С тобою ночью звездной говорю
и говорю в лучах дневного света,
ни в чем, ничем тебя не укорю,
пусть даже ты забудешь имя это.

Что имя? — лишь пустой, холодный звук.
Но то, что отзовется сладкой болью
в твоей душе, несбывшейся любовью, —
всё от меня. Не разомкну я рук.

Дыхание твое, пока земля
еще летает по своей орбите,
воспоминаний радостных обитель,
мечтаний круговерть — всё это я.

Ни верность сохранить, ни изменить
не можешь той, что родилась твоею...
Немыслимо любить тебя сильнее,
тебя приблизить или отвратить.

---

* Ка́ртли — имя Грузии.

ДЕВЯТОЕ МАЯ

Недвижен воздух этой ночью мая,
и, ни одним листком не шелестя,
стоят деревья. Сладко засыпая,
всё смолкло после теплого дождя.

Пригнулись под тяжелой влагой вишни,
трава молчит, звезда дрожит во мгле,
весь мир наполнен майской нежной тишью,
и снится лето молодой земле.

Фонарь сияет над плакучей ивой,
ее густые косы — зелены...
Спят женщины спокойно и счастливо,
успевшие
отвыкнуть
от войны.

* * *

Знала бы, что срок мой вышел,
что живу я день последний,
я б тебя, душа, спросила:
что любила ты превыше
остального? Не стихи ли?
Мать? Ребенка? Или мужа?
Голос мой долго молчал бы.
Взгляд же ответил бы:
Ж И З Н Ь!
Знала бы, что срок мой вышел, —
оглянулась бы, вздохнула
я вослед своим ошибкам
и спросила: если б снова
эту жизнь прожить случилось, —
путь бы свой прошла иначе?
Радостно вспыхнул бы разум!
Сердце бы молвило:
нет.

Был бы этот день последним —
устыдилась бы, что правде
верность не всегда хранила;
что любовь была обманом

нереальным и прекрасным,
точно смерть, неповторимым;
что, страданьем упиваясь,
радость красть мне приходилось;

повинилась бы за то, что
разбазарила слова я
понапрасну, хоть и знала
больше, чем в стихах сказала,
чем дала услышать людям...

1986, М., «Сов. писатель», «Пора любви»

Петро МАХ
С украинского

ГОРДОСТЬ

Мне не надо лучшей доли
От стремительного века:
Мне довольно ветра в поле,
На висках довольно снега.

И сочувствия не надо,
Будет правды в нем немного.
В жизни мне одна награда:
К милой родине дорога.

* * *

У края пшеничного поля
устало стою.
На кромке несжатой
комбайны объяла дремота.
Забыл жаворóнок
высокую песню свою.
Дожди навалились,
и замерла в поле работа.
Печаль отразилась
на лицах от этой страды.
Я в небо кричу
в этот день неуемно-дождливый:
«О солнце, спаси
хлебопашеский труд от беды

И сжалься над нашей
кормилицей вечной —
над нивой!»
У края пшеничного поля
устало стою...

СУББОТНИК

Мой старый дом похорошел, подрос,
Расправил плечи, посветлел глазами.
Он гордо к небу голову вознес,
Как редкостная рифма над строками.

Какая стройность, силуэт какой!
В орнаменте каштанового цвета
Дохнуло в окна пламенной струей
Лето.

Бегут ли шумно с речки пацаны,
Пройдет ли кто вблизи иль в отдаленье —
Все, красотой его поражены,
На этот дом взирают с удивленьем.

И сразу стало в городе светло,
Подъемный кран сверкает, как ракета.
Смотрите: сердца дома расцвело,
Как расцветает слово у поэта.

ИДУ Я В ТУМАНЫ...

Вновь я в туманы, в туманы иду,
Может, сыновью тропинку найду...

Не отзывается сын мой вдали
Из-под седой, опаленной земли.

Видишь, сестрица, в далеком краю
Я в неизбывной скорби стою.

Где он, цветы? Вы забыть не должны
О сыновьях, не пришедших с войны.

Вновь я в туманы, в туманы иду,
Может, сыновью тропинку найду.

У КАЖДОГО ПОРОГ РОДИМЫЙ ЕСТЬ

Повернутые к Западу лицом,
Расхристанные, нервные поэты,
Гонясь за славою, в краю чужом
Найти стремятся острые сюжеты.

Их слух ласкает лишь чужая песнь,
На чуждый мир они глядят влюбленно,
Хотя у всех порог родимый есть —
Там светел пруд от красных листьев клёна.

Из чьих ветвей сплели им колыбель —
Темнеет ива над речной осокой,
Душе милей услышать здесь свирель
И голос Соловьяненко высокий.

Ведь с юных лет запали им в глаза
Не эти страсти джинсовой погони,
А материнских вышивок роса
И теплые отцовские ладони...

Но разлетелись по иным краям
Они и песнь родную позабыли.
И всё ж поэт себя найдет лишь там,
Где отчих мест преданья не остыли.

ВЕЧЕР

Я любуюсь дорогою сына счастливой —
И в вечерней тиши вспоминается мне:
Материнская песня взлетает над нивой,
И бежит мое детство в закатном огне.
На соседском крыльце костыли приютились,
Над рекою висит угасающий зной...
О, как долго потом,
О, как часто мне снились,
Снились руки отца над моей головой!
Пусть тропинки тех лет зарастают крапивой,
Всё же памяти свет золотится в окне:
Материнская песня взлетает над нивой,
И бежит мое детство в закатном огне...

КТО-ТО ВЕТКОЙ ТРОПИНКИ КОСНЕТСЯ

Кто-то веткой тропинки коснется,
Убегающей в темную хвою...
В жгучей памяти юность очнется,
В грозный год уводя за собою:
Глухарем прокричит что есть мочи,
Буреломы лесные отыщет,
Где землянок бессонные ночи
Ей единственным были жилищем,
Где густая трава у болота
Вражьей нечисти мщеньем грозилась...
Юность, юность, она для кого-то
Здесь под каждым кустом притаилась.
Кто-то веткой тропинки коснется
С грустью давней, далекой тревогой...
И легенда в душе отзовется,
Проходящая этой дорогой.

* * *

Я день и ночь иду от слова к слову,
Как от цветка к цветку летит пчела.
Как знать: какому я послушен зову
И что это за страсть в меня вошла?

Но если я ступлю, другим в угоду,
На легкий путь, придя к чужим словам,
То я погибну, как пчела без меду,
Что зря летит к обобранным цветам.

* * *

Слезит глаза белесый дым с полей,
Еще землей владеет полудрема.
Но пашня всею чернотой своей
Открылась небесам до окоема.

По борозде как сеятель иду,
Дышу холодным воздухом раздолья,
Как зерна, мысль бросаю в борозду —
Пусть в ней созреет новый образ поля.

ЭТЮД

Преодолев болото и овраг,
Тропа упрямо бег свой продолжала,
Прошла сквозь тихий и густой сосняк
И среди волн пшеницы пробежала...

Как вдруг ее бетонная родня
Ей наступила на босые ноги...
И на краю грохочущей дороги
Она лежит в пыли средь бела дня...

ВЫЛЕТАЛИ ОРЛЫ

Эй, задумчивый ветер, цвет калины качая,
Разнеси по дорогам быль о грозной поре:
Чтоб врагу отомстить, из полесского края
Вылетали орлы на заре.

Там, где искры пожаров тихо падали в воды,
Все в слезах матерей травы здешних полян,
И к священным могилам вот уж многие годы
Ходит белый, как снег, партизан...

Расступаются сосны. Становится тише
Шум вечерних берез в золотистой пыли,
Чтобы говор дубрав партизанских был слышен
В гордой славе этой земли.

* * *

Дарует жизнь любовь людская...
Мать лишь мечтала обо мне,
Когда отец в ее окне
Открыл на счастье даль без края.

Дарует жизнь любовь людская...
Когда учился я ходить —
Мать завещала добрым быть,
По жизненной стезе ступая...

Дарует жизнь любовь людская...
Вот я покинул дом родной —

Березы плыли за спиной,
Как лебедей весенних стая.

Дарует жизнь любовь людская...
Я в сердце берегу с тех лет
Березы, неба синий цвет,
Чтоб сын мой знал об отчем крае.
Дарует жизнь любовь людская...

* * *

У тунеядца день — как выходной,
И самый ближний путь — до магазина.
Уже с утра торчит он у пивной.
Что праздники, что будни — всё едино.
А кто-то про покой забыл в тайге,
Вершится путь стальной его руками.
Но этот под хмельком на холодке
Гнёт анекдот о рельсах и о БАМе.
И смотрит глупо: разве не смешно?
Восторг труда такому и не снился.
Ему понять, конечно, мудрено
Всех тех, кто в наши песни воплотился.

ГОДЫ

Как засидевшиеся гости,
Уходят годы за порог...
Я распрощался с ними просто,
Я для себя их не берег.
Они спешат в жилище сына —
Пусть холодней день ото дня.
Его грядущих лет вершина
Сияет в сердце у меня.
Когда ж засыплет темным снегом
И мой последний перевал —
Доскажет сын, идущий следом,
Всё то, что я не досказал.

ВОРÓХТА

Ярославу Дутчаку

I

Давай припомним всё сначала,
Представим берег, где сосна
Нас у подножья гор встречала
И освещала путь луна...
Как я стоял на камне темном
И слушал
Плеск воды ночной
И как в порыве неуемном
Меня увлек ты за собой.
В прохладной мгле купалось лето...
И всё мне кажется с тех пор,
Что в шелесте сосновых веток
Таится приближенье гор...

II

Был крутым первый мой перевал,
Здесь другого не надо подспорья:
Как хозяин,
Ты мне открывал
Заповедные тропы межгорья.
А Маричка, дитя полонин,
Поутру молоком нас поила,
Чтоб вошла среди этих вершин
В наши мускулы юная сила.
И слепили глаза мне до слёз
Шапки снега в сияющей сини...
Я зеленым Карпатам принес
В сердце тихую нежность Волыни.

III

Да, в твою прекрасную Ворóхту
Не напрасно я спешил, мой друг.
Говорить о ней часами мог ты,
И теперь я здесь.
Гляжу вокруг...
Вот пастушье лепится жилище,

Близ него я вижу горных коз,
Вон орел себе добычу ищет,
Опускаясь резко на утес.
И река, бурлящая в стремнине,
И небес ликующий простор!..
Только я душою — на Волыни,
Где темнеют сосны у озер...

IV

Устали мы. На склоне дня
Ушло светило за вершину.
Мой друг к костру позвал меня,
Когда спустились мы в долину.
Твоя сноровка, друг мой, где ж?
Ведь обещал мне перед сном ты
Неописуемый кулеш
Состряпать быстренько, экспромтом...
Мы оба выбились из сил,
Но странно было видеть, право:
Лишь только я заговорил,
Как вдруг не стало Ярослава...

V

Друг ты мой, мне постель не стели.
Этой ночью мне что-то не спится.
Песня слышится где-то вдали,
В горной речке луна серебрится.
И пастух в эту ночь не заснул,
И Маричка поет молодая...
Пусть расскажет мне старый гуцул
Сказку этого дивного края.
И когда в заколдованной мгле
Стихнут звуки, задремлют Карпаты,
Я вернусь к неизбывной земле,
Где мерцают волынские хаты.
И склонюсь я над Свитязью вновь,
Чтоб озерной водой освежиться.
Здесь мои и печаль, и любовь...
И пускай мне Ворóхта приснится!

ОТВЕТ ДАЛЕКОМУ АДРЕСАТУ

Ты пишешь: нам природа лучший друг
И что бороться с нею мало проку.
Но, как ни странно, колорадский жук
Завоевал однажды всю Европу.

Ты говоришь, что наша жизнь — баланс
Добра и зла — и ни к чему подтексты!
Но для чего нацелены на нас
Крылатые ракеты и «эмэксы»?

Ты не втолкуешь мне, что человек
Укрыться сможет от нейтронной смерти.
И никакой не вынесет ковчег
Нас из безумной этой круговерти.

С лица земли должны мы зло стереть,
Чтоб ей избегнуть участи жестокой.
Нет, безучастно нам нельзя смотреть
На этот мир, охваченный тревогой.

В НОЧНОМ ЛЕСУ

Наш авто летит сквозь лес ночной
В череде чудесных изменений,
И пронзают фары мрак лесной,
Раздвигая сказочные тени.

А поляна, меж дерев скользя,
Прячется в густые сосен лапы...
И снимают клены, как друзья,
Перед нами золотые шляпы.

ГОРОДУ ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО

В твоей душе столетий дух не вымер,
Ей мелочная выспренность чужда.
Ты носишь имя гордое —
Владимир,
И в рабстве
не бывал ты
никогда.

И неприступность
стен твоих высоких
Бросала в дрожь татарских дикарей,
А воины в горниле битв жестоких
Прославились
перед Европой всей.
Внизу всё так же
Луга протекает,
Венчает город
оборонный вал.
А солнце людям
новый день рождает,
В нем слышен будней трудовых хорал...
Умножь
свершений яркие страницы,
Победным боем
в сердце проникай!
Своей
тысячелетнею денницей
Отчизны милой
небо озаряй...

КНИГА

Как отрадно на душе бывает,
Если чья-то книга, как боец,
Стойкий дух мещанства изживает
Из людских заржавленных сердец.

Но гляжу я с горьким сожаленьем,
Если книга молча в шкаф легла,
Чтобы стать никчемным украшеньем,
Рук людских не испытав тепла.

ПОИСК

Ирине Вильде

Лишь весна сверкнула первой зеленью,
А пчела уж в поисках цветов.
Как понять ее, такую смелую,
У кого, скажите, нрав таков:

То любить, о чем душе мечтается,
То искать, что не найти нигде?
...Верба тихо к плесу наклоняется,
Поле в марте бредит о дожде.
Сбросив тяжесть ледяного бремени,
Вновь очнулся луг от немоты.
Разве странно то, что раньше времени
И пчеле пригрезились цветы?..

МОЙ КОСМОДРОМ

Я на родной земле не пилигрим
И не турист с поклажей впечатлений.
Я из нее расту, антенны рифм
Не отводя от всех мирских волнений.

Когда селом иль городом иду —
В обломках я ищу родное слово.
Себе на плечи связки дум кладу,
Что, будто камни, давят стопудово,

Об отчем крае помню каждый миг,
Меня судьба навеки с ним связует.
Мой космодром — среди людей простых,
Отсюда к солнцу мысль моя стартует.

* * *

Опадают листья, опадают дни,
Озарают ночи сполохов огни.
Только нам с тобою, как весной, тепло
И сулит удачу сильное крыло...

Опадают листья, опадают дни...
Видишь, сын вернулся, вновь мы не одни.
Может, в чьем-то доме и ему тепло
И готовит счастье сильное крыло.

ЗОЗУЛЯ

На крыльце перед рассветом
Мама зоревала.
Словно добрую примету,
Птицу вышивала.

На одно крыло узоры
Нежно положила,
На другом — смежила взоры,
Голову склонила...

Еще солнышко в долине
Рос не собирало,
А зозуля на калине
Лето зазывала.

ВИШНЯ

Вишня молодая
К роднику пришла.
Вся в цветенье мая,
Как вода — светла.

Друг ее счастливый,
Где ж ты, соловей?
Над широкой нивой
Ты забыл о ней.

Только издалека
Аисты плывут,
Озорной свой клекот
На поля несут.

ЗВЁЗДЫ В ТЕМНОМ ПРУДУ СОБЕРИ

Звёзды в темном пруду собери,
Из росинок сорочку мне вышей.
Я хотел бы до самой зари
Переливчивый голос твой слышать.

Приютят нас ночные поля,
Где цветы обнялись, засыпая,

И тепло, что нам дарит земля,
Ты храни, прямо в сердце вбирая.

И твоих шелковистых волос
В эту ночь подари мне касанье,
Чтобы в утреннем слове зажглось
Солнценосной росинки сиянье.

* * *

А вербы в эту тягостную ночь
Склонились, словно вдовы, над водою...
Из камышей умчался ветер прочь,
Оставив их обломки за собою.

Подсолнухи, что в поле расцвели,
К земле понуро головы склонили...
Морщины скорби на лицо легли,
Чело мое они избороздили.

* * *

Как часто ночью с косовицы
Я возвращался по стерне,
И, одинока, светлолица,
Всегда звезда светила мне.

Но вот зарница молодая
Однажды вспыхнула на миг.
Роса блеснула золотая
В густой траве у ног моих.

Забыв о жажде нестерпимой
И об усталости своей,
Услышал я напев любимый
В последнем шелесте полей.

Идти мне сразу легче стало,
Ночная спала духота.
В небесной мгле звезда сияла
И близкой виделась мечта.

ВОСПОМИНАНИЕ ВО ЛЬВОВЕ

Над готикой проносятся года.
И улицы узки у автострады —
В убранстве новом показаться рады
Там, где асфальт сверкает, как вода...

Я на Высоком Замке, как Атлант,
Стою и небо взглядом подпираю,
А сердце в голубом озерном крае
Поет капелле белых лилий в лад.

* * *

До свидания, темная ночка!
Спрячься в мягкой отаве опять.
А звезда будет тихо сиять
Поутру в изголовье сыночка...
До свидания, добрая ночка!

ПЧЕЛЫ

1

Из ульев сегодняшним утром
На землю посыпались трутни...
На пасеке гул разрастался,
Слепящее солнце
Вставало,
Безоблачный день зарождался...
Я вышел, как часто бывало,
Из дома еще до рассвета,
Чтоб ранняя музыка лета
Любовью меня наполняла...

2

Поле нам цветы подносит,
Пчелы — улей меда,
В травах утренние росы
Дарит нам природа.
Вся земля
Полна цветеньем,

И река искрится.
Будит нас веселым пеньем
За окном синица.

Набирает силу колос —
Будет много хлеба.
И победный солнца голос
Звонко льется с неба!

3

...Но иссякла вдруг у матки
Жизненная сила,
И для трутней в сотах сладких
Гибель наступила.
Пчелы, бабочки, стрекозы
Вьются над полями.
А из ульев, точно слезы,
Мед течет ручьями...

4

Я наслушался птичьего пенья,
Надышался я запахом меда,
Видел я,
Как стремительной тенью
Мчался ветер по зарослям глода.
Прокричала в тени чернобылья
Кем-то спугнутая перепелка...
И, казалось, уже позабыл я
О тебе, легкокрылая пчелка.
Ты звала меня вдаль за собою,
Где пестрели цветы луговые,
И звенели высокой струною
Где-то крылья твои золотые.
На прибой самолетного шума
Я отвлекся в тот миг с неохотой...
Но когда
О тебе я подумал,
То увидел тебя за работой.
Всякий раз ты мне в душу вливаешь
Доброту бескорыстную эту,
И от скольких недугов спасаешь
Ты, как маленький ангел, планету!

5

Над остывшем ульем пчелы
Вьются темным роем,
Слился гул их невеселый
С полудневным зноем.
Им, наверно, слишком трудно
Улей свой оставить,
А безжизненные трутни
Сыплются на гравий...
Но не стану горевать я —
Мир природы вечен,
И в свою семью собратья
Примут пчел под вечер.

6

И снова я в рассветный час
На луг иду по росам,
Цветов, насколько видит глаз,
Не только пчелам он припас,
Но и шмелям и осам.
Вдали мелькают косари.
Вода в реке сверкает.
И щеки первый луч зари,
Как девушка, ласкает...

КОЛОСЬЯ

Дума о детях войны

1. Запев

К берегам человеческой памяти
Прилетают далекие ветры.
И не гаснут костры на пожарищах,
Где народная скорбь не иссякла.
Чьи глаза в пепелищах повытекли —
За кострами стоят как живые.
И за нами следят нескончаемо
Души эти, что звездами стали.

2. Крынка молока

В Лидице Иржи спешил,
Где умирала старушка.

В крынке он нес молоко,
Веря в ее исцеленье.
Свора двуногих зверей
Встретила мальчика в поле.
Бешеным лаем собак
Их автоматы строчили.
Иржи смотрел на село,
Скрытое облаком дыма.
Выстрелы, крики, огонь
Долго пред ним не стихали.
Дым застилал горизонт,
Пули летели, как осы.
Нехотя и тяжело
Облако плыло на запад.
Вдруг, как огромный валун,
Рухнуло облако с неба.
...Все еще Иржи идет
В Лидице с крынкой надежды.

3. Струна

Была у Жана скрипка,
Быть может, Страдивари,
Как часто в Орадуре
Ее слыхали пенье.
И солнечные звуки
Рождались на концертах...
Нацисты заявились
И мальчика забрали.
«Теперь играй, — сказали, —
На площади безлюдной!»
Запела скрипка тихо
О Франции печальной.
Но вдруг в рассветном небе
Проснулась «Марсельеза» —
И содрогнулись клёнов
Обугленные плечи.
И рассмеялся мальчик
Над смертью в ту минуту,
Когда кричала скрипка
Оборванной струною...

4. Колокола Янки

Янку вели на расстрел на рассвете...
Пепел висел над селом.
Сто сорок девять сердец клокотало:
«Мы не сдались палачам!
В храме сожгли нас, и с нами горели
Светлые лики святых.
Пусть не смолкает, Иосиф Каминский,
Звон колокольный по нас!»
К вечеру взяли село партизаны.
Это их Янка привел.
Вылилась в звон колокольный Хатыни
Всей Белоруссии скорбь.

5. Картелисы

...К вечеру не стало поселка. Сердца трех тысяч расстрелянных и заживо сожженных людей в Картелисах превратились в седые крылья Баллады гнева. Казалось, вымерла вся земля. Звучал только один живой аккорд — возле церкви стоял обожженный дуб:

«Молодым я был,
я зеленым был,
Засыпал под свист
соловьиный.
А теперь мне весь белый свет
постыл,
Крик ворон стоит
над долиной...»

А за чертой
сгоревшего поселка,
Когда уже пальба жестокая
умолкла,
Испуганный малыш
в тени родимой хаты
С котенком на руках
стоял, к стене прижатый.
Не пожалел фашист
трехлетнего ребенка
И, застрелив его,
дал очередь в котенка...

Картелисская трагедия — полесский речитатив в Реквиеме поруганной войной земли. Я всё помню.

6. Сонгми

Стоял, как колосок
на вытоптанном поле,
Десятилетний Ли
пред лейтенантом Колли.
«В мою сестренку, —
он сказал, —
стрелять не нужно,
Ей нет еще шести,
она держать оружье
Не может,
и ее
ты убивать не смеешь...»
«Ах, гном,
но разве ты
оружием владеешь?»
«Врагов своей земли
карал я, иностранец».
Понять же этих слов
не мог американец.
Он напрочь позабыл,
чему учили в школе.
Не дрогнула рука
у лейтенанта Колли.
...А мир не спал.

ОШИБКА ПОСЕЙДОНА

ПОЭМА

Памяти моей матери
Анастасии Дмитриевны

1. Посвящение

Неугасимый луч пролег
От сердца твоего, родная,
Над крутизной моих дорог,
На долгий путь благословляя.

Я вновь твой мягкий взгляд ловлю,
В нем доброты твоей безбрежность.
И с юным трепетом люблю
Души твоей тепло и нежность.
И знаю: слышишь голос мой
В задумчивом шуршанье поля,
Там, где колышет ветр ночной
Свои пшеничные раздолья.
Я помню давний твой завет,
Его всегда хранил я строго:
«Сынок, ты встретишь правды свет
На трудных жизненных дорогах».
И, как от солнца, луч пролег
От сердца твоего, родная,
К исходу тех моих дорог,
Всю горечь их превозмогая.

2. Посейдон и мудрец

Здесь гул и рев морских пучин
Угрюм и страшен был для многих.
Давным-давно мудрец один
Тут жил, стремлений полн высоких.
Он не жестокость, как Нерон,
Не фарисейство прописное,
Не обворованный закон,
А бескорыстие благое
Внушал, почти как высший глас,
Тому, кто с ним в пути встречался,
Чтоб чистой совести запас
В людских сердцах не истощался.
Так по земле своей ходил
Мудрец, не знающий покою,
И в каждый дом он мир вносил,
Печали — забирал с собою.
И кланялись ему цветы,
Пред ним деревья расступались,
И, зная силу доброты,
При встрече люди улыбались.
Пришел однажды к морю он
И отдал множество поклонов,
И видит: старый Посейдон
В сосуд запрятал скорпионов.
— Зачем? — спросил его мудрец, —

Что за невиданное действо? —
И был ответ: — Хоть наконец
Избавлюсь я от их семейства.
Дай срок, я изведу их всех.
Нет отвратительней созданья!
И плодовиты, как на грех...
За что такое наказанье?
— Прости, владыка всех морей,
Но вряд ли где еще найдутся
Уроды гаже и страшней...
Смотри, они уже грызутся!
С какою злобою они
Друг в дружку впились мертвой хваткой!
Кто отличится в наши дни
Такой жестокою повадкой?
Когда-нибудь наверняка
Их злоба выйдет на свободу...
— Ну что ж, посмотрим, а пока
Пускай и мне, и вам в угоду
На дне, в сосуде, посидят —
Быть может, поубавят яда,
А нет — так пусть себя съедят,
Мне этой нечисти не надо!
На глубине и на мели
Они мне сердце иссушили
И, подлые, всё, что могли,
В подводном царстве отравили.
Но если изведу я их,
То сразу силы мне прибудет,
Избыток всех богатств морских
Вновь от меня получат люди, —
Сказал и скрылся Посейдон
В своем зеленопенном храме...
Молчит мудрец, и видит он,
Как море бьет сосуд о камень,
Как выползают, смерть суля,
Темно-коричневые гады...
С тех пор не ведала земля
Во все века от них пощады.

3. Исповедь

Пропал мудрец, и с ним от нас
Легенду тьма веков сокрыла...

О мама, этот мой рассказ
Мне очень грустно вспомнить было.
Он не случайно жил во мне:
Я видел горькие событья.
И всякий раз, когда во сне
Приходишь ты, хочу спросить я:
Быть может, в чем-то грешен я?
Кто был обижен мною, чтобы
Мне в жизни не было житья
От разной подлости и злобы?
И что за боль до сей поры
Еще мне сердце иссушает?..
Те, что коварны и хитры,
В своей зловредности не знают,
Как ты огнем любви всегда
Мне освещала путь беззвездный,
Чтоб я не сгинул без следа
В сплошном дыму годины грозной.
А рядом по земле ползла
Темно-коричневая нечисть...
Но как меня ты берегла
От неизбежной этой встречи!
И посреди печалей всех
Ждала, не зная дня желанней,
Когда забрезжит детский смех,
Как солнце в утреннем тумане...

* * *

Пишу я письма в неизвестность,
Взываю к совести людской.
А за окном на всю окрестность
Прибой грохочет городской...
Но только вспомню я об отчих
Местах — глаза слезит туман...
Пишу от имени рабочих,
Пишу от имени крестьян
И тех, чья гордая ученость
На горьком хлебе возросла,
Кого талант и увлеченность
Зовут на добрые дела.
Пишу я письма в день грядущий
Моей незыблемой земли,
Чтоб людям в той дали цветущей
Был виден путь, что мы прошли.

* * *

Батька домой возвращался
И у крыльца своего
Он — молодой — повстречался
С пулей, настигшей его.
Обнял он, руки раскинув,
Землю в последний свой час...
Звезды померкли, остынув.
Месяц над полем погас.
Вскрикнула мать на пороге:
Батька в кровавой пыли
Тихо лежит на дороге
За убежденья свои...
Мать — как подбитая птица.
Кружит над ней воронье...
Так и пришлось мне родиться
С горькой печалью ее.

4. Над речкой Тёнвой

Тенвы синее стекло
Льется меж листвы густой.
Где-то там мое село
Над небыстрою водой...
Мать с рассвета — на ногах.
Я болею. Мне пять лет.
Не иссяк в ее глазах
Давний тот печальный свет...
Сколько ты смогла снести —
Через годы вижу я.
...«Пусть тебя, сынок, в пути
Не страшит слеза моя.
Пусть я выплачу сама
Эти слезы за двоих...»
Мама, из того письма
Не забыть мне слов твоих.
Тенва — синее стекло.
Годы, мама, не вернешь.
Где-то здесь мое село,
Вижу: бродом ты идешь...

* * *

Ты мне открылась, Украина,
Из чистой песни «Кобзаря»,

Она потом весь путь мой длинный
Дарила светом, как заря.
Мне говорила мать, что словом
Родным я должен дорожить,
Мечтали мы о мире новом,
Где мой отец хотел пожить,
О днях, когда мечта Шевченко
В краю днепровском расцветет...
А рядом ветер выл за стенкой
И дождь шумел ночь напролет.
Я не был каплей, что случайно
Летит во тьму среди дождя...
Смотри: ведь жизнь моя не тайна,
Я верно шел к тебе, Украйна,
Свой путь на ощупь находя.

* * *

Эфиром госпиталь пропах,
В палатах — запах формалина.
На койках бледные, как смерть,
Лежат полуживые люди.
И я, больной, лежу в бреду,
А мать дежурит у постели,
И день и ночь не отходя
(Как мне сестра потом сказала).
Годами дни казались ей.
Она в тревоге безутешной
Боялась даже задремать,
Горячий лоб мой охлаждая.
Когда я приходил в себя —
В ее глазах блестели слезы...
Но слышалась уже вдали
Боев жестоких канонада,
И здесь, у раненых солдат,
Суровей становились лица...
«Сынок, не бойся, я с тобой, —
Мне у постели мать шептала, —
Смотри, тебе я принесла
«Кобзарь», он так любим тобою...»
С каким блаженством я листал
Страницы той бесценной книги!
И еле слышно вслух читал
Бойцам притихшим «Катерину».
И раненые чуть дыша

Приподнимались на постелях,
Глаза их прояснялись вдруг,
На время боль их покидала.
И кто-то спрашивал: «О чем
Читает этот мальчик?» Сестры
Тихонько плакали в углу,
И мама крепко прижимала
Меня к себе. И видел я,
Как разношерстная палата
Вдруг начинала понимать
И чувствовать Шевченко музу —
Никто не задавал вопросов...

* * *

Я помню грохот, стоны, крики,
Чужую речь и лай собак
И трех немецких офицеров,
На их фуражках — черепа...
Выводят наших из палаты,
Толкают яростно в фургон...
И молодая санитарка,
Сказав, что я братишка ей,
Меня в холодную кладовку
Сажает до́ ночи, а там
Темно, мышиный писк и жутко...
И все же надобно терпеть.
Потом она расскажет маме,
За мною прибежавшей тайно,
Что приходили скорпионы
И как я был от них спасен...
Никто не знал, что в это время
За городом в лесном овраге
Мои соседи по палате
Покой навеки обрели.
А в госпитале были немцы,
Те, что стремились на Восток,
И здесь гноящиеся раны
Зализывали день и ночь...

* * *

Старуха зна́харка потом
Мою болезнь заговорила,
Доныне ароматы трав
Мне ворожбу напоминают...

Те заповедные слова
Она шептала над отваром.
И строчки первые стихов
Тогда в душе моей рождались.
Теперь я вспоминаю их
Как нечто сердцу дорогое,
Быть может, в чарах сон-травы
Услышал я звучанье лиры:

«Гони челнок моей мечты
Мысль беспокойная, как ветер,
К тем берегам, где нет беды,
Где тишина меня приветит.
Сойду на берег, упаду
В траву, увижу над собою
Дневную синюю звезду,
Манящую меня судьбою,
Той, что когда-то выбрал Ной...
О нет! Гони обратно, в море,
Верни мне, ветер, край родной,
Где по земле разлито горе...»

«Бесстрашная девушка, где ж ты?
В каком затерялась краю?
Во мне не угасли надежды
Увидеть улыбку твою.
И только боюсь я, что в душном
Кольце осквернённой земли
Твою беззащитную душу
Военные ветры сожгли...»

5. Возрождение

Я помню, как утром осенним
Встречали мы наших солдат.
Охвачены общим волненьем,
Стояли и мама, и брат.
Смеясь, на ходу обнимали
Бойцы, как родного, меня.
Знамена на крышах пылали,
И пыльная танков броня
Гремела по улицам нашим...
Мне бросил пилотку боец.

И тут я увидел, как пляшет
На танке мой брат-молодец!

Канонада на Запад ушла.
По весне собрались мы в дорогу.
После долгих дождей и тепла
Зеленя поднялись понемногу.
Мы решили уехать на Буг —
Там земля из огня возрождалась.
После стольких скитаний и мук
Нам о радости близкой мечталось...

Небо по-прежнему сине.
Кра́я не видно полям.
Силы свои Украине
Все без остатка отдам.
Горе придет — одолею,
Душу в труде закалю.
Мама, я сердцем согрею
Светлую старость твою.
...Помню, как утром по росам
В школу бежал я, босой,
Занят одним лишь вопросом
Этой голодной порой.
И постигал я науки,
Сыт невеликим куском.
Мамы усталые руки
Долго мне снились потом...

Кто там бродит долиной ночною,
Кто затих в кустах?
Кто там прячет обрез за спиною
И наводит страх?
«В сердце правды летят их патроны,
Все с пути их — прочь!
Скорпионы ползут, скорпионы», —
Дышит злобой ночь...

Свинцовый смерч отбушевал,
Окончилась война.
В колосьях ветер прошуршал,
И снова — тишина.
Как Ярославны, у дорог
Застыли тополя...

Добра никто убить не смог,
И мир хранит земля.

6. На страже

Ужель последний скорпион
О наш заслон разбился?
О нет, он обошел закон
И перевоплотился.
Он будет незаметным впредь,
Он, чтоб не дать промашки,
Прядет предательскую сеть
Тому, кто выжил в тяжких
Боях, кто к солнцу, как росток,
Тянулся в лихолетье,
Кто от фашизма уберег
Двадцатое столетье,
Всем тем, кто правды вещий знак
Нес на своих знаменах...
Не сразу скажешь: вот он, враг, —
О скрытых скорпионах.
Не всяк из них идет тузом,
Народ свой презирая,
Заботясь только о своем
Кармане. Есть другая
Порода: ваш узнает нрав,
Раскусит, в чем слабы́ вы,
И станет пестовать, лукав,
Преступные порывы.
Коль вырос ядовитый гриб —
Плодится мухоморье...
Но где такие ни росли б,
Я их давил — и не погиб,
Всей нечисти на горе!

* * *

Я восхвалю, я воспою
Твою неутомимость, мама,
И труд — религию твою —
Внушу я детям без обмана.
Но тот, кто лживою строкой
Пророчит гибель нам упорно,
Когда-нибудь своей рукой
В сырую пашню бросил зерна?

Тому, кто вечно копит злость
На нас и ядом сердце полнит,
С твое увидеть довелось?!
И чье добро он в жизни помнит?
Ты слышишь, мама, пронеси
Свою печаль над этим веком
И над землею вознеси
Учение: быть человеком!

* * *

Судьбою это мне дано:
Стоять на страже дел высоких.
В каком грехе порождено
Стремленье к жизни сил жестоких?
Не понимаю. И храню
От них мою родную землю,
Прочь от себя их лесть гоню,
Корысти низкой не приемлю.
Народным духом окрылен,
Не уроню я этой чести,
Пока последний скорпион
С планеты нашей не исчезнет,
Распят, раздавлен, пригвожден,
Чтоб не было ему возврата...
И пусть не знает Посейдон
Того, что натворил когда-то...

7. Эпилог

Неугасимый луч пролег
Над крутизной моих дорог
От сердца твоего, родная.
А мудрость слов твоих простых
Мне помогает каждый миг,
И легче с ними боль любая.
В моих скитаниях всегда
Ты мне светила, как звезда.
И я не шел по бездорожью.
Людей правдивых — большинство.
Не обманул я никого,
Хоть и не раз встречался с ложью.
Прямой дорогою иду,
Как бы ни сеяли вражду

Безумцы, судьбами играя...
Я помню, мама, твой завет,
Туда, где виден правды свет,
Иду, по солнцу путь сверяя!

1986, М., «Сов. писатель», «Светёлка»

Олесь ЛУПИЙ
С украинского

ПОСЕЩЕНИЕ

Известно мне, чем болен ты, мой друг,
И вот спешу к тебе порой ночною.
Пусть я унять твоих не в силах мук —
Но добрым словом душу успокою.

Свистит далекий поезд в тишине,
А я иду, морозной тьмой объятый,
На грустный желтый огонек в окне
Твоей снегами занесенной хаты.

Вот половица скрипнула в сенях,
Дверь проворчала: «Заходи скорее!»
И в хату снег занес я на плечах,
Но в ней теплее стало и светлее.

И наши лица оживились вдруг,
Твои глаза блеснули васильково.
Известно мне, чем болен ты, мой друг, —
И вот принес участливое слово.

* * *

Родную ниву под снегами,
Ее покой и белизну
Я не могу топтать ногами,
И лучше лесом обогну
Родную ниву под снегами.

Пускай под мягким покрывалом
Всю зиму сладко спит она,
Чтоб вновь шумела в мае алом

Ее зеленая волна.
Пусть спит под мягким покрывалом.

Всё лето надо ей трудиться,
Растить богатое жнивье.
За нашу рожь и за пшеницу
Люблю ее, люблю ее...
Всё лето ей для нас трудиться.

ДОЛГОЛЕТИЕ ПЧЕЛЫ

1

Как мало дней отведено пчеле —
Двадцать четыре и ни часом боле.
Все дни свои она по мудрой воле
Нам дарит мед и в улье, и в дупле.

От самой зорьки ясной дотемна —
Все труд и труд, упорное круженье
В садах, в лугах средь буйного цветенья,
Весь день не знает отдыха она.

И вновь с утра снимается в полет,
Не повредив цветка, нектар берет,
Блестят в траве трепещущие крылья.

Когда б учились люди у пчелы,
То стали б их стремления светлы,
Добра на свете было б в изобилье.

2

Не думает пчела о долголетье,
А просто вылетает каждый день
На яркий луг за пасечный плетень
И крылышками трогает соцветья.

Пчела цветам и солнцу помогает,
Заботится, чтоб вызрел сочный плод,
Средь майских лепестков из года в год
Одно и то же чудо повторяет.

Погасший день не возвратить назад,
В истоме сладкой затихает сад,
Чтоб с пеньем птиц проснуться на рассвете...

Пчела должна успеть добрать пыльцу,
Пока усталый день идет к концу...
И вечен труд ее на этом свете.

* * *

Деревьям легче. Что им надо —
Земли и солнечных лучей,
Они небесной влаге рады,
И ветви простирают к ней.

Стволами вьюгу разрезают,
Стоят, подставив грудь ветрам,
И раздвоения не знают —
Того, что так знакомо нам.

А мы, как их листва сухая,
Кружась, летим из края в край,
Свою судьбу опережая,
Земной мечтая встретить рай.

Они ж метаньям не подвластны,
Глядят на нас, как на детей,
Спасая землю ежечасно
От наших бедственных затей.

ПРИ ДОРОГЕ

Новой Каменке — моему селу

I

Тебе в любви я вслух не признавался,
Хоть полон был сиянием твоим:
Кривлянским полем молча любовался
И Каменкой — селом моим родным.

С ее разбросанными в поле хуторами,
Что сосчитать я до сих пор не смог,

С приземистыми хатами, садами,
Между которых путь на Львов пролег.

Село мое — далекое, в глубинке
В каком-то незапамятном году
Возникшее... И ныне, по старинке,
Оно расти не хочет в высоту.

Здесь до небес дворцы не поднимались
И никогда не строили церквей,
Но здесь опорой людям оставались
Труд и любовь к святой земле своей.

Лишь утро по-лебяжьи забелеет —
Ярило явит лик из-за лесов,
И звон в полях мне душу отогреет
Знакомой перекличкой голосов.

II

Та тропинка всё чаще мне снится,
С каждым годом я вижу ясней,
Как средь поля она золотится,
Словно снова иду я по ней.

Снятся росы лугов придорожных,
И заката малиновый свет,
И мальчишки далеких, тревожных,
Тех, войною застигнутых лет...

И в душе берегу я раздолье
Детских, Каменка, весен моих.
Испытавший нелегкую долю,
Я тебе благодарен за них.

Пусть приходит пора увяданья, —
И в осеннюю мглу, и в метель
Вижу звёзд голубое сиянье
Над тобою, моя колыбель.

НА ПЕЧЕРСКИХ СКЛОНАХ

О, древний Киев, никому
Уже не можешь ты открыться...
Ответ величью твоему
Не даст музейная страница.

Вот — щит, вот — полусгнивший лук,
Вот — меч зазубренный и ржавый:
Они не позабыли рук
Бесстрашных воинов державы.

Горжусь — они добыли встарь
Святой Руси побед немало.
Но эта вековая сталь
Мне главного не рассказала.

Да, можно многое отрыть,
Найти в земле твоей случайно.
Но вот дано ль кому открыть
Твою неведомую тайну.

Она, мой град, в душе твоей
Парит вершиной голубою.
Давно уж нет дороги к ней,
И тропки заросли травою.

И только песни древних лет,
Что смысл таят, давно забытый,
Еще дарить способны свет
Великой тайны неоткрытой...

ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКИЕ МАСТЕРА

Роману Иванычуку

Умельцы прошлого, зачем
Вы безымянны перед нами?
Бессмертны славными делами,
А всё ж незнаемы никем.

Иль имена свои векам
Вы были оставлять не вправе,
Иль суетная мысль о славе
Не западала в сердце вам.

Иль вы желали одного:
Чтобы под нежным чистым небом
Был сыт народ не только хлебом, —
Чтоб красотой дарить его.

Среди полей, среди лесов
С уменьем светлым и любовью
Вы возводили Теребовлю,
Берестье, Галич, Луцк и Львов.

И ваших рук творенье — Холм —
Данилы Галицкого Город.
Здесь меч сломал татарский ворог,
И крестоносец смерть нашел.

На кровью политой земле
Вам был подвластен тяжкий камень.
И, поднимаясь над веками,
Белеют крепости во мгле.

Вобравшие небесный свет,
Как бы парят дворцов колонны.
Прекрасной грезой вдохновленный,
Их строил истинный поэт!

Безвестный мастер высекал
Гранитных львов необоримых.
Поет решетка врат старинных —
Их давний предок мой ковал.

Искусства с временем борьба:
Ампир, барокко, храмов роспись,
Узоров мозаичных россыпь,
По древу тонкая резьба.

А сколько их, творений тех,
Сгубили вражеские орды!
Но что сберег народ наш гордый —
Навечно сохраним для всех.

И, в новизну стремясь облечь,
Мы древность возрождаем снова,
И родники живого слова
Вливаются в родную речь.

В ИЗГНАНИЕ

Александру Пушкину

На бесконечном зимнем перегоне,
Где ветер бьет по лицам, как батог,
Рвут в клочья снег рассерженные кони
Стремительными молниями ног.

И царь, и лиц придворных вереницы
Остались где-то в непроглядной мгле.
Вдали от легкомысленной столицы
Ему найдется место на земле.

Опальный... Как же, если речи света
Всё о поэте, а не о царе.
В том для двора опасная примета,
Такой поэт немыслим при дворе.

Он — гордый, не желает бить поклоны,
Не хочет слушать, как и что писать.
И не угроза ль это для короны?
Так вот — подальше в степи отослать!..

И мчит он степью, снегом занесенной,
В когда-то славный запорожский край,
Где спину гнет народ закрепощенный,
Где век страдай и молча умирай.

На юг... Он снисхожденья не взыскует
У Бога, у судьбы и у врагов...
Коль суждено, любви он не минует
У черноморских пенных берегов...

Быть может, там найдет он утешенье
И нежности дано ему испить,
В груди проснется новое горенье,
Которое ничем не погасить.

Не ведает: в своих стремленьях чистых
Его друзья царю готовят бой
И что в багряном нимбе декабристов —
Крыла его зарницы золотой.

Скрипит возок, летя, как от погони...
Над головою Млечный Путь пролег.
Рвут в клочья снег рассерженные кони
Стремительными молниями ног.

1986, «Наш современник»

Микола ПЕТРЕНКО
С украинского

«ВОЗ СЕНА»
ИЕРОНИМА БОСХА

Пускай художника судьба
Сама упрямо кистью водит —
И сена полная арба
По бездорожью вдаль уходит.

И под колеса пусть летят
Грязь этой жизни, злые нравы,
Холопство, зависть и разврат,
Никчемность в дорогой оправе.

Добро в дубовых сундуках,
Бесплодность в помыслах ничтожных,
Премудрость — с книгою в руках —
Наук бессмысленных и ложных.

Штыки, снаряды и ножи —
Всё, что калечит нас жестоко,
Сосед с дрекольем вдоль межи,
Слова безумного пророка.

Позор и слава, что глядят
В карман друг другу неизменно.
...Колеса по камням гремят —
Возьми пучок сухого сена.

Наш мир не омрачит ничем
Голубизны небес весенней.
Творец на сене спит — и всем
Так сладок этот запах сенный...

ЦИМБАЛЫ

Заиграли цимбалы звонко,
Так, что эхо в горах плывет.
— Эй, Олекса, не слушай Дзвонки,
Ах, она тебя доведет!
А не веришь — бери ружьишко,
Прямо в грудь ты мою стреляй:
Все девицы, тебя, парнишка,
Предадут и обманут, знай! —
А Олекса сыплет червонцы:
— Эй, шинкарь, пусть ребята пьют!
Коль не стану я верить Дзвонке,
То кому ж я поверю тут?!
Пейте, хлопцы, пойду я к Дзвонке!.. —
Эхо катится по горам:
То цимбалы рыдают звонко
По неверным ее глазам...
Вновь, цимбалы, играть вам долго
Про одну молодую беду...
И покуда гульба не смолкла,
Я во тьму этой ночи иду.
Я к тебе направляюсь, Дзвонка!
Пусть обман у меня впереди...
Как играют цимбалы звонко,
Не дают мне свернуть с пути!

* * *

В часовне этой древней фрески потускнели...
И всё ж на них печать нетленности лежит:
От времени два женских лика потемнели,
Едва заметен их спокойный гордый вид.

И ветхость их одежд узорами прикрыта,
Узлы костлявых рук устало сплетены,
А в высохших руках видны колосья жита,
Как светлые лучи из беспредельной тьмы.

И в ярких их глазах не видно скорбной боли,
В них веры нет святым божественным дарам,
Но с ними веришь сам в благую щедрость поля,
И вера этих глаз врастает в души нам...

СОЛДАТСКИЕ ВДОВЫ

Перепутья любви в женской доле
Мутят глаз голубые ключи.
Подставляют вдовицы подолы,
Если аисты кличут в ночи.

Им бы доченьку, им бы сыночка,
Хоть из песен иль хоть бы из снов...
И крестом вышивают платочки
Для пушистых ребячьих голов.

На дверях и порогах — подковы.
Но не строят здесь аисты гнезд.
И в подолах несут себе вдовы
Ясный отблеск серебряных звезд...

НАД РЕЧНОЙ СТРЕМНИНОЙ

Дай органного чуда напиться
И проплыть по стремнине реки.
В этой жизни, так может случиться,
Дни последние — недалеки.

Бесконечность Вселенной, быть может,
Осознать не дано никому.
Мы из тьмы вылетаем
и всё же,
Свет познав, погружаемся в тьму.

Это чудо — от грани до грани.
Нам оттуда не будет моста.
Сколько звуков в небесном органе!
За рекой — роковая черта.

Но не чувствуя счастью предела.
Всё ж продлить мы его не вольны.
Дай испить
этой музыки белой,
Что белее твоей седины...

* * *

Одна птица на юг летела,
А другая летела с юга.

Повстречались они в поднебесье
На нехоженных синих тропах.

Одна птица коснулась другой
Белым крылом в полете.

И другая птица крылом онемевшим
Первой тихо коснулась.

Разминулись они, разлетелись
В холодную и теплую страны.

Разлетелись, как мы с тобою...
Хватит ли прикосновения для счастья?..

СВЕЧА В ЛАДОНЯХ

Кажется, будто мерцает над нами
В небе звезда за шальными ветрами.
Это лучится свеча в мирозданье —
Нашей мечты голубое сиянье.
Ветер студеный свечу задувает,
Мама ладонью огонь заслоняет.
Это мальчишке ужасно обидно:
— Так нашу звездочку людям не видно!..
Не заслоняйте ее колыханье!.. —
Свечка в ладонях, звезда в мирозданье!..
Может быть, это мерцанье в тумане
Всадника дальнего в дом наш поманит.
Может, ее космонавты заметят...
Пусть наша синяя звездочка светит —
В души людей проникает глубоко,
Видно ее в небесах издалёка...

ЛЕДЯНОЙ МОСТ

Никто не сравнится с тобой.
Я счастья не знал бы с другою.
Как ветер свистел вихревой
Над грешной моей головою!
Кругом — никого, только ты
В краю этом снежном царила.
Зима ледяные мосты
Меж мной и тобой наводила.
Тем выше они и прочней,
Чем холода больше меж нами.
Касанье ладони моей
К твоей — обернется ручьями,
Что вырвутся из-подо льда,
И южные ветры повеют,
Расплавится неба слюда
И молнии в тучах созреют.
Когда над землею мела
И в лица хлестала нам вьюга,
Вдруг так захотелось тепла
И стиснуть в объятьях друг друга.
Я знаю, что время придет,
Растают мосты ледяные,
Нас вешний поток пронесет
Сквозь бури и судьбы людские.
Я знаю: в весну из зимы
Легко мы ворваться могли бы!
Но крепко всё держимся мы
За серые снежные глыбы.

1987, М., «Сов. писатель», «Горница для гостя»

Паслей САМЫК
С алтайского

ЛЕНИНГРАД. МАРСОВО ПОЛЕ

Весна... Но ветви голы и черны,
И капли талые в сырой сугроб стекают,
А дети в парке всё еще играют
В снежки, зиме по-прежнему верны...

Вблизи суровой каменной стены
Стою, молчу в торжественной печали —
Приехавший сюда из дальней дали,
Чтоб поклониться невским берегам.
А над стеной колышутся туманы,
И ледяная влага непрестанно,
Как струйки слёз, стекает по камням.
Но всё же пламя Вечного огня,
Как легкий шелк, среди камней взлетает,
Идут года — оно не иссякает,
Горит, как факел завтрашнего дня.

Ударятся в подножье этих стен
Времен грядущих пенистые волны,
Но эти камни столько славы помнят,
Что им не страшен ветер перемен.
Строга, сурова летопись камней:
Смертельные бои в ней отразились,
И так ее скрижали наклонились,
Чтоб бронза слов была еще видней...

Рожденный в недрах невской черноты,
Здесь гулкий ветер пролетает низко,
Огонь трепещет возле обелиска,
Качаются измокшие кусты.

Спокойно спят под Вечною стеной
Те, чьи сердца и в гибели сияют:
Они костры свободы зажигают,
Зовут народы на священный бой...

Нет сил уйти от Вечного огня.
Иль это моря близкого дыханье,
Иль бронза слов струит свое сиянье
Мне в сердце, — но сегодня счастлив я.

Исхлестан острым ветром Ленинград.
Сырая ночь. И хмурый снегопад.
И, тягостно скрипя, деревья гнутся...
Но в непогоду звонче во сто крат
Я слышу песнопенье революций.

У пламени высокого стою.
Себя в былом,
В грядущем узнаю.

БРАКОНЬЕРЫ НА АЛТАЕ

В богоданном Хан-Алтае
Расплодились браконьеры.
Травят зверя, вырубают
Лес — без разума и меры.

Где кедровники шумели,
Там пила визжит ночами.
Драгоценные орешки
На базар везут пудами.

Всю тайгу уже изрыли
В жажде «золотого корня»,
Обирая тех, кто болен, —
Врачевать, мол, не зазорно!

Мумиё копя усердно,
Горы отчие облазив,
Продают дары Алтая
И в Крыму, и на Кавказе.

Челушманскkая долина
Золотилась облепихой.
Опустела. Браконьеры
С топором гуляли лихо.

Где вы, гордые маралы?
Ваши панты — вам на горе!..
Соболя, бобры и норки
В ужасе забились в норы.

Ненасытны живодеры!
Для чего, кому в угоду
Рубят, травят, убивают
Безответную природу?!

Благодатного Алтая
На глазах богатства тают.
Чем столетья мы гордились,
Дети наши не узнают!

СТРАНА АЛТАЙСТАН

Есть страна Алтайстан, где лучисто звенят
Родники голубые в горах,
Есть страна Алтайстан, где под солнцем горят,
Словно в сказке, цветы на лугах.

Вверх посмотришь, а там темно-синий простор
Шелк небес над землею простер,
А посмотришь вокруг — засияет средь гор
Тихих пастбищ зеленый ковер.

СЛИТ С ТЕЛОМ АЛТАЯ

Своими венами
Соединен я с реками Алтая.
Главная артерия — Катунь —
С грохотом катит
Упругие волны
Сквозь мое сердце.

Мой позвоночник сращен
С хребтами Алтая.
Родную природу
И весь мой народ
Я ощущаю в себе.
Озерами Алтая
Вглядываюсь по ночам в мирозданье,
И оно отражается в моих глазах.
С голубых ледников
Я ловлю жадным слухом
Трепетный шепот Вселенной.

Вместе с алтайцами,
Что говорят на тюркском,
Обожествляют солнце, огонь и природу,
Поминая ушедших, приветствуя уходящих,
Я устремлен
В клубящуюся глубь времен,
Сквозь которую, по вере отцов,
После всех испытаний и жертв —
Вижу Царство Света.

Всеми жилами, плотью и костью,
Всею кровью, что в венах гудит,
Я с народом родным
И родною землей
Неразрывно, таинственноо слит.
Мы — единое тело
Навечно.

ДЕТИ ГОР НА УЛИЦАХ ГОРОДА

Мне радостно, весело видеть,
Как дети алтайских аилов
Проходят по улицам шумным.
Их щеки горят на морозе,
Как летних пионов бутоны.
Они собираются в стайки
И звонко о чем-то щебечут.
Глаза их, тела и движенья
Пронизаны ветром предгорий,
Дыханием пастбищ весенних.
Журчанье ручьев родниковых
В их разноголосице слышу.
Их волосы ливнем внезапным
Омыты на сенокосах,
В лесах, на полянах цветущих.
И молнии их озаряли,
И грозы над ними гремели,
Когда, ухватившись за гриву,
Они на конях пролетали
По солнечным пастбищам горным.

Таежные тайны Алтая
В сердцах их живут от рожденья;
И тишь белоснежных нагорий,
Храня их, как ланей пугливых,
Смородинки черных глазенок
Любовью наполнила к людям.

РАБОТА ВЕСНЫ

Львы, разламывая клетки,
Из неволи убегают.
И, асфальт пронзая, травы
Жадно пьют весною солнце.
И оковы ледяные
Реки сбрасывают в море.
И земля свой белый саван
Превращает в пар над пашней...
Всё земное оживляя,
Нам весна готовит звонкий
Праздник лета золотого.

Кедр в скале пускает корни,
Обвивая ими камень.
Ледники, струясь ручьями,
Пробивают в скалах русла.
Всё стремится к жизни, к свету.
То идет весны работа.

КОГДА-НИБУДЬ

Когда-нибудь ко мне
Приедешь в гости ты
И выйдешь на берег Катуни.
И там,
В сиреневом багульника цветенье
Чей голос ты услышишь?

Чье шептанье
Почудится тебе в туманной дымке
Над тишиною утренней реки?

Тебе приснятся золотые сны,
Где будут лебеди
Белеть на водной глади
И, растворяясь, уплывать в туман...

Ну разве мало этого —
Быть вместе?
И прислониться к дереву,
И чувствовать, как сердце

Замирает,
И превращаться в музыку,
Глядеть глаза в глаза,
сливаясь с деревом, водою и землей...

Ну разве этого нам мало —
Что мы встретимся?
Что я коснусь твоих волос
И что прольемся мы
Сквозь голубую вечность...

ВЕТЕР ГОР

Ночами
С ледников Белухи
Ко мне приходит
Ветер гор.

В мою квартиру городскую,
Распахивая настежь двери,
Приносит свежесть
Ветер гор.

Всю ночь зовет он за собою,
И на кровавом поле боя
Гудит и стонет
Ветер гор.

Над матерью, убитой горем,
И над погибшими сынами
Со мною плачет
Ветер гор.

И меж палаток палестинских
Со мной проходит
Ветер гор.

И с партизанами в атаку
Меня бросает
Ветер гор.

Не шарф мне шею обвивает —
А ветер гор!

ПРОЩАНИЕ С БАКУ

Я уеду...
И останусь.
Как на во́лнах блик веселый
В вечном Каспия блистанье.
Как в заливе блик печальный
у Приморского бульвара.

Я уеду...
И останусь.
Словно перышко от чайки,
Что кружит над спящим морем.
В криках чаек
Я останусь,
В белоснежном их паренье
Над сияющим лиманом.

Я уеду...
И останусь.
Невидимкою полночной
Лунным берегом бакинским
Тихо я пройду один
Меж мерцающих витрин.

С грустью светлой
Выйду к молу,
Устремлюсь я взглядом
к морю.
Буду с ним наедине.
Море — это тоже горы.
И средь волн окаменевших
Я, уехавший,
останусь.

ПРИМОРЬЕ

I

Приморье!
Когда приходит буря,
Здесь звучит
Тайфуна вихревая музыка.
Здесь
Над морским простором,
Оскалившись,
Проносится опасность.
И ей наперекор
Сквозь ураган и грохот волн
Плывет корабль.

Приморье!
Когда приходит штиль,
Зеленосинее, дыша спокойно,
Сверкает море...
Таинственные корабли
Плывут за горизонт
В волшебные неведомые страны...

Над шелестящими,
Притихшими волнами
Кружатся чайки,
Весело крича,
Крылом волны касаясь.
И лениво
Качаются баркасы
У причала.

Приморье!
Хребет Уссури
Изогнут ветрами.
Деревья Сихоте-Алиня,
Как стрелы, устремились ввысь.
И пестрый, как цветок,
Летит олень.
Здесь бродят тигры красные,
Здесь кабаны лежат в густой траве.

Цветет жень-шень багряно,
Пустив по-богатырски в землю корни.

На этот мир
Он смотрит с удивленьем.

Приморье!
Здесь растет мой сын —
Горит моя звезда!

Эркин мой черноглазый!
К тебе приехал я с Алтая,
Моя отрада и моя любовь.

Приморье!
Окраина моей Отчизны!
Богатство и могущество страны.
Исхлестанный ветрами берег,
Рокочущее море —
Мелодия, волнующая душу.
О, грозный бубен моря!
О, день и ночь гудящая тайга!

2

Я там бывал,
Я видел океан,
Вздыхающий протяжно.
Бродя пустынным берегом,
Я видел
Сторожевые скалы,
В которые с размаху волны били,
Откатываясь и ворча бессильно.
Я видел тигров красно-пегих,
что так бесшумно рыщут среди гор,
И видел я
Их схватки с кабанами.

Я жил
У края Родины,
Там, где границу стерегут бессонно
Безусые солдаты,
Нашу землю
Прикрыв своею грудью.

Я сына там оставил у любимой —
Эркина — черноглазую звезду,
На океанском дальнем берегу.

Его я вижу сквозь простор таежный,
И на его буденовке звезда
Над сопками мне весело сияет.

Там волны день и ночь
Шумят не умолкая.

1987, М., «Современник», «Ветер вершин»

Бадрутдин МАГОМЕДОВ
С кумыкского

СОЗВЕЗДИЕ «СЕМИ ДУБОВ»

Узорам звезд небес ночных
издревле мы названья дали.
В России семизвездный ковш
«Большой Медведицей» назвали.

Веками наши предки шли
под ним дорогами степными,
и этот ковш на небесах
«Кочующим» был назван ими.

В родную землю семь лучей
сквозь мрак ночной вросли, как братья.
Созвездием «Семи Дубов»
семь этих звезд хочу назвать я.

МОЙ МИР

Мой мир — глаза моей любви,
душа народа, голос правды,
и ощущать его в крови —
нет большей для меня отрады.

Я высоко мой мир несу
одни его хулят пристрастно,
другим он — как бельмо в глазу
и раздражает ежечасно.

Но и такие люди есть,
что правды сердца не откроют,

для них порядочность и честь
гроша затертого не стоят.

Цена на золото растет —
и покупателям неймется...
Как будто, кто навек уснет,
тот в золотом гробу проснется...

К друзьям нет времени сходить:
для добрых дел теперь не время!..
И стали больше тех ценить,
кто возвышается над всеми.

И уваженье, и почет
порою кто-то покупает,
богатство копит, спину гнет,
но счастья все равно не знает.

Тревоги мира моего
стрелой разят, звенят струною...
И правда светлая его
превыше и сильней всего,
сполна оплаченная мною.

КИЗИЛОВАЯ КАЛИТКА

Кизил — солнечный куст.
Его плоды называют райскими,
червь на них не садится.
Кизил не растет в тени,
его стебли по-особому тянутся к солнцу.
Маленькими пушистыми почками
они как бы шепчут:
солнце выше всего,
что растет и цветет на земле.
А мой сосед, странный и угрюмый,
имеет не только красавицу дочь,
но и высокий забор из черной колючки.
Забор этот называют «птица не сядет».
Калитку же сплел мой сосед
из нежных кизиловых прутьев.
Может быть, из того самого куста,
у которого я встречался с любимой.

Всякий раз сосед тщательно запирает
калитку из кизиловых прутьев.
Откуда ему, бедному, знать,
что солнце выше его забора!
А еще выше
полночная звезда свидания...

* * *

Мутны глаза моих вспотевших окон,
печальны, словно осени глаза.
Опять мечта меня влечет в дорогу
по тропам детства, где блестит роса.

Пусть не всегда я жил под небом светлым,
всё ж на судьбу обид не берегу.
Но как журавль, к земле прибитый ветром,
себя в полет поднять я не могу.

Свои ошибки мы забыть бы рады,
они ж всю жизнь сопровождают нас.
А ведь отцы, погибшие за правду,
нам путь открыли в свой последний час...

УТРО ИДЕТ

Утро! Утро идет!
Величаво и звонко!
Лижет спину Земли,
Как корова — теленка.

Утро, утро идет,
блещет травами росными,
как арба по меже
с золотыми колосьями.

В синем платье — спешит
по зеленой равнине,
за плечами несет
солнце в красной корзине.

Звонок птичий напев,
в поле запахи сладки.

Как зари талисман —
гребешок куропатки.

Если жизнь проживу
просветленно и мудро,
пусть мне саван сошьют
из полотнища утра...

ВЛЮБЛЕННЫЙ В ЯБЛОНЮ

Край звенящих садов Эрпели!
Склоны мехом дубков поросли...
Наполняет мне душу, как парус,
ветер жгучей тоски. Издали́
прилетел он, из давней весны,
где сады в небеса влюблены,
и качает меня, словно яхту,
в бурных волнах любви. Мне видны
ледники мной покинутых гор
и ручьи, и родимый простор,
где, раскинув цветущие ветви,
старый сад шелестит до сих пор.

В том саду мой кунак-одаман* —
в нашей области лучший чабан —
халтамою** меня угощает,
и от слов его сладких я пьян...
Есть красавица-дочь у него,
нет у ней в женихах никого,
и в глазах у ней звезды сияют...
Но в саду кунака моего
всех деревьев стройней и нежней,
красотой покоряя своей,
мне высокая яблоня дарит
нежный шорох широких ветвей.
Словно девушка в белых венках —
вся в пушистых весенних цветах,
и росинки на них, как слезинки
на любимых горячих глазах.

---

* Одама́н — старший чабан.

** Халтама́ — излюбленное блюдо чабанов, готовится из кукурузной муки, мяса и чеснока.

А за яблоней день напролет
дочь кунакская косы плетет,
мельком быстрые взгляды бросает
и веселые песни поет...
Погостил я три дня и с тоской
кунаку помахал я рукой,
обещая вернуться обратно
плодоносной осенней порой.

Ветер осени листья метет,
в даль родимого края зовет,
наполняет мне душу, как парус,
и по волнам кипучим несет.
Осень этого края красна,
разноцветна она, как весна.
Вот я снова на том же кутане,
во дворе кунака. Где ж она?
Почему не встречает меня
взгляд, зеленого полный огня?
Что ж ты, яблоня, молча поникла,
ветви грустно к земле наклоня?
Листья темные с ветром летят,
ветви голые тихо звенят,
и дождинки на них, как слезинки
на глазах материнских, дрожат.
Мой растерянный добрый кунак
утешает меня так и сяк.
Ничего я не вижу, не слышу,
и глаза застилает мне мрак.
До сих пор эта рана болит
и о прошлом забыть не велит.
По весне, с каждым новым цветеньем
сердце с прежнею силой грустит...

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

Постучала девочка в ворота:
— Ваша дочка сына родила! —
Шелковый платочек с позолотой,
с голубой каймой, ручной работы
бабушка девчушке отдала,
словно ей на все года желая,
чтобы жизнь, как шелк, чиста была, —
так пришлась по сердцу весть благая.

И в ворота мальчик постучался:
— Внук родился! Больше стал ваш род! —
И кинжал, с каким не разлучался,
дед в подарок мальчику несет.
Тот кинжал отделкою богат,
из слоновой кости рукоятка.
Дед мальчишке завещает кратко:
— Гордым будь и крепким, как булат!

Бабушка мне меду приносила,
дед — впервые посадил в седло.
Нас война с отцом разъединила,
по фронтам письмо за ним ходило
с вестью обо мне... но не дошло.

Ждет Земля защиты от людей,
и должны мы ей помочь все вместе,
ждет она одной отрадной вести,
что не будет больше войн на ней.

* * *

Слишком много пел я о цветах,
но о плуге песни не сложил.
Развязался сноп мой на глазах
земляков. Я на смех поднят был.
И теперь в моем родном краю,
светом неба вечного храним,
перед хлебным полем я стою —
и склоняю голову пред ним.

* * *

Людская жизнь — стремительный поток,
у ней то низок берег, то высок.
Когда играют свадьбу на одном,
справляют панихиду на другом.

В моих глазах то радость, то печаль;
поток, бурля, меня уносит вдаль.
На берегу одном в цветах стою,
а на другом я горько слезы лью...

* * *

Не будь добро людское зла сильней,
Земля не избежала бы распада.
Но если б не предательство людей,
то был бы мир, как райский сад Багдада.

* * *

Если в весеннюю ясную ночь
в озеро тихое долго смотреть —
кажется, будто бы, свет излучая,
плавают в нем золотые лягушки.

Если окажешься в черную ночь
в горной долине у чабанов —
сможешь увидеть в овечьих глазах
ярко горящие желтые звезды.

Иль, задремав у ночного костра,
вдруг от озноба под утро проснешься —
и среди тлеющих углей увидишь
синего звездного неба мерцанье.

А на заре своим красным крылом
солнце коснется росистого поля, —
будто осыпаны звездным дождем,
травы блеснут ослепительным светом.

Скажет Эмин: «Я дубок спилю!»
Скажет эмен*: «Я хочу расти!»
Спилит Эмин дубок и увидит
звездочку в самой его сердцевине.

* * *

Реки растут, как дети.
Темная, молчаливая река
когда-то звенела прозрачным ручейком
и, как ребенок, играла камешками.
Теперь, не разговорчивая,
она скрывает свою глубину,
свои тайны и блестящие камешки.

---

* Эме́н — дубок.

С годами мы всё больше молчим,
погружаясь в себя.
И если порой,
словно речные камешки,
блестят наши щеки от слез, —
разве это не значит,
что все мы
камешки одной реки?..

1988, М., «Современник», «Тропа»

Рамазан БАЙТИМЕРОВ
С татарского

РОДИНА

Я шел к твоим вершинам светлым,
Забыв про сон и про покой,
И видел я сквозь снег и ветер:
Ты выше всех вершин на свете,
Мой дивный рай, мой край родной.

Каких бы ни сложил я песен,
Твоя — как солнце надо мной.
Прошел я много дальних весей,
Но в мире всех красот чудесней
Мой дивный рай, мой край родной.

Я мерз, я был разбит болезнью —
В меня вдохнул ты пламень свой.
Ты нескончаемою песнью
взлетаешь гордо к поднебесью,
мой дивный рай, мой край родной.

ДРУЖБА

Ее называли мы зимней звездой,
Глядящей на мир с высоты.
В округе своей мы не знали другой
Такой неземной красоты.
И с другом в нее мы влюбились вдвоем,
С нее не сводили мы глаз.

И часто, бывало, ходил с «фонарем»
По улице каждый из нас.
С годами не старилась эта вражда,
И в самом начале войны
Мы в армии с ним повстречались, когда
Враг целился в сердце страны.
Отвел торопливо он руку свою,
Угрюмо пройдя стороной.
«Столкнемся, — сказал, — на переднем краю,
Там счеты сведу я с тобой...»

И наши дороги опять разошлись,
Чтоб где-то сойтись... А пока
Свинцовые вихри над нами неслись,
Победа была далека.
И, помнится мне, в прибалтийских лесах
Держал оборону мой взвод.
Поднялся в последнем отчаянье враг,
Казалось: вот-вот нас сомнет.
От грома орудий дрожала земля,
Снаряды кончались... И вдруг
Я голос знакомый услышал: «Друг,
Искал я тебя не зря!..»
Пришел он с подмогой сквозь грохот и дым,
Крича мне: «Браток, держись!»
И мы обнялись, точно братья, с ним
Впервые за нашу жизнь.

СИЛА СЛОВ

Помню, как одну молитву
Мне внушали с юных дней,
Чтоб, с врагом идя на битву,
Видел я спасенье в ней.
Годы шли, о той молитве
Я и думать позабыл,
И когда был ранен в битве
И на шаг от смерти был, —
Сам себе сказал тогда я:
Ты не должен забывать —
Ждет тебя земля родная,
Ждет тебя седая мать.

И не сдаться смерти
Силы
Я в себе самом нашел,
Воевал и в край мой милый
Победителем пришел.

И, поправший смерть когда-то,
В силу слов я верю свято.

1989, М., поэтич. сб-к «Молодая гвардия — 88»

Сугури УВАЙСОВ
С лакского

К ВОПРОСУ О СЧАСТЬЕ

Счастьем ли ты
Называешь судьбу свою, друг,
Иль наказанье
Она для тебя
И недуг?..
В горных долинах, в ночном
Ты не пас лошадей —
Что же ты скажешь о прелести горных ночей?
Ты не встречал
Ни обвалов, ни вьюги в пути —
Где ж о природе слова ты сумеешь найти?
С первой зарей
Не бродил босиком ты в полях —
Что же ты можешь сказать о росе и цветах?
В жизни своей
Не стирал до мозолей ты ног —
Где ж тебе ведать о тяжести долгих дорог?
Горькие слезы разлук
Не томили тебя —
Мог ли ты сладость любви ощутить, не любя?
Не испытав
Ни забот, ни утрат, ни страстей,
Что же ты людям расскажешь о жизни своей?
Ни поражений не знав,
Ни сомнений, ни мук,
Жизни земной ты не видел,
Не чувствовал, друг...

Счастьем ли ты
Для себя называешь ее?
Или она, может быть,
Наказанье твое?
Если все это, дружище, ты счастьем зовешь,
Что же тогда в этом мире несчастье и ложь?

НЕДОБРОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Коль пришел ты не с добром
В мой открытый людям дом,
Кубок пенный осуши
За добро моей души,
Осуши и вновь налей —
Может, станешь ты добрей!

Коль однажды не с добром
В лес придешь, а с топором,
То под кроною густой
Отложи топор, постой,
И в приветливой тени
Ты спокойно отдохни...
В темной зелени ветвей,
Может, станешь ты добрей.

Коль, познавший зло и ложь,
К роднику ты подойдешь,
Прежде, чем его мутить,
Лучше жажду утолить.
Ледяной воды испей,
Может, станешь ты добрей.

Со своей душою злой
Ты гранитною скалой
На пути моем не стой!..
Стану я речной волной —
Всё разрушу пред собой.

Если кто-то не с добром —
Гор суровых ледником
Встанет на пути моем,
Я, как солнце, растоплю
Тот ледник и расстелю

По земле ковер цветов
И согрею каждый кров!

В горы, в лес и в каждый дом,
Человек, с добром явись.
Если ж мыслишь о другом —
Я иду, посторонись!

* * *

— Зачем ты ходишь с фонарём? —
Однажды я спросил слепца, —
Ведь ночью для тебя и днём —
Сплошная темень без конца.

Ответил он: — Я путь найду
Наощупь, ночью, без огня...
А с фонарём затем иду,
Чтоб зрячий вдруг не сшиб меня.

1989, М., поэтич. сб-к «Молодая гвардия — 88»

Отклики современников

Елена САПРЫКИНА

ПО ЗАКОНУ СОВЕСТИ

(ПОЭТ И ТРАГЕДИЯ РОССИИ)

Есть в России поэты, жизнь и творчество которых не вмещаются в рамки самовлюбленной псевдопатриотической критики, поэты, свободные от ежедневной околопремиальной мышиной возни, поэты, своим свободным дыханием разметающие завалы литературной шелухи и подвластные лишь одному хозяину — голосу совести. Таков поэт Валерий Хатюшин.

Нынешняя разделённость общества на многие и многие непересекающиеся множества не позволяет никому получить известность «всенародную», тем более что сам «народ» сегодня стоит в стороне от настоящих литературных событий. Тем не менее имя Валерия Хатюшина давно известно читателю русской прессы, как московскому, так и читателю из российской глубинки, рассуждающему непредвзято и честно.

В течение последнего десятилетия вышло немало книг его произведений во всех основных литературных жанрах — поэзии, прозы, критики и публицистики, а также множество критических публикаций в прессе, вызвавших бурную реакцию. Что касается поэзии (если посмотреть на всё его творчество в целом), то здесь вспоминаются слова Н.В. Гоголя о так называемом «лирическом упреке», который присутствует в произведениях истинно народных поэтов. Не этого ли упрека так боятся нынче старые и новые враги русского дела? Упрекать волен всякий — и в стихах, и в прозе, но «лирический упрек» страшен тем, что проникает в самую сердечную ткань русского читателя и кажется ему чуть ли не собственным открытием, а стало быть почти что озарением: так вот,

оказывается, кто виноват! Так вот, оказывается, что надо делать! И потому со времени самого первого тлетворного выброса пресловутой перестройки на всех трудных и кровавых путях нашей борьбы имя Валерия Хатюшина воспринимается читателем как появившееся внезапно знамя на переднем крае, как холодный всплеск праведного оружия.

Русское сердце никогда не смирится с порционными, мелкими радостями неволи. «Мы работаем в офисе! Нам хорошо платят!» — восклицают иные. Но стоит спросить их: а чем вы там занимаетесь? И сразу становишься «врагом», «свихнувшимся патриотом», в лучшем случае — «юродивым». А ведь это как раз вопрос вопросов — проблема нашей совести. Нынче многие поэты ушли от ответа на этот вопрос, освободили свои души от крыльев. Вот и бродят они по страницам нынешней печати, как бескрылые уродцы. Приглядишься — дрожь пробирает. Но ими всегда был полон литературный мир. Пусть хоть его трижды назовут «новым»! Истинному поэту нельзя спрятаться. Его замечают сразу и потому долго «не замечают» в печати. А когда он все же грянет, как солнечное утро, как летний проливной дождь, как нечто такое, без чего уже невозможно представить саму ткань эпохи, они говорят: это мы, это мы были рядом, это нас он называл друзьями и кровными братьями.

Валерий Хатюшин пришел в литературу очень молодым. В его юношеских стихах можно разглядеть всю будущую палитру зрелого мастера. И это понятно — ведь он учился у природы, а она хороший учитель, только надо знать, как с ней разговаривать, как понимать ее. Всякому человеку способность **слышать тайну** дана с рождения, но упустишь время — и способность эта умирает в твоем сердце. Валерий Хатюшин уже в восемнадцатилетнем возрасте знал свое предназначение:

...Ухожу, как бы вслед ни смотрели,
удивленья и страха полны.
Просто мне не до буйных веселий,
просто хочется тишины.
Оставляю хорошую память,
ухожу, сентябрем шурша,
и деревья мне машут руками,
тяжело и тепло дыша.

(1967)

Я думаю, напрасно некоторые видят в ранних стихах поэта лишь «тихую», «умиротворенную» лирику (А. Байгушев). Здесь уже есть «тайна снайпера», словно бы скрывающегося до времени там, где «звуков живых полна таинственная тишина» (В. Хатюшин).

Потаенная тишь, свежий ветер в лицо,
неуютная светлая ширь.
И куда ни взгляни — горизонт, горизонт,
бесконечная наша Сибирь.

(1967)

В двух последних строках этого отрывка слышатся отголоски долгой российской истории, полной величия истинного. Слышны они в самой интонации, дыхании стиха. Полное владение этой интонацией, этим естественным дыханием пришло к поэту позже, когда он проникся жизненной стихией, основой, почвой русской жизни. И вся его судьба, и рабочие будни на стройках великой страны, где «свистел промозглый Север, дремал седой Байкал», и горячие молодые думы, когда мерз он в траншее «в непросохшей робе», и первые опыты сердца — всё это многоцветной мозаикой ложилось на полотно его поэтического мира. Можно долго цитировать «молодые» стихи поэта. Об этом много уже писали. Чтобы не повторяться, добавлю, что сам он редко говорит о своем прошлом. Быть может, сокровенность его стихов и их светлая простота нуждаются в некотором «замалчивании» и «непроговаривании» основ. Не будем многословны и мы. И всё же — попробуем представить, как, будучи монтажником-высотником, на строительстве КамАЗа, где-то под буйно-ветреными небесами, молодой поэт слагал крепкие строки, а потом читал их своим первым слушателям — таким же рабочим:

...Стиснув зубы, у края
я впивался в металл
и, по балкам шагая,
о земле забывал.
И отвык я качаться,
и у всех на виду
вдруг опомнился: «Братцы,
я по небу иду!..»

(1973)

Пространство таких стихов предельно ясно. Поэтическое слово разбивает миражи, подменяющие действительность, миражи, насаждаемые туманным сознанием воинствующей обывательщины и околонаучного философствования. А ведь стихотворцев, утопающих в таких миражах, — отнюдь не единицы. Их тьмы, и тьмы, и тьмы. Тем более обидно, что некоторые из них надеются «остаться» в литературе за счет выигрышной темы, за счет безадресных восклицаний о природе «небесного». Но право сказать правду принадлежит не всем. Говорят, один в поле не воин, но когда само это поле до малого своего колоска прорастает в душе воина, когда она, душа эта, непостижимым родством спаяна с этим полем, — тогда и один, поднимающийся на битву, воистину неодолим.

Сколько же можно страдать «хатюшинофобией» сомнительному критику В.Бондаренко, стремящемуся сразиться всеми своими огнедышащими головами с поэтом, вышедшим из народа? Зачем ему, этому всеядному «критику», в своем псевдолитературном «Дне» обвинять поэта во всех смертных грехах, когда исход битвы предрешен? Поэзия — тот самый меч-кладенец. У кого он в руках, тот спокоен. Все же остальные «литературные» ернические умствования попросту не имеют смысла, ибо они, образно говоря, виртуальны.

Валерий Хатюшин успел высказаться и в прозе, и в публицистике, и в критике, несмотря на гвалт, шипение и сплетни, которые бушуют вокруг его творчества (причем не только в либеральных СМИ). Бóльшая часть нынешних «писателей-патриотов» желает (ох, как желает!) найти положительный момент в некотором (очень тонком) союзе с властью (хотя бы — с московской). Писательские союзы расползаются, расчленяются на глазах, как медузы, и бесхребетность эту выдают за плюрализм. Всё это «болото» бесконечно радует наших врагов, дает им силу и уверенность в нашей слабости и в нашем пустословии. Немногие, очень немногие живут по закону совести. Среди них, повторюсь, — Валерий Хатюшин. И, думается, не случайно творчество его отмечено такими престижными международными премиями, как премии имени А.П. Платонова и М.А. Шолохова.

В обществе потребления и к литературе отношение потребительское. И в этом сегодня — корень зла. Неко-

торые признать сей факт не хотят — стремятся быть «узнанными», «признанными» как раз тем самым обществом, которое есть могила культуры, саркофаг духовности. Стремясь к поставленной цели (к признанию, к известности), писатели сами становятся в ряд «раскрученных» (то есть закрученных) винтиков маскультуры, и лучшие из них, сгорая в маховике, погибают физически, худшие — становятся частью маховика, движителя «новой литературы», толкача реформ и погибают духовно. Малая часть оставшихся не у дел идет на скармливание обывателю ради усмешек и кривых подмигиваний. В. Хатюшин в статье «По закону и букве Талмуда» говорит об этом точнее, ссылаясь на известные документы. Что ж, одни живут и действуют по данному «закону», другие — по закону совести. Но в одном из его стихотворений, написанных в 2005 году, — нам всем печальный приговор:

Мы идем всё дальше от Христа,
впереди — немая пустота,
впереди — отчаянье и страх
и блужданье смертное впотьмах.

Такое страшно представить, но жить в такое время пришлось и еще придется именно нам. И тем не менее никто из нас не хватается за голову и не бежит с покаянием к храму, не берется за оружие, не уходит в леса, не мстит врагу. «Нас заставляют приспособиться к жизни во тьме», — говорит поэт. Что же мы делаем, чтобы не подчиниться этому насилию? Большинство из нас — ничего! Нас радует, что в темноте — больше свободы, так называемой «свободы творчества». «Когда же наступит настоящий ДЕНЬ?» — хочется воскликнуть по прочтении газеты «День литературы». И это не просто каламбур, это ирония катастрофы, пронизанной ядовитыми бациллами «бондаренковщины». «Те из людей, которые всё время кричат о свободе и неких «свободах», — есть дети погибели, лишенные Святого Духа, а значит, имеющие темную душу. Достоевский называл их бесами», — пишет В.Хатюшин в своих «Протуберанцах». Этот цикл публицистических миниатюр, год от года пополняющийся новыми размышлениями и наблюдениями писателя, приоткрывает нам завесу над светлой тайною жиз-

ни, но в то же время полон печали поэта, вкушающего «горькие плоды» современности.

«Телевизор в наши дни — это хладнокровный убийца, который медленно вытравляет в человеке душу и забирает его жизнь», «Писатели пишут какие-то стишки, повестушки, пьески, а эта власть истребляет народ физически с дичайшей интенсивностью и ехидно ухмыляется: мол, пишите, пишите, продолжайте свое дело, ну а мы будем делать свое», «Придет время, когда будет спрошено с каждого мужчины: а что ты сделал для освобождения страны от иноплеменного ига?» — это ли не настоящие протуберанцы, вспыхивающие в сознании редких единиц при полном затмении разума в масштабах страны?!

Сорок лет своей творческой деятельности поэт материализует, озвучивает голос совести, существующий в природе, в душе, в мироздании. А вокруг — та самая бездна, которую предсказывали нам в самых страшных пророчествах.

Глохнет Слово, и за часом час
Божий образ покидает нас.
Мы уходим дальше от Христа.
Впереди пустая немота.

Итак, бездна открылась. Она поглотит любого, стоящего пред нею в оцепенении, она поглотит того, кто вожделенно заглядывает внутрь. А те, кто надеется уцелеть в полете «над бездной», — наивные утописты. «Уцелеть» можно лишь вне бездны. Ибо слово истинного поэта всегда обращено к Творцу. Надежда, которую дарит нам поэзия Валерия Хатюшина, сродни музыкальному аккорду, звучащему вне мирового хаоса.

«Молодая гвардия». 2008. №9

Виталий СЕРКОВ, г. Сочи

ПОД ВЫСОТОЙ НЕБЕСНОГО ЗНАМЕНЬЯ

Размышления о творчестве Валерия Хатюшина накануне его 60-летия

На его стихи я обратил внимание еще в середине восьмидесятых годов прошлого столетия, когда страна жила ожиданием перемен к лучшему, поверив в очередной раз новым краснобаям и новым витиям. Уже тогда меня буквально поразили такие строки: *«Не разнимайте мир на части, // пусть будет он таким, как есть.// Сдержать распад не в нашей власти, // и неизбежных бед — не счесть. // Нас ввергнет в муки роковые // с природой глупая игра. //Все связи рухнут мировые // за расщеплением ядра. Всесилье в нас вдохнет вития, // и силой дьявольской тотчáс // освобожденная стихия // рассеет в пыль ничтожных нас»*. В этих строках я увидел пророчество распада не атомного ядра, а страны. Дальнейший ход событий подтвердил правоту строк поэта. И всё же имя Валерия Хатюшина особенно ярко засияло на поэтическом небосводе России в начале роковых девяностых годов, когда на страницах патриотических изданий стали появляться его стихи, положившие начало направлению, которое впоследствии стало называться «Поэзией русского сопротивления». Регулярно появлялись и его статьи, вызывавшие широкую полемику и не оставлявшие равнодушными как единомышленников, так и противников автора, о чем речь пойдет ниже. Поэт вышел на столбовую дорогу русской литературы и взвалил на свои плечи такой груз ответственности за свой народ и свою страну, под которым шансов не быть раздавленным почти не оставалось. Но прочитав в книге «Собрание стихотворений», вышедшей в 2003 году в издательстве «Российский писатель», стихотворение «Случайный дар», написанное им в 17 лет, я увидел истоки той поэтической мощи, которая вовсе не случайно с годами усиливалась, вбирая в себя всю трагическую составляющую его судьбы, связанной с трагической судьбой всего нашего народа:

Откуда взялся он?
Ну, из каких истоков?
И кто меня толкнул
на этот скорбный путь?
Неведомый мне путь,
тернистый и далекий...
Но что всего страшней —
назад не повернуть.

И юн мой дар, и слаб
среди имен известных,
и ломкий голос мой
пускает петуха,
но в громыханье рифм,
во мгле словесной бездны
выводит он свой ритм
упрямого стиха.

Нет, не *случайным* оказался поэтический дар поэта. Сама судьба, кажется, подготовила пробуждение этого дара.

Волею той же судьбы детство поэта прошло в подмосковной деревне, где он воспитывался бабушкой. В детстве он испытал и чувство первого одиночества, и чувство благодарности бабушке, и чувство единения с родной природой. И потом, окунувшись в трудовую жизнь, помотавшись по стране, повидав и разные края, и разных людей, он не раз возвращался в своих стихах в детство:

За тридцать мне. Пора остепениться.
Пора смириться с прозой бытия...
Но всё больнее и всё чаще снится
потерянная молодость моя.

Широкий луг, болотистая местность,
деревня, тропка, речка, а за ней,
там, где бурьян заполонил окрестность,
всё вижу я стреноженных коней...

...Был полон я ребячьего стремленья
узнать, что там, за гранью ближних сёл...
Меня не раз вводили в заблужденье,
чтоб далеко от дома не ушёл.

Но я сбежал, как с привязи сорвался.
И по земле без устали ходил.
По городам и стройкам я метался,
но лучших мест нигде не находил...
(1978 г.)

Поэтические возвращения в страну детства будут сопровождать Валерия Хатюшина на протяжении всего творчества. Особенно ярко это проявилось в поэме «Память» (1982 г.), посвященной бабушке и впитавшей в себя очень многое из жизни нашей страны. За судьбой бабушки поэта, созвучной с судьбами многих и многих женщин ее поколения, видится судьба всей многострадальной России:

...Вот здесь детей и внуков сберегала
старушка эта, холя их в тепле,
от всех несчастий бабушку спасала
крестьянская привязанность к земле.
Живет она, земную веру носит,
за благо ближних молит всех святых
и ниоткуда помощи не просит,
взрастившая без мужа пятерых,
она, одну лишь грамоту познавшая
по школе скорби русских матерей.
За сына Павла, без вести пропавшего,
ей платят в месяц тридцать пять рублей.
Да ей и надо, в сущности, немного...
Ни на кого обиды не тая,
как в доброту людскую, верит в Бога
неграмотная бабушка моя.

Какие простые и ясные слова, а как сжимается сердце при их чтении! После таких стихов приходит понимание, что русские женщины, русские матери спасли, вытащили из трясины страну в самые роковые для нее годы. Жили впроголодь, но пахали и сеяли, убирали урожай и ухаживали за скотиной. И на фабриках, и заводах, особенно в годы войны, вся тяжесть легла на плечи женщин да подростков. И берегли детей и внуков, которых, не в пример нынешним временам, было много в русских избах. (Это у мужиков всегда имеется в запасе известный способ уйти от обид, отгородиться от проблем, хотя бы на время «эмигрируя» в стакан.) И вырастили детей, как бы ни тяжело было ставить их на ноги. Но как же низко

пало общество нынче, когда женщины не хотят рожать, а, родив, зачастую при первой же трудности бросают своих детей, даже убивают, предпочтя им мифическое «устройство личной жизни», как будто личная жизнь без детей имеет какой-то смысл. После прочтения главы «Похороны» из поэмы, посвященной бабушке, ясно сознаешь, что смысл-то жизни и есть в том, чтоб родить и вырастить детей, которые, в свою очередь, родят своих детей, продолжая род. И старушка эта, бабушка поэта, свою предначертанную ей судьбу исполнила до конца: *«Цветок без бабушки зачах. // Покинул свет избу. // Четыре внука на плечах // несли ее в гробу. //Так осторожно, как могли, // среди берез родных // четыре внука гроб несли, // я был одним из них. // Мы не забыли, что не раз // в далеких тех годах // она здесь каждого из нас // носила на руках»*. Хотя и горько оттого, что несут гроб с телом старушки родные внуки, нарушая православный обычай, да деревни-то нынче обезлюдели. И Валерию Хатюшину, поэту, тонко чувствующему слово и материал поэмы, удалось схватить в нескольких строках не только печаль похорон старушки, но и недалекую гибель деревни. И щемящее душу чувство только усилилось.

И в заключительной главе, названной, как и сама поэма, «Память», автор делает признания, в которых, кроется самое сокровенное — тот источник, откуда он черпает свои силы и вдохновение:

...Края повидал я другие,
но взглядом места дорогие
окину — и сердце замрет.
Дорога над речкой пойдет...

Куда б мы ни мчались упорно,
всё держат нас вечные корни
полей и тропинок родных.
Ну как оторвешься от них?

Многие стихотворцы, не имея за спиной судьбы, которая давала бы право говорить от имени народа, часто выдумывают ее, выдавая желаемое за действительное. Валерию Хатюшину ничего не требовалось придумывать в своей судьбе. Достаточно было прямо и четко сказать о себе и своей непростой жизни. А таланта и искренности ему было не занимать. Этим его наделила природа.

Став романтиком, став кочевником,
пол-России исколесил,
по дорогам, как по учебникам,
географию изучил.
Всё, что выпало, — выпало правильно.
Я крепился, как мог: держись!
Называлась моя география
очень просто и веско: жизнь...
...Что ж, я тоже сдавал экзамены.
Оплошаешь — не пощадят.
И на шкуре зарубки памяти
до сих пор по ночам зудят...
...Пусть кому-то карьера видится,
я смогу без нее прожить.
Нет, нельзя в человека выбиться,
им с рождения нужно быть!

(1973 г.)

Вот эта корневая система, уходящая в глубины русской истории, питающая память поэта живительными соками земли, помогла Валерию Хатюшину в годы очередной смуты не только устоять на ногах, но и вступить в противоборство с явными и тайными врагами России, стать объединяющим звеном в деле сопротивления злу. Это было предопределено всей судьбой поэта, его отношением к памяти, к истории России, к судьбе народа. Да, Валерий Хатюшин — тонкий лирик и философ во многих своих творениях. Его любовная лирика обнажена до предела и занимает в творчестве большое место. Но волею судьбы еще в конце восьмидесятых годов поэт встал в первые ряды заступников России. Не ожидая поддержки близких по духу товарищей и почти не надеясь на нее, он бесстрашно вступил в открытую схватку с врагами. И это его движение в сторону передовых рубежей обороны было предопределено всей его жизнью. Путь был тернист и долог, но он и закалил поэта для будущих схваток. Не случайно эпиграфом к стихотворению «Ненависть» поэт взял строку А.С. Пушкина «И ненавидите вы нас...»:

Они ненавидят Россию
за горы, поля и леса,
за реки ее голубые,
за травы и небеса.

О, как же *они* ненавидят
ее непогибший народ,
который не мстит за обиды
и Родины не предает!

За то, что любви не взыскует
и прошлое помнит свое,
за то, что еще существует, —
они ненавидят ее.

И стоны, и вдовьи рыданья
сторицей отплатятся ей,
все раны ее и страданья
их только озлобят сильней.

Жестокости *их* не убудет:
хоть трижды распнут, но опять,
покуда себя не забудет,
всё будут ее распинать.

(1986 г.)

Являясь плотью и кровью самого народа, зная все его проблемы изнутри, Валерий Хатюшин раньше других осознал, кто сильней всего пострадает во время ломки страны и смены государственного строя, а кто будет успешно ловить рыбу в мутной воде «прихватизации» и последовавших за ней процессах. В отличие от многих представителей интеллигенции, в том числе и литераторов, внесших немалую лепту в дело раскачивания корабля государственности и развала страны, и по этой причине не имевших морального права, а иногда и сил для борьбы, Валерий Хатюшин, не обремененный малодушными и предательскими поступками, вступил в схватку. Не стану утверждать, что он в этой схватке оказался в одиночестве. Но силы были неравными, и, как часто бывает, поэт оказался между врагами России и, казалось бы, ее друзьями, которые по тем или иным соображениям от открытой схватки уклонялись, что, порою, бывает хуже предательства. А иные и вовсе жили «ради страха иудейска», боясь навлечь на себя удары тяжелой артиллерии либеральных СМИ. Ведь имя Валерия Хатюшина для многих в девяностые годы стало нарицательным, а для иных он стал и вовсе одиозной фигурой, олицетворением силы, мешающей убивать и грабить, заниматься торговлей людьми и распродажей Родины. Конечно, и в

регионах очаги сопротивления были и есть, они играли и играют определенную роль, но провинция всегда смотрела на столицу, ориентировалась на лидеров. И таким лидером в деле русского сопротивления для многих стал Валерий Хатюшин. В этой схватке поэт устоял, хотя его неоднократно пытались привлечь к суду за т.н. «экстремизм» и «разжигание». Оказывается, в России нынче можно писать про людей любой национальности, кроме одной... Предполагая реакцию народа на разбой в стране, «демократы» заблаговременно готовили и в конце концов протащили через Думу закон об экстремизме, под который можно подвести любое слово правды, любое проявление национального самосознания русского народа, закон, об опасности принятия которого Валерий Хатюшин предупреждал общественность в статье «Их жажда террора», но многими был не услышан. И результатом такой глухоты стала расправа с рядом русских писателей, публицистов, издателей, о чем он поведал затем в статье «Всему виной — предательство», опубликованной в московских и иногородних газетах.

Гражданская лирика Валерия Хатюшина, написанная за последние двадцать лет и публиковавшаяся в патриотических изданиях, в 2007 году вышла в издательстве «Советский писатель» отдельной книгой под названием «Русская кровь». В книге высока концентрация обличительных мотивов в адрес не только врагов России и русского народа, но и в адрес самого народа, терпящего унижения и во многом утратившего способность к сопротивлению. Поэт пытается разбудить спящего богатыря. Иногда кажется, что он потерял уже всякие надежды на пробуждение народа, но раз за разом пытается достучаться до равнодушных сердец и одурманенных телеящиком умов. Он и с себя не снимает ответственности за всё, происходящее с народом и страной:

Мы крест несём за то, что вновь
поверили заклятьям ложным.
Надежда, Родина, Любовь
расстреляны в недавнем прошлом.
В душе мечта истреблена,
страна великая распалась,
и только ненависть одна
в крови бестрепетной осталась.

Теперь не стоит ни рожна
всё, что вчера звучало гордо.
Разгромлена моя страна,
унижена, оскорблена.
Что делать мне — я знаю твёрдо.
(1997 г.)

А в стихотворении «Мы» он озвучивает новые самообвинения:

...Мы разбазарили страну,
мы оказались разнородны,
свою трусливую вину
в себе смиряя безысходно.
Мы не услышим добрых слов —
бесстержневое поколенье,
предавшее без сожаленья
столетья войн и мук отцов.
Под дудку скурвленных властей
пятнадцать лет уже танцуем.
Из года в год мы голосуем
за гибель собственных детей.
И всласть гогочем над собой,
невольники самообмана.
Кровь и «Норд-Оста» и Беслана —
на нашей совести немой.
Нам так легко про всё забыть
и связь порвать любых наследий.
Нас образумит, может быть,
лишь тьма немыслимых трагедий.
(2004 г.)

Прочитав такие строки, испытываешь шок. Потом начинаешь сопоставлять написанное с реалиями жизни и приходишь к мысли, что только такая ничем не прикрытая правда и может послужить исцелению в качестве «шоковой терапии». Очнутся от такой терапии далеко не все, но те, кто очнется и придушит в себе чувство обиды, осознают трагичность положения русского народа и пополнят ряды русского сопротивления. Процесс этот медленный. Многолетняя кропотливая работа по уничтожению самосознания нашего народа свое дело сделала. Однако чувства безысходности книга «Русская кровь» не оставляет, особенно, когда читаешь стихотворение «Крепость»:

Нас чёрный ангел порчей метит,
а бесы мерзостью гнетут,
но солнце наше ярко светит,
и реки русские — текут.

Нам ночь Иуды множит слёзы,
но брезжит утро впереди,
шумят высокие берёзы
и грозовые льют дожди.

Пока затмение народа
идет по русским городам,
родная, умная природа
не даст с земли исчезнуть нам.

Нет, никакая в мире нечисть
из нас не вытравит людей,
пока звенит в траве кузнечик,
и душу лечит соловей.

За помраченьем и развалом
нас ждет весенняя страда...
Издохнут Меченый с Беспалым,
но Русь не сгинет никогда!

(1993 г.)

Всё сказанное Валерием Хатюшиным в стихах, находит продолжение и подтверждение в его книгах критики и публицистики. В 2004 году вышел в свет объемный том его статей под названием «Во имя Истины». Пересказывать ее или цитировать — дело неблагодарное. Могу лишь сказать, что более полезной для себя книги за последние десятилетия я не читал (повторяю, я говорю в данном случае о себе). Жалко, что многие статьи, написанные Валерием Хатюшиным еще двадцать лет назад, мною не были прочитаны своевременно. Скольких ошибок в своем творчестве мне и моим друзьям они помогли бы избежать, от скольких сомнений нам удалось бы освободиться! Ведь в восьмидесятые годы, в пору нашего вхождения в литературу, нам, поэтам русских провинций, ориентироваться приходилось в основном на ту ангажированную критику и на те публикации в столичных журналах, которые были направлены не на корневую связь с родной землей, не на традиции русской

классической литературы, а на антикультуру и на искусственно создаваемые течения, вроде пресловутых «метафористов». Некоторые сошли с дистанции. Не многим удалось, опираясь на природную интуицию, обрести свой голос и занять достойное место в современной поэзии.

Не лицемеря и не склоняя в почтении головы перед литературными авторитетами, Валерий Хатюшин в своих статьях еще 20 лет назад убедительно доказал чужеродность, вредность и бездарность мертворожденных стихотворных поделок т.н. «поколения Нового Арбата». В. Хатюшин прекрасный полемист. Очень интересны и убедительны его мировоззренческие суждения и критические размышления, когда они касаются широко известных литераторов — Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б.Ахмадулиной, Ю. Кузнецова и других. Не случайно в девяностые годы бастионами русского сопротивления стали журналы «Наш современник» во главе со Станиславом Куняевым и «Молодая гвардия», в которой печатались многие статьи Валерия Хатюшина. По крайней мере более интересных полемических статей, чем статьи Ст. Куняева и В. Хатюшина, я пока не читал. И роль их для восстановления русского самосознания, для возвращения чувства гордости за нашу великую страну переоценить невозможно, как невозможно переоценить роль вышепоименованных журналов. Скажу больше: книга Валерия Хатюшина «Во имя Истины» стала для меня не просто открытием, а настольной книгой. В ней я черпаю силу духа, веру в то, что Россия, как это бывало не раз в ее истории, воскреснет из пепла, перемолов очередную смуту, и сумеет избавиться от ига, гнущего в три погибели русский народ. А то, что ранее издаваемые книги Валерия Хатюшина не доходили до русской провинции, говорит лишь о том, что наши недруги изрядно потрудились за последние десятилетия, разорвав прежние связи и лишив народ доступа к источникам правды.

Глубоко символично, что книга «Во имя Истины» открывается работой «Уроки Аполлона Григорьева». И Валерий Хатюшин прочно усвоил уроки великого нашего национального критика и поэта и воплотил их в своей литературной деятельности, что и позволило ему ярко проявить себя в современной русской поэзии и в общественной жизни.

Валерий Хатюшин выбрал путь воина. Путь этот тернист. Но воинские подвиги невозможны без жертвенности. Поэт пожертвовал многим во имя спасения Отечества и народа, во имя русской литературы, а по большому счету — во имя Истины. Наверное, он мог бы написать гораздо больше лирических стихотворений, которые вошли бы в сокровищницу русской поэзии, если бы не отдал себя делу борьбы, делу русского сопротивления. Но его судьба и его совесть распорядились иначе.

В ноябре 1993 года после известных событий на Красной Пресне Валерий Хатюшин написал такие строки в стихотворении, посвященном защитникам Верховного Совета:

Стояли с непокрытой головой
под высотой небесного знаменья...
Ребят погибших день сороковой
совпал с моим печальным днем рожденья.

И вот теперь, в ноябре 2008 года, ему исполняется 60 лет. Возраст подведения итогов. Им издано более тридцати книг поэзии, прозы, критики, публицистики. Книги его народом востребованы. И о творчестве писателя написано уже немало статей. Впереди — новая большая работа. И хочется пожелать, чтобы не покидало его ощущение, что творит он под высотой того самого ***небесного знаменья***.

Такие люди и такие поэты не приходят в наш мир случайно. Во времена великих смут и нестроений их посылает нам Провидение для свершения творческого подвига. И они его совершают, независимо от того, видят ли и сознают ли этот подвиг другие.

«Патриот». 2008. №39.
«Москва». 2008. №12

СОДЕРЖАНИЕ

«Кому нужны твои стихи?..» 3
«За всю любовь — отплатится злословьем...» 4
Ушедшая Родина 5
Крепость 6
«Я ждал, что мрак с души спадёт...» 7
«Ну что же мне делать осталось...» 8
Алёне 9
4 октября 1993 года 10
Расстрел 11
Проклятье 12
Война 13
«Что говорить, когда в душе — проклятья...» 14
«Слишком рано они улыбаются...» 15
Чёрный дом 16
«Нет, ничего, обойдётся опять...» 17
13 ноября 1993 года 18
Враги 19
«Недолог час: моя семья...» 20
«Пусть жизнь твоя — как пастораль...» 21
«В груди опять сердцебиенье...» 22
«Звезда Полынь, звезда печали...» 23
«Как пережить мне этот новый ад...» 24
Изгой 25
Испытание 26
«Твой пятилетний звонкий голосок...» 27
«Это будто бы чьё-то пророчество...» 28
«Лишь только к снежным далям убегу...» 29
Видение 30
Отражения 31
«Март за окном, а мне, как прежде, грустно...» 32
Узда 33
Власть 34
«Какая казнь придет к тебе...» 35
«Все хотят в этой жизни счастья...» 36
«Как светлы берёзы на снегу!..» 37
«Проходит холодное лето...» 38
«Может, кто-то помолится в храме...» 38
Трусость 40

«И с чувством нежным, и с мечтой...» 41
Гои 42
Веленье времени 43
Полынь 44
«Не надо признаваться мне в любви...» 45
Русские бомбы 46
«Этой ночи луна золотая...» 47
«Как жизнь людская безотчётна!..» 48
«В подмосковных безмолвных полях...» 49
«Мои безумные загулы...» 50
«Вечерний свет объял небесный запад...» 51
«Летнее небо ночное...» 52
Повседневность 53
«Мир погряз в разврате и вражде...» 54
«Добиваю свой век — на изломе...» 55
Избиение 56
Просьба 58
«Над Россией тяжёлые тучи...» 59
«Когда-нибудь тоска моя уляжется...» 60
«Отца и дочери печальная судьба...» 61
«Мне ни с кем повидаться не хочется...» 62
«Я не знаю, зачем я пишу...» 63
«Куда мне деваться от этой тоски...» 64
Молитва 65
«Мой месяц ноябрь и дождливая осень...» 66
«На российских просторах открыто...» 67
Выборы Ельцина 68
Осталось — одно... 69
«Уже на всё махнул рукою вроде я...» 70
Всё позади 71
«Нас убивают каждый день...» 72
Весеннее солнце 73
Пришла пора 74
«Тихий вечер, и падает снег...» 76
«Деревья величавы и стройны...» 77
«Наважденьем охвачен странным...» 78
Тяжесть 79
«Взгляд и голос на память остались...» 80
Конец зимы 81
Иуды 82
«Опять не умолкает под рукой...» 83

«Свежий воздух ночной и луна...» 84
Чернота 85
«Тишина гудит в висках...» 86
«Страна непроходимых дураков...» 87
«Что же это происходит...» 88
«Был я в горечи гордым и стойким...» 89
Последние времена 90
«Мы всё стерпели, глупости в пример...» 92
«Своей привычки старой не нарушу...» 93
Империя 94
«Ещё один сентябрь, ещё одно прощанье...» 95
«Чем на свете живется труднее...» 96
Разлука 97
Рабы 99
«Мне придётся о многом забыть...» 100
«Не дано нам встретиться, Алёна...» 101
«Тёмно-серая промозглая зима...» 102
«Если отвергают доброту...» 104
Осознание 105
В больнице 106
«Мы живем грешно и бестолково...» 107
Пророчество 108
«Валит снег за больничным окном...» 110
«Я с повинной стоял у порога...» 111
«Одиночеством скован в пасхальную ночь...» 112
Близость лета 113
«Тебе цвести пора настала...» 114
Пушкин 115
«Лето мое долгожданное...» 116
Отрава 117
«А деревья еще зелены...» 118
Оккупация 119
«Мои промчались пятьдесят...» 121
Итог 122
Они 123
«Последний год тысячелетья...» 124
«Ну что, Горбач, не плачь...» 125
«Вырываясь из нервного стресса...» 126
«Лето скрылось и осень уходит...» 127
«Вырвусь я в своем пророчестве...» 128
Утомлённое сердце 129

За Родину, за Сталина 130
Посвящение 132
«Нет конца обезумевшей тризне...» 133
«Пять танков Красной Пресни...» 134
Солнце русских 135
Отчего? 136
Вероника 137
«Запахи лета, запахи лета!..» 138
Конечный пункт 139
«Туман прозрачный над прудом...» 140
Возмездие (11 сентября 2001 г.) 141
«Всё в такой дороговизне...» 142
«В мой дом пришла зима...» 143
«Кончается август, и новая грусть...» 144
«Замерла зелёная природа...» 145
Обречённые 146
«В стране безумство и разбой...» 147
Помни! 148
Знамение, или Гибель «Колумбии» 149
Пир 150
Зло и добро 151
Страна Ru 152
Желание войны 153
Генералы 154
«Удел творцов — безблагодарность...» 155
Евреи 156
«...И третий Ангел вострубил...» 157
«Лето шумит и уходит...» 158
Оклик из бездны 159
«Ты позвонила, чтоб сказать «люблю»...» 160
Шакальё 161
Смирившиеся 162
Без остановок 163
Смети Чубайса 164
Мы 165
Полковнику Буданову 166
«Ехали мы, ехали день за днем...» 167
Немота 168
Шальная душа 169
«Поблекших глаз уже не спрячешь...» 170
«Живём в немеркнущей печали...» 171

«Стократ обманут музой хитроокой...» 172
«Все невзгоды мои неминучи...» 173
«Проходят наши дни, ничем не радуя...» 174
«Июньский лес и трели соловья...» 175
«Умирают друзья, остаются враги...» 176
«Июльской ночью нива так светла...» 177
«Когда никуда не спешишь...» 178
Возмездие — 2 179
«Больное сердце мается в груди...» 180
«Мы больше не встретимся, даже случайно...» 181
«Некуда деться мне в городе зверском...» 182
«Судьба, судьба, как странно ты сложилась!..» 183
«Наверно, смешно и нелепо...» 184
«Осталось мне, наверное, немного...» 185
Сельская картина 186
Осенний триптих 187
«Кому живётся весело...» 189
Русский марш 190
В Богородске... 191
«Ни жены, ни любви, ни страны...» 192
«С новой дневной маятою...» 193
«Грусть свою до донышка...» 194
Иною дорогой 195
В невидимой дали 196
Притча на устах 197
«Чем весенние ночи темнее...» 198
Кровь детей 199
«Впустую растрачены силы души...» 200
«Гражданственность исходит из любви...» 201
«Мир земной до странности жестоко...» 202
«Я дожил до весны...» 203
Стансы 204
«Закона нет и власти нет...» 205
«Летний вечер, и свист соловья...» 206
«Желтый месяц в синем летнем небе...» 207
«Длинный день. Вершина лета...» 208
«Мне лето дарит солнечные дни...» 209
В родной деревне 210
Запрещённый 211
«Мы доиграли, мы дожили...» 212
Последняя надежда 213

«В конце июля птицы не поют...» 214
Наедине 215
«Словно за мечту мою в отплату...» 216
«Вечернее небо остывшего лета...» 217
«Прощай, зелёная пора...» 218
Наше горе 219
«Отчего так безумно тоскливо душе...» 220
«Солнце садится в октябрьскую хмарь...» 221
«На день рожденья снегу навалило!..» 222
«Я не умолк в стихах, и всё же...» 223
Участь 224
«Мы в России еще остались...» 225
«Ты сам себя обрёк на одиночество...» 226
Накануне 227
«Пока ещё на улице светло...» 228
«Превратили в хохмаческий бред...» 229
На переломе 230
«Под весенним дождём я брожу день за днём...» 231
«И сирень, и каштан расцвели под окном...» 232
«Не грусти, ты был поэтом...» 233
«Пасмурный вечер, тяжёлые тучи...» 234
«Когда уйдёт ублюдочная власть...» 235
Порука 236
«Белая акация в сквере городском...» 237
В плену 238
«Июльский полдень, половина лета...» 239
Их времена 240
Чужие 241
«Да, мы на мир посмотрели...» 242
«Ушёл июль, и лето — на закате...» 243
На руинах Цхинвала 244
«Смотрю во тьму небес...» 245
Не нужны 246
«В Голицынском парке скамейки пусты...» 247
«Желтые бабочки в сером окне...» 248
«Шестьдесят остались за спиной...» 249
Новое возмездие 250
«В другой стране, в другом тысячелетье...» 251
Страна родная 252
«Серым огнём небо затмилось...» 253
Взятие Кремля. *Героическая баллада* 254

Смерть матери 258
«По ночам не спится...» 259
«К кому идти — не знаю...» 260
«На сердце боль ещё не отпускает...» 261
«Теплом повеял первый летний день...» 262
«Пой, соловушка! Лето пришло...» 263
«Как жалко летнего тепла!..» 264
«Просто брожу по зелёным аллеям...» 265
Сокровенность 266
«В этот вечер прощанья с теплом...» 267
«Сентябрьское Чёрное море...» 268
«Покуда мать жива...» 269
«Опадают листья, опадает жизнь...» 270
«Всё позади. Любви не будет...» 271
«Мой день ушёл, а я в ночи остался...» 272
«Еще одна унылая зима...» 273
Мститель 274
«Мы живём в растерзанной России...» 275
Слово и дело 276
«Среди надежд, среди невзгод...» 277
Печать 278
«Любовь несчастная моя...» 279
Русское раздолье 280
Голос моих предков 281
«Свет надежды, в нашу ночь забредший...» 282
«Блестит закатный окоём...» 283
«Все игрушки-ловушки...» 284
«В чаду безумных выборных комедий...» 285
«Птичий гомон весеннего леса...» 286
«Лето начинается с дождей...» 287
«Судьба нас всех по кругу гонит...» 288
«Дышу лесным дыханьем лета...» 289
«Мы стали безвольны, никчемны, смешны...» 290
«Всё не так, как хотелось бы нам на земле...» 291
Это круто 291
«Тонок сердца прерывистый стук...» 293
Огонь 2010 294
«Ушла жара, и закатилось лето...» 295
«Устал я от вечной войны...» 296
Ступени Лествицы 297
«Не образумит нас ничто...» 298

«Господи, не торопи...» 299
«Что ж, я тоже не был на Босфоре...» 300
«Хмурое небо и смутное...» 301
«Бесцветно, пасмурно и сыро...» 302
«Нам этот мир не мил...» 303
Крик 304
Владимиру Квачкову 305
«Взорвётся криком яростным Москва...» 306
«Обледеневшая Россия...» 307
«А снег идёт, а снег идёт...» 308
«Мы на грани грозных перемен...» 309
«Вьюжит в марте, как ранней зимой...» 310
«И вновь весна! Какое чудо!..» 311
«В случайные минуты вечерней тишины...» 312
«В летнем лесу аромат и прохлада...» 313
«Ласточки летают высоко...» 314
Божий глас 315
На смерть полковника Буданова 316
Фронт 317
«В парке листья бесшумно дрожат...» 318
«Бредя по снегу бывшему...» 319
Толерантная зона 320
Путь Христа 321
«Август спасает от боли сердечной...» 322
«Время лету прощаться с землёй...» 323
«Сам себя судьбе доверю...» 324
Дни 325
«Что-то в мире случилось такое...» 326
«Друг мой, быть может, я скоро умру...» 327
«Бабье лето в октябре...» 328
«Снова сердце радо зареву заката...» 329
«Сколько раз такое было...» 330
«И в ноябре бывает солнце!..» 331
«Пророки есть в Отечестве моём...» 332
Урод 333
«Ты была или только приснилась...» 334
«Был больным этот мир, пребывая впотьмах...» 335
Февраль 336
«И ныне Божий Сын унижен и распят...» 336
«Призрак отчаянья бродит...» 337
Сирень 338

Стихия 339
«Осыпался жасмин и лето поседело...» 340
«Помню сибирский смертельный мороз...» 340
Собаки-пусси. Тачки. Ру 341
«Макушка лета. Время золотое...» 342
«Похолодало, друг, похолодало...» 343
Проводы 344
«Бога об одной просил награде...» 344
«Пришла, взглянула и сразила...» 345
«Заливают страну чернотой...» 346
«Пусть на деревьях редеет листва...» 347
«Во власти скорого мороза...» 348
Жизнь 349
«Застыв, молчит бесснежный...» 350

ЭПИГРАММЫ, ПАРОДИИ, ЭКСПРОМТЫ 351

ПЕРЕВОДЫ

ИЗ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ 369
ИЗ СЕВЕРОАФРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ 400
ИЗ ПОЭЗИИ НАРОДОВ СССР 423

ОТКЛИКИ СОВРЕМЕННИКОВ

Елена Сапрыкина 550
Виталий Серков 556

Хатюшин Валерий Васильевич

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

Том второй

Издательство «Голос-Пресс».
Москва, ул. Цветной бульвар, д. 32, стр. 2

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
в типографии «Новое время».
302000, г. Орёл, ул. Итальянская, д. 23.
Тел./факс: (4862) 45-34-78